

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология.
Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology.
Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2020

VESTNIK RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»
RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series
Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art studies – Alexander V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включена: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г.

В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Editorial Board

DeBardeleben Joan, Dr. of Sci. (Politics Studies), professor, Carleton University, Ottawa, Canada

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russian Federation

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russian Federation

Markov Alexander V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Shevchenko Irina O., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Sipovskaya Nataliya V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation
Tsyrukun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russian Federation
Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia
Velikaya Nataliya M., Dr. of Sci. (Political Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russian Federation
Vlovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland
Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russian Federation

Executive editors:

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH
O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH
A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. ДеБарделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валье, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр Ежи, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звегинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кельнский университет, Кельн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вуппергаль, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. Социальная философия

<i>Сергей Г. Луковенков</i>	
«Паноптическая видимость»: культура надзора XXI века	10
<i>Александр С. Кудинов</i>	
Социальные дилеммы и коллективная рациональность	20
<i>Юнона А. Сергеева</i>	
Интерпретации кризисных явлений в трудовой жизни современного человека	34
<i>Анна А. Волкова</i>	
Человек и нечеловеческие существа: возможности взаимодействия	47

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Наталья М. Великая</i>	
Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью	57
<i>Елена А. Колосова</i>	
Динамика сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков	69
<i>Александра А. Нечаева</i>	
Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти	81
<i>Андрей А. Хохлов</i>	
Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание	94
<i>Юлия М. Беглякова, Александр С. Щирский</i>	
Сельская медицина: состояние и проблемы	103

Искусствоведение

<i>Илья Е. Печёнкин</i>	
«Английское» в творчестве И.В. Жолтовского: дом Скакового общества	111
<i>Мария Т. Майстровская</i>	
Выставка как жанр пластического искусства: «Dior»	138
<i>Александр В. Марков</i>	
Художественные миры: изучение и моделирование (Рец. на: Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик / сост., ред. Т. Г. Малинина. М.: БуксМАрт, 2020. 500 с., ил.)	151

CONTENT

Philosophy. Social philosophy

<i>Sergei G. Lukovenkov</i> “Panoptic visibility”. Surveillance culture of 21 st century	10
<i>Aleksander S. Kudinov</i> Social dilemmas and collective rationality	20
<i>Yunona A. Sergeeva</i> Interpretation of the crisis phenomena in the work life of the today human	34
<i>Anna A. Volkova</i> Human and non-human beings. Possibilities of interaction	47

Sociology: theoretical and empirical researches

<i>Nataliya M. Velikaya</i> Russian youth in the field of modern politics. Between traditionalism and opposition	57
<i>Elena A. Kolosova</i> The dynamics in the remembrance work and the memory actualization of the Great Patriotic War among modern children and adolescents	69
<i>Aleksandra A. Nechaeva</i> Narrative analysis as a collective memory research method	81
<i>Andrei A. Khokhlov</i> Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness	94
<i>Yulia M. Beglyakova, Alexander S. Shchirskii</i> Rural medicine. Condition and issues	103

Art Studies

<i>I.E. Pechenkin</i> “The Englishness” in I.V. Zholtovsky’s architecture. Horseracing society house	111
<i>Mariya T. Maistrovskaya</i> Exhibition as a genre of plastic art: “Dior”	138
<i>Aleksander V. Markov</i> Art worlds. Study and modeling (Review: Art worlds of the 21 st century. Ways of integrating architecture and art practices / T.G. Malinina (ed.). Moscow: BuksMArt Publ., 2020. 500 p., Ill.)	151

УДК 004.7

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-10-19

«Паноптическая видимость»: культура надзора XXI века

Сергей Г. Луковенков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lukovenkovsergei@yahoо.com*

Аннотация. В статье рассматривается возникновение системы ценностей, связанной с распространением информационных методов контроля в общественной и повседневной жизни человека современной эпохи. Утверждается, что ситуация «инфоцентризма» не является исключительным свойством нынешней эпохи. Посредством анализа паноптического проекта Иеремии Бентама, как наиболее разработанной теоретической модели, постулируются основные принципы надзора – «видимость» и «соучастие». Несмотря на то что в социальном воображении, которое проявляется в том числе через художественное творчество, надзор предстает как насильственное вторжение в частную жизнь человека, основной его формой для большинства членов социума является именно самонадзор. Впрочем, технический прогресс не мог не оказать влияния на практики контроля и, как следствие, на способы социального взаимодействия людей, постоянно существующих в информационной среде. В обществе, где культура надзора стала реальностью, человек, государство и корпорации имеют возможность создавать гомогенное информационное пространство, исключая из него людей с другими позициями и взглядами. «Власть исключать» рассматривается как результат тенденции объективации человека, как фундаментального ценного Другого в цифровом пространстве. Подобные и другие процессы служат обоснованием, почему надзор в его повседневных проявлениях не должен быть пренебрежен исследовательским взглядом.

Ключевые слова: надзор, контроль, Паноптикон, власть, культура надзора, социальные сети, интернет, коммуникация

Для цитирования: Луковенков С.Г. «Паноптическая видимость»: культура надзора XXI века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 10–19. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-10-19

“Panoptic visibility”. Surveillance culture of 21st century

Sergei G. Lukovenkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lukovenkovsergei@yahoo.com*

Abstract. The paper discusses an emergence of the value system associated with the distribution of informational methods for controlling and surveillance in person's everyday and social life nowadays. Accessibility of the informational technologies “democratized” practices of controlling and surveillance, destroying traditional hierarchical mode of these phenomena. Situation of the post-industrial civilization is characterized by the ability for the state, corporations and independent agents to collect and process personal data to achieve sometimes obscure goals. It is argued that situation of “infocentrism” is not a unique feature of present era. Through analysis of Jeremy Bentham's panoptic project, as being the most notably developed theoretical model, it is postulated that the key features of surveillance as such are “visibility” and “participation”. Despite the fact that in social imagination, through the works of fiction, surveillance is viewed as a violent intervention in private life of a person, the main form of it for the most members of society is self-surveillance. Still, technological progress couldn't but influence the practices of controlling and, as a consequence, the ways of the people social interaction, that are constantly present in the digital space. In a society, where the culture of surveillance became reality, the person, state and corporations have a possibility to create homogeneous informational space, excluding people with the different ideas and values out of it. “Power to exclude” is considered to be a result of a tendency to objectify another person, as fundamentally valuable “Other”, in the digital dimension. The alike and other processes justify why surveillance, in its everyday manifestations, should not be neglected by researchers.

Keywords: surveillance, control, Panopticon, surveillance culture, social networks, Internet, communication

For citation: Lukovenkov, S.G. (2020), “‘Panoptic visibility’. Surveillance culture of 21st century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 10-19, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-10-19

«Если в XX веке на наше понимание надзора могла так глубоко повлиять художественная литература – “1984” Оруэлла, – то в таком случае и в XXI веке стоило бы позволить подобным творениям держать зеркало, чтобы мы могли узнать наш собственный мир таким, какой он есть. Даже черное зеркало»¹ [Lyon 2018, p. 342], –

¹ «Even a Black Mirror» – Лайон обыгрывает название британского научно-фантастического телесериала «Черное зеркало», посвященного влиянию информационных технологий на жизнь человека. Зачастую эти сюжеты подаются в антиутопических тонах.

подчеркивает канадский социолог и один из корифеев *surveillance studies* (исследований надзора/наблюдения) Дэвид Лайон. Он постулирует необходимость изучения не только фактических сторон современных систем надзора, но также и явлений социального воображения. Эти проекции отражают как сознательное, так и бессознательное отношение людей к возможностям цифровой эпохи влиять на жизнь общества. Постепенно человек, интегрируясь в общественную систему, познает на собственном опыте присущие ей культурные принципы. Эти нормы и ценности оказывают влияние на человека еще до его рождения и обретения самосознания. Более того, «эти абстрактные идеи, или ценности, помогают человеку направлять свою жизнь в нужное русло и придавать ей смысл» [Гиденс 2005, с. 34].

В то же время не стоит переоценивать возможность культуры быть безоговорочным судьей, единственно решающим, какие социальные действия имеют право на существование, а какие должны быть отвергнуты, поскольку «способность культуры управлять человеческим поведением ограничена по многим причинам» [Смелзер 1994, с. 44]. Некоторые из этих причин связаны с делами рук человека: экономической ситуацией, технологическим фоном и т. п. Процессы глобализации, стремительно ускорившиеся с массовым распространением информационных и цифровых технологий, послужили началу изменений привычных форм коммуникации, осуществления власти и контроля, общения культур и отношения человека к ценности других людей. Произошедшая дигитализация многих, если не большинства, сторон жизни общества может быть рассмотрена как одна из причин, давших начало становлению новых социальных реалий, ценностей и идеалов.

Описание современности – задача не тривиальная. В попытках осмысления общества исследовательский дискурс обзавелся пестрым набором зонтичных моделей или «культур»: «потребления», «текущей современности», «риска», «постмодерна» и т. д. Несмотря на то что каждая из моделей претендует на адекватное описание социального мира, соперничая друг с другом, их объединяет высокая оценка необходимого условия существования сегодняшнего дня, т. е. цифровых информационных технологий². Например, смарт-

² Согласно статистическим данным, 59% населения планеты вовлечены в информационное пространство Интернета, причем в разных регионах доля вовлеченного населения возрастает до 80–95%, а общее число активных пользователей сети в апреле 2020 г. превышало четыре миллиарда человек (см.: Global digital population as of July 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения 7 мая 2020)).

фоны и другая «умная» техника, нареченная Зигмунтом Бауманом «персональным паноптиконом» [Lyон, Ваuman 2013, р. 59], заметно облегчила связь потребителя и поставщиков товаров и услуг. «Гаджет является эмблемой постиндустриального общества» [Бодрийяр 2006, с. 146] – пророчески писал в 1970 г. Жан Бодрийяр. Полвека спустя цифровые технологии не лишились статуса эмблемы, но только укрепили свою культурную значимость. Тем не менее имел ли Бауман основания сравнивать смартфоны, а шире – информационно-цифровую технику в целом, с одним из олицетворений тоталитаризма и деспотичного надзора, насильственно подавляющего человека и проявления свобод во имя некоего общего блага? Бесспорно, да. Паноптикон с современными цифровыми технологиями объединяет тяга к созданию пространства постоянной видимости, информационной прозрачности и открытости одних перед другими.

Обратимся к содержательной стороне Паноптикона, чтобы провести параллели между идеей XVIII в. и цифровыми технологиями современности. В 1787 г., находясь на территории Российской империи, юрист, реформатор и признанный впоследствии отцом утилитаризма Иеремия Бентам, следя за происходящими событиями в родной Англии в отношении пенитенциарной системы, в эпистолярной форме делился соображениями со знакомым. В дальнейшем дружеская переписка, снабженная архитектурным проектом и авторскими дополнениями, увидела свет под названием «Panopticon, or the Inspection-house». Этой работе суждено было стать одним из наиболее важных элементов в интеллектуальном наследии Бентама наравне с сочинением «Введение в основоположения морали и законодательства». Паноптикон – цилиндрическое строение, жилые помещения или камеры которого расположены по длине окружности. Камеры отделены друг от друга перегородками, чтобы исключить коммуникацию между содержащимися людьми. Центр строения занимает башня смотрителя, на которую ориентированы камеры во всем строении. Смотритель и поднадзорные соединены зрительно, но если поднадзорные и их действия полностью открыты смотрителю, то действия последнего, как и его состояние в целом, недоступны наблюдениям тех, кто подвергается контролю. По задумке Бентама, подобная рационализация инструментов организации пространства позволяет осуществлять главный принцип паноптической архитектуры, а именно – «видеть, не будучи видимым» [Bentham 1962, р. 44]. Остальные параметры, тщательно прописанные Бентамом в трактате, – такие как основанная на игре света и тени иллюзия постоянного присутствия надзирателя, проработка условий жизни и работы поднадзорных и т. д. – не пред-

ставляют пока теоретического интереса в исследовании состояния аппарата контроля и надзора в наши дни. Паноптикон – это попытка создания особого пространства, осуществляющего для властных элементов пассивный сбор информации, которая может быть использована как стимул при реализации активной формы надзора/наблюдения. При этом важно, что осознание человеком того, что исходящая от него информация – в терминах Бентама «видимость действий» – собирается некими силами, которые могут и будут использовать полученные данные в своих интересах, вынуждает человека корректировать поведение, дабы избежать нежелательных действий³.

Паноптическая тюрьма стала наиболее известной и распространенной идеей мыслителя, но, по задумке Бентама, «паноптизации» могут быть подвергнуты и другие социальные институты [Bentham 1962]. Если же расширить мысль англичанина, то и общество целиком. Идея Бентама интересна даже не столько как оригинальный утопический проект, основанный на желании (в чем-то еще более утопичном) переделать мир архитектурой, но как доведенный до предела особый культурный импульс, связанный с желанием обладать максимальным контролем над событиями, не прибегая к прямым формам насилия. История человеческих обществ связана с постоянным появлением множества артефактов – устного, письменного, архитектурного происхождения, – направленных на поддержание социального порядка посредством осуществления надзорной и фильтрационной деятельности. К таким артефактам можно отнести религиозные тексты, законы, армейские уставы, городское планирование и т. п. Как и в отношении Паноптикона, эффективность названных артефактов строится скорее на создании условий, вынуждающих человека действовать необходимым образом, нежели на активной форме надзора, то есть на прямом вмешательстве. Впрочем, надзор и наблюдение как явления общественного и частного порядка зачастую предстают в социальном воображении посредством символов и образов, связанных именно с негативными сторонами данных явлений. При упоминании их человек может представить неприметный фургон с агентами спецслужб, перехватывающими телефонные переговоры неугодного че-

³ Интересно, что идея создать у заключенных понимание и постоянное ощущение того, что в каждый момент их действия могут быть видимы, носила для Бентама по-настоящему тоталитарный характер: «Оставьте хоть одно место без охраны, и оно безусловно станет прибежищем самых последних мерзавцев среди заключенных и сценой для всякого рода запретных действий» [Bentham 1962, p. 86].

ловека, чей паспорт, кредитные карты и личность в один момент стираются из реальности по желанию властей. В другом случае ассоциативным событием может оказаться ситуация преследования или травли человека со стороны анонимных лиц, пользующихся данными, которыми человек добровольно делится в цифровом пространстве. Подобная рецепция надзора в художественном творчестве связана с противоречивым отношением к реальности «прозрачного» мира, с одной стороны, дающего небывалые возможности наращивания социального капитала, а с другой – создающего опасность потери контроля над своей информационной ипостасью. Несмотря на то что подобные сценарии могут быть реализованы, в процентном соотношении они столь малочисленны, что подавляющее число людей, скорее всего, никогда не столкнется с подобными проявлениями надзора со стороны властей и частных корпораций. Все это – яркие примеры того, как социальное воображение может влиять на восприятие надзора, пусть оно и разнится с повседневным опытом. Согласно соцопросам, подавляющее число американцев озабочены количеством собираемой о них информации и опасаются, что данные слабо защищены, и неизвестно, что с ними происходит, при этом около 97% среди взрослых опрошенных оказывались в ситуации, когда принимали политику сбора персональных данных (пользуясь сайтами или услугами), но лишь 20% из числа опрошенных часто читают соглашения целиком⁴.

Для большинства членов социума надзор существует в качестве необходимости корректировки поведения в соответствии с декларируемыми принципами социальных групп для успешной интеграции. Другими словами, основная форма надзора – самонадзор. В области *surveillance studies* встречаются предположения, что цифровая революция совершила переворот в подходе к использованию практик надзора и наблюдения: в эпоху информационной видимости насилие трансформируется – в пользу соблазнения, вовлечения индивида, чтобы он был заинтересован в передаче персональных данных, личной информации в обмен на скидки, бонусы или социальное признание, создавая новую логику надзора, где «многие наблюдают за многими», а прозрачность воспринимается

⁴ Данные исследовательского отчета “Key takeaways on Americans’ views about privacy, surveillance and data-sharing”, основанного на крупном исследовании “Americans and privacy: concerned, confused and feeling lack of control over their personal information” Исследовательского центра Пью, проведенного осенью 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/11/15/key-takeaways-on-americans-views-about-privacy-surveillance-and-data-sharing/> (дата обращения 7 июня 2020).

как результат добровольного выбора [Galič, Timan, Koops 2017]. Подобные концепции вызывают ряд нареканий, которые можно выразить следующим образом: характеристика вовлеченности или соучастия не отражает фундаментального изменения в аппарате надзора/контроля, указывая на возросшие технические и вычислительные возможности современности по сравнению с прошедшими историческими эпохами. Паноптическая архитектура не находила бы такой большой научный и культурный отклик, будь она лишь памятником мысли, не пересекающимся с актуальными событиями или практиками, которые стали частью повседневной активности человека. Паноптические организации, не связанные с пенитенциарной системой, предполагали, что человек волен при желании покинуть их, лишаясь предполагаемых преимуществ. Понятно, что в условиях XVIII в. мало кто был заинтересован в тех данных, в той персональной информации, которая сегодня собирается в огромных количествах всеми, кто в ней заинтересован, – от малых сайтов и корпораций до правительственных организаций. Тем не менее личная информация имела ценность. Для работы паноптического пространства требовался «доступ» к поведению, действиям и даже в определенном смысле к намерениям человека – через реализацию «принципа видимости», как задумывал Иеремия Бентам.

Но цифровые технологии надзора не могли не привнести новшеств в сферу коммуникации. Если попытаться определить, имеет ли место в современном мире особая культура, связанная с практиками надзора и наблюдения, необходимо говорить о том, как технологическое усиление этих феноменов повлияло на взаимодействие людей в социуме, что оно привнесло в представление о человеке как «Другом», его ценности и присутствии. Немецкий теоретик и культуролог Хан Бюн-чоль, задаваясь вопросом о природе социальных взаимодействий в эпоху Интернета, приходит к выводу, что возможность почти безграничной коммуникации парадоксальным образом не сблизила «Субъекта» и «Другого» [Hoban, Han 2018]. Как получается, что в ситуации, когда межличностное общение стало столь простым и глобальным, приходится говорить о некотором забвении и пропаже «Другого»? Речь вовсе не о том, что человек буквально закрывается от других людей, разрывая социальные связи. Во многом характерно обратное: коммуникационная область человека может включать сотни людей, а возможности информационного мира позволяют ему, будучи независимым агентом, взаимодействовать с огромным количеством людей по всей планете. Размышляя о ситуации XX столетия, Жан Лакруа вынес приговор эпохе: «Современный мир наполнен произносящими монологи

индивидами, и они никогда не принимают “другого”, противостоят, сталкиваются между собой» [Лакруа 2004, с. 453]. На первый взгляд, создается впечатление, что современная ситуация стала диаметрально противоположной: социальные сети и платформы (Twitter, Facebook, YouTube и т. п.) дают возможность единомышленникам вступать в живой диалог, которой был бы во многих случаях невозможен без цифрового посредничества.

Впрочем, не все столь однозначно. На распространение коммуникационных платформ можно посмотреть иначе – как на следствие активно развивающейся культуры надзора. Одно из предназначений надзора и наблюдения в обществе состоит в исключении или социальной дискредитации неугодных элементов. Надзирать – значит обладать властью отстранения, властью исключать из общения. Социальные сети и платформы позволяют реализовать подобный сценарий радикальным образом, влияя в итоге на представление о ценности Другого и важности конкурентной борьбы идей для существования гражданского общества. Цифровые способы межличностного взаимодействия позволяют человеку или контролирующим платформы организациям создавать гомогенное информационное поле, где будет исключено или сведено к минимуму столкновение с инакомыслием, неугодной информацией и неугодными людьми. При желании практически каждый человек или организация может создать свой собственный Паноптикон и быть в нем единственным надзирателем. Очевидно, что регулировка этического или юридического характера для сетевого пространства необходима, но чрезмерность зачастую приводит к совсем нежелательным результатам, придавая новое измерение старой дилемме свободы или безопасности. Хан Бюн-чхоль вводит термин “The Same” («такой же»/«тот же самый») для описания того, с кем или чем может столкнуться человек, попавший в цифровой мир. «Другой», как важный элемент развития человека, оказывается под угрозой сведения к простому источнику удовольствия, причем не всегда безобидного, чему свидетельствует серьезная для современного мира проблема интернет-травли или кибербуллинга. Информационное пространство стало полноценной областью, где люди осваивают и формируют навыки общения, непосредственно влияющие на активность в «реальном мире».

Культура надзора – это производная «демократизации» способов осуществления надзорной власти через распространение цифровых технологий, дающих возможность индивиду или группам очерчивать границы собственного информационного мира. Конечно, наличие возможности осуществлять надзорную власть не означает, что каждая вовлеченная сторона обязательно будет выстраи-

вать свой «закрытый» мир, исключая столкновение с незнакомым и чуждым. Однако сама возможность подобного подтверждает, что наравне со многими социальными феноменами современности имеет место особая «культура надзора», которая должна быть тщательным образом исследована. Еще только предстоит философски осмыслить влияние не только «власти исключения», которая ведет к переоценке ценности «Другого», но и других проявлений культуры надзора в повседневной и политической жизни общества. Тем не менее, не желая дополнять негативные образы культуры надзора и технологических антиутопий, хочется завершить статью словами Дэвида Лайона, настаивающего, что позитивные и негативные следствия технологий зависят непосредственно от общества, напрямую от нас:

Доктрина технологической неизбежности ложна, ведь производство технологий – это социально обусловленное человеческое стремление. Те, кто вкладывают мысли, что технологии являются некоей неудержимой силой, часто имеют свой интерес в препятствовании сопротивлению или отрицании роли человеческого фактора [Lyon 2018, p. 342].

Литература

- Бодрийяр 2006 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структура / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.
- Гидденс 2005 – *Гидденс Э.* Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 451–632.
- Лакруа 2004 – *Лакруа Ж.* Смысл диалога // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм: Пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. С. 451–535.
- Смелзер 1994 – *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
- Bentham 1962 – *Bentham J.* Panopticon, or Inspection-house // The works of Jeremy Bentham. Vol. 4. New York, 1962. P. 37–172.
- Galič, Timan, Koops 2017 – *Galič M., Timan T., Koops B.-J.* Deleuze and Beyond: An Overview of Surveillance Theories from the Panopticon to Participation // *Philosophy & Technology*. 2017. № 30. P. 9–37.
- Hoban, Han, 2018 – *Hoban W., Han B.* The Expulsion of the Other. Hoboken: Wiley, 2018. 111 p.
- Lyon 2018 – *Lyon D.* The Culture of Surveillance: Watching as a Way of Life. Hoboken: Wiley, 2018. 377 p.
- Lyon, Bauman 2013 – *Lyon D., Bauman Z.* Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013. 184 p.

References

- Baudrillard, J. (2006), *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktura* [La société de consommation: ses mythes et ses structures], Transl. from French, afterword and notes by E.A. Samarskaia, Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, Russia.
- Bentham, J. (1962), "Panoptic, or the Inspection-house", *The works of Jeremy Bentham*, vol. 4, New York, USA.
- Galič, M., Timan, T. and Koops, B.-J. (2017), "Deleuze and Beyond: An Overview of Surveillance Theories from the Panopticon to Participation", *Philosophy and Technology*, no 30, pp. 9–37, DOI: 10.1007/s13347-016-0219-1.
- Giddens, A. (2005), *Sotsiologiya* [Sociology], with the participation of K. Birdsall, transl. from English, 2nd ed., completely revised and enlarged, Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Hoban, W. and Han, B. (2018), *The Expulsion of the Other*, Hoboken, Wiley, USA.
- Lacroix, J. (2004), "The meaning of dialogue", *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works. Personalism], Transl. from French, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 451–535.
- Lyon, D. (2018), *The Culture of Surveillance, Watching as a Way of Life*, Wiley, Hoboken, USA.
- Lyon, D. and Bauman, Z. (2013), *Liquid Surveillance*, Wiley, Hoboken, USA.
- Smelser, N. (1994), *Sotsiologiya*, [Sociology], transl. from Engl, Feniks, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей Г. Луковенков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lukovenkovsergei@yahoo.com

Information about the author

Sergei G. Lukovenkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; lukovenkovsergei@yahoo.com

Социальные дилеммы и коллективная рациональность

Александр С. Кудинов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kudinovasrus@yandex.ru*

Аннотация. В статье обсуждается совместимость рациональных действий на индивидуальном уровне с рациональностью на коллективном уровне. Эта проблема возникает в ситуациях принятия решений несколькими индивидами, когда результаты возможного рационального выбора индивида ограничены взаимодействиями с другими акторами. Подобные случаи взаимодействия встречаются в экономической теории, политологии, социологии, менеджменте и других областях наук, связанных с человеком и группой людей. Рассматриваются социальные дилеммы, которые появляются, когда все индивиды социальной группы ведут себя как «рациональные максимизаторы полезности», что мешает прийти к согласию и скоординировать свои действия. В связи с дилеммой «трагедия общего» обсуждаются пути преодоления несовместимости индивидуальной и коллективной рациональности в рамках новой институциональной политики как нового направления науки по управлению общественными ресурсами.

Ключевые слова: индивидуальная и коллективная рациональность, «невидимая рука», социальные дилеммы, «трагедия общего», институты самоуправления

Для цитирования: Кудинов А.С. Социальные дилеммы и коллективная рациональность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 20–33. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-20-33

Social dilemmas and collective rationality

Aleksander S. Kudinov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kudinovasrus@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the compatibility of particular rational actions at the individual level with the rationality as such at the collective one. The issue arises in decision-making collisions by several individuals, when the results of a possible rational choice of an individual are restricted by interac-

tions with other actors. Such cases of interaction are found in the economic theory, political science, sociology, management and other areas of science related to a person and a group of people.

The article examines the social dilemmas that are obvious when all individuals in a social group behave as «rational maximizers of utility» what makes it difficult to come to mutual agreement and coordinate their actions.

In respect to the «tragedy of the common» dilemma, the author discusses ways of overcoming the incompatibility for individual and collective rationality within the framework of a new institutional policy, as a new direction of science in the public resources management.

Keywords: individual and collective rationality, invisible hand, social dilemmas, tragedy the common, self-government institutions

For citation: Kudinov, A.S. (2020), "Social dilemmas and collective rationality", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 20-33, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-20-33

Введение

Рациональность – одна из основных социально-культурных ценностей. Век назад М. Вебер говорил об исторической тенденции «рационализации», и мало кто оспаривает этот тезис. Рациональность имеет много сторон и проявлений. Обычно различают теоретическую и практическую рациональности. Научное познание и экономическая деятельность предстают наиболее ясными реализациями этих двух видов рациональности. Получение объективного знания невозможно без использования рациональных методов. Без опоры на рациональный расчет человек не мог бы эффективно действовать в хозяйственной жизни.

Природе научной рациональности, историческому изменению ее норм и типов посвящено немало работ. Меньше внимания в нашей литературе отводится практической рациональности. Между тем в последние десятилетия здесь обнаружилось немало проблем. Одной из центральных является проблема соотношения индивидуальной и коллективной рациональности. Последняя относится к виду практической рациональности, проявляемой в ситуациях принятия решений несколькими индивидами, когда потенциально полезные результаты возможного рационального выбора индивида ограничены взаимодействиями с другими людьми, которые имеют свои собственные предпочтения. Как можно объяснить трансляцию рациональности с индивидуального уровня на уровень коллективных решений? Учитывая предположе-

ние, что индивидуальные действия руководствуются собственными интересами, как можно объяснить коллективное действие? При каких обстоятельствах рационально действующий индивид может присоединиться к взаимозависимым коллективным действиям? Является ли коллективная рациональность совокупным понятием индивидуальной рациональности или оно обозначает что-то иное?

Классические решения проблемы

В классической социально-экономической мысли проблема соотношения индивидуальной и коллективной рациональности решалась с позиции методологического индивидуализма. Хотя это понятие было введено в оборот в начале XX в. австрийским экономистом Й. Шумпетером, оно имело глубокие идейные корни. Другой известный представитель австрийской экономической школы и социальный теоретик Ф. Хайек в работе «Индивидуализм и экономический порядок» связывает индивидуализм с британской традицией Просвещения, с такими его представителями, как Дж. Локк, Б. Мандевиль, Д. Юм, А. Фергюсон и А. Смит. По Хайеку, суть методологического индивидуализма состоит в том, что «нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения» [Хайек 2000, с. 27]. При этом такой подход не подразумевает постулирование того, что мир состоит из «атомизированных» индивидов, свободных от своей социальной природы. Британские философы рассматривали последнюю через призму аффектов и желаний, владеющих индивидом и определяющих его поступки. Разум играет здесь производную роль, что означает, что люди – существа далеко не рациональные. Этот реалистический взгляд на человеческую природу был присущ и А. Смиту и являлся исходным пунктом концепции *homo economicus*. Будучи изначально таким, какой он есть, человек тем не менее вынужден поступать в хозяйственной жизни рационально, «экономично», преследуя прежде всего собственный интерес. Таким образом, индивидуально человек в этой сфере действует рационально. Но как происходит переход рациональности с индивидуального уровня на коллективный уровень? Эту проблему А. Смит решал с помощью объяснения механизма конкурентного рынка, благодаря которому частные интересы отдельных людей приходят в соответствие с интересами общества в отсутствии диктата центральной власти. Не забота о благе других людей за-

ставляет мясника или булочника предлагать людям качественные продукты, разъяснял этот механизм А. Смит, но их стремление получить больше прибыли. Также действуют и их конкуренты, что приводит к производству хороших товаров и не дает расти ценам на них. В результате «невидимая рука» рынка ведет эгоистических индивидов к общественному благу: в хозяйственной деятельности человек:

...имеет в виду лишь свой собственный интерес, преследует собственную выгоду, причем невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свой собственный интерес, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится к этому [Смит 1962, с. 332].

С британской политической экономией, идущей от А. Смита, тесно связана этико-правовая концепция утилитаризма, родоначальником которой был И. Бентам. Он считал, что этику можно превратить в рациональную науку, в «моральную арифметику». Вместо смутных понятий добра и зла Бентам использовал более четкие категории – удовольствие и страдание. При этом он считал, что перед выбором действия индивид способен рационально оценить количество удовольствий и страданий, или пользы и издержек, от его свершения. В отличие от А. Смита, он не апеллировал к «невидимой руке», полагая, что правовыми методами можно предостеречь людей от нерациональных поступков. В результате у него получалось, что рациональные действия индивидов приводят к рациональному результату на коллективном уровне – «максимальному счастью для максимального числа людей». Эта знаменитая формула вызывала немало насмешек. Между тем максимизация полезности как достаточно универсальный принцип прочно вошел в концепцию практической рациональности. Современный теоретик права оценивает это так:

Бентам был одним из наиболее ранних и до последнего времени единственным мыслителем, который полагал, что люди действуют рационально, максимизируя свою полезность в любой сфере жизни. Другими словами, он считал, что экономическая модель, которая, если посмотреть на нее подобным образом, является лишь детализацией предпосылки о том, что люди ведут себя рационально и максимизируют свою полезность, может быть применена ко всему спектру человеческой деятельности, а не ограничена явными рынками [Познер 2004, с. 313].

В отличие от британских мыслителей, М. Вебер, «социолог, с именем которого в наибольшей степени связана попытка отследить механизм и постигнуть суть всепроникающей рациональности» [Геллнер 2003, с. 189], не связывал рациональность с природой человека. Он считал, что в основе приверженности людей к новоевропейскому типу рациональности, стимулировавшему развитие экономики и науки, лежит непредвиденный поворот в развитии конкретной религиозной традиции – протестантизма. Вместе с тем он также исходил из методологического индивидуализма и скептически относился к коллективным понятиям типа духа времени или характера народа. Основой его теории является выделение четырех идеальных типов социального действия: целерационального, ценностно-рационального, традиционного и аффективного. Эта типология позволяет более точно объяснить, как происходит процесс модернизации и «рационализации» западной культуры: это развитие, характеризующееся ростом числа сфер деятельности, в которых преобладают целерациональные действия индивидов. По Веберу, это происходит в таких областях, как хозяйственная жизнь, бюрократическое управление, наука. В этих сферах индивидуальная рациональность многих социальных агентов агрегируется в возрастающую коллективную рациональность. Стоит отметить, что Вебер смотрел на этот процесс глазами пессимиста: он считал его исторически необходимым, но загоняющим жизнь людей в «железную клетку» рациональности.

В середине XX в. важные идеи о соотношении индивидуальной и коллективной рациональности предложил Ф. Хайек, продолживший на новом уровне британскую традицию социально-экономической мысли. Он не отрицал значение критического использования разума и тот факт, что оно способствовало ускоренному развитию европейской цивилизации. Однако он критиковал конструктивистский рационализм, возведший рациональность в ранг высшей инстанции и искаживший ее значение. В своей книге «Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разума» [Хайек 2003] к сторонникам конструктивистского рационализма он отнес таких мыслителей, как Декарт, Руссо, Сен-Симон, Гегель и Маркс. У них он обнаруживает идеалы рационально построенного и управляемого социума, а все то, что не подчиняется рациональному конструированию, рассматривается как нечто порочное, показывающее свою иррациональность. Этому Хайек противопоставляет критический рационализм британских мыслителей, из современных концепций ему ближе всего критический рационализм К. Поппера [Кубедду 2008, с. 330]. Одной из ключевых идей социальной философии Хайека является концепция «спонтанного порядка». Специфика

«спонтанного порядка» заключается в том, что он не создается на основе рационального плана, а представляет собой результат действий многих людей, преследующих собственные цели. Примерами таких «спонтанных порядков», то есть самоорганизующихся систем, являются мораль, общее право, деньги, рынок и пр. Хайек называет спонтанный порядок «вероятно, величайшим открытием из всех, когда-либо совершенных человечеством» [Hayek 1976, р. 136]. Наиболее ярким воплощением спонтанного порядка является рынок в силу того, что он принципиально отличается от управляемых сверху централизованных структур, таких как армия или школа. Рынок видится Хайеку как сложный институт, позволяющий наиболее полно аккумулировать информацию, рассеянную среди множества индивидов. Первоначально концепция рассеянного знания была изложена им в статье «Экономическая теория и знание» (1936), а в дальнейшем получила развитие в работе «Использование знания в обществе» (1945). Эту концепцию Хайек также называл концепцией разделения знания по аналогии с концепцией разделения труда А. Смита. Суть концепции рассеянного знания заключается в том, что социально-экономическое знание есть разнообразие локальных фактов и мнений, которые не существуют в едином виде, а являются рассеянными между индивидами и применяются в индивидуальных действиях. Рынок как спонтанный порядок переводит эти действия в наиболее эффективный результат. В итоге возникает картина, сходная с «невидимой рукой» А. Смита:

...спонтанное взаимодействие множества людей, где каждый обладает только небольшой крупницей знаний, порождает такое положение дел, которое могло бы быть создано лишь под сознательным руководством некоего существа, обладающего совокупным знанием всех этих индивидов [Хайек 2000, с. 66].

Между тем механизм рынка и другие сходные социальные институты формируются не неким рациональным суперсуществом, а возникают спонтанно в процессе социальной эволюции. Последнюю Хайек в своих поздних работах трактует подобно биологической эволюции. Различные правила и нормы человеческого поведения, не прошедшие сквозь эволюционный фильтр, подвергаются отсеву. В результате выживают и закрепляются успешные институты и практики. В этой картине важно то, что коллективная рациональность не должна внедряться «сверху» в виде нового Левиафана или же рационального проекта идеального сообщества. Вместе с тем критики концепции Хайека отмечают, что его концепция слишком оптимистична и напоминает «панглоссианизм» Вольтера,

поскольку эволюционные механизмы без сознательных действий людей обеспечивают жизнь в лучшем из возможных институциональных миров.

Этот краткий обзор показывает, что классики социально-экономической мысли совмещали защиту индивидуальных свобод и одновременно поиск таких институтов, которые могли бы побуждать рациональных индивидов, преследующих собственные интересы, содействовать благу всего общества. Главным механизмом в этом им виделся конкурентный рынок, посредством которого люди приходят к созданию взаимовыгодных благ.

Социальные дилеммы: оборотная сторона «невидимой руки»

С середины XX в. непроблематичный перенос рациональности с индивидуального на коллективный уровень стал ставиться под сомнение. Ряд исследователей выявили в этом проблемы, которые уже не разрешались апелляцией к «невидимой руке». Наиболее значительными из них являются следующие. В 1950 г. американские специалисты по теории игр М. Флуд, М. Дрешер и Э. Таккер разработали игру, которая получила название «дилемма заключенного». В ней два индивида, следующие логике рациональной максимизации полезности, в итоге получают далекий от возможного оптимального решения результат. В 1965 г. вышла книга М. Олсона «Логика коллективных действий» [Олсон 1995], в которой он поставил под сомнение традиционную точку зрения, что индивиды, объединенные в группы с общими целями, стремятся реализовать коллективное благо. В 1968 г. американский биолог и эколог Г. Хардин в ставшей знаменитой статье «Трагедия общин» [Хардин 2020] описал сценарий, в котором сообщество рационально действующих людей приходит в итоге к разрушению условий своей жизни.

Общим для всех этих моделей является то, что в них рациональный выбор индивида взаимосвязан с рациональными выборами других людей. Их также часто называют социальными дилеммами, поскольку они позволяют анализировать множество ситуаций в реальной социальной жизни. Дилемме заключенного посвящена огромная литература, здесь можно отметить лишь то, что в ходе ее обсуждения возник вопрос о соизмеримости коллективной и индивидуальной рациональности. Известный канадский специалист российского происхождения по теории игр А. Раппопорт в ходе анализа этой дилеммы предположил, «что концепция “рациональности” должна быть пересмотрена и, возможно, разде-

лена на две концепции, индивидуальную рациональность и коллективную рациональность» [Rapoport 1974, p. 4]. Стоит отметить, что первым использовал понятие «коллективная рациональность» Дж. Бьюкенен [Buchanan 1954], один из классиков так называемого «экономического империализма» – направления, в котором модель рационального экономического выбора распространяется на социальные и политические области. В своей теории общественного выбора Бьюкенен реализовал такую основную идею:

Политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на необходимые всем и каждому блага: от местной пожарной охраны до суда [Бьюкенен 1997, с. 23].

В парадигме экономического империализма работал и М. Олсон, стремившийся объяснить, как группа людей может реализовать общее благо, если каждый из членов группы является рациональным индивидом, преследующим собственные интересы. Применяя эту модель к группам разного размера, он пришел к выводу, что малые группы могут осуществлять коллективную деятельность гораздо эффективней, чем большие, поскольку в них возможен взаимный контроль за вкладами индивидов в общее дело. В больших же группах их члены, создавая и пользуясь коллективным благом, несут небольшие затраты. В результате неизбежно появление «безбилетников» или «халявщиков» (free-riders) – людей, которые потребляют общее благо, не прилагая усилий для его создания. Чем больше группа, тем она менее эффективна, и тем больше в ней «безбилетников». Олсон считает, что существует два основных способа рациональной организации большой группы. Во-первых, это объединение малых групп в виде федерации и, во-вторых, организация большой группы средствами малой группы, которая может стать ядром, обладающим значительным ресурсом и средствами надзора (принуждения) над остальными участниками группы. В подтверждение своих выводов Олсон рассматривает историю развития профсоюзов и партий, где складываются эти формы организации и возникает «всеобщая тенденция к принуждению» [Олсон 1995, с. 129].

В названной выше работе Г. Хардина в основном речь в мальтузианском духе идет о необходимости остановить рост населения Земли в условиях ограниченности природных ресурсов. Но там есть сюжет, который имеет непосредственное отношение к дилем-

ме коллективной рациональности. Начинает его Хардин с упоминания А. Смита:

С выходом его книги «Богатство народов» (1776) в экономическую науку было введено понятие «невидимой руки» – идея о том, что индивида, «стремящегося лишь к собственной выгоде», «направляет в сторону общественного интереса... невидимая рука». Адам Смит не утверждал, что это происходит во всех случаях; то же самое, вероятно, можно сказать и о его последователях. Однако он способствовал возникновению в научной мысли тенденции, которая стала с тех пор господствующей и которая препятствует активным действиям, основанным на логическом анализе – речь идет об идее, будто решения, принимаемые на индивидуальном уровне, являются наилучшими и с точки зрения общества в целом [Хардин 2020].

И далее Хардин показывает, что отмеченная тенденция отвлекает внимание от важного круга социальных ситуаций, в которых ориентация рациональных индивидов на собственные интересы приводит в результате к разрушению их коллективного блага. В качестве примера он приводит сценарий, в котором сообщество рациональных скотоводов пользуется общим пастбищем. Благополучие каждого из них определяется количеством его коров. Будучи человеком рациональным, каждый владелец хочет максимизировать собственную выгоду и оценивает пользу от увеличения своего стада на одну корову. Весь доход от этого идет ему, а убыток, связанный с дополнительной нагрузкой на пастбище от выпаса еще одной коровы, распределяется на всех скотоводов.

Сопоставив компоненты полезности, рационально мыслящий скотовод приходит к выводу: единственный разумный способ действия для него – это увеличить стадо еще на одно животное. Потом еще на одно, и еще... Но к точно такому же выводу приходят все рационально мыслящие скотоводы, пользующиеся общим пастбищем. Отсюда и возникает трагедия. Свободное пользование общими ресурсами оборачивается всеобщим разорением [Хардин 2020].

Хардин приводит и другие примеры общих ресурсов или коллективных благ: это вылов рыбы в общем водоеме, эксплуатация национальных парков и т. п. Для общего блага характерно то, что если оно открыто для одного индивида, то им могут пользоваться и все другие члены сообщества. Важно отметить, что в таких социальных ситуациях индивидуальная и коллективная рациональности приходят к противоречию. Проявляется своего рода оборотная,

негативная сторона «невидимой руки», когда следование индивидуальной рациональности ведет не к росту коллективного блага, а его истощению или разрушению. Собственный подход Хардина к решению таких социальных дилемм не отличается ясностью. Он верно считает, что нельзя уповать на призывы к сознанию людей и предлагает принцип «взаимного вмешательства, осуществляемый по общему согласию», дополненный некоторым властным органом. Но как можно достичь этого «общего согласия», своего рода социального контракта между рациональными индивидами, остается неясным.

Коллективная рациональность как следствие самоорганизации

Казалось бы, социальные дилеммы типа «трагедии общего» можно решать с помощью хорошо продуманного внешнего рационального управления. Однако на деле это не так просто. Немецкий специалист по компьютерному моделированию Д. Дернер в своей книге «Логика неудачи» описывает такую историю [Дернер 1997, с. 12–13]. Он предложил двум коллегам, профессиональному экономисту и физика с ученой степенью, которые критиковали местную власть за неумение управлять городским хозяйством, помочь бедному африканскому племени моро, чья жизнь моделировалась стратегической компьютерной игрой. Это бедное полукочевое племя жило выпасом скота около небольших водоемов и немного выращивало просо. Велика была детская смертность, коровы часто погибали от укусов мух цеце. В качестве средств управления можно было бурить колодцы для орошения пастбищ и посевов проса, основать медицинскую и ветеринарную помощь. Коллеги основательно обдумали план действий и стали его осуществлять в течение 20 лет, которые компьютер спрессовал в два часа. Вначале жизнь племени заметно улучшилась. В результате орошения расширились пастбища, члены племени увеличили свои стада. Медицина увеличила численность моро.

Однако постепенно пастбищ стало не хватать. Луга истощились, от голода скот объедал корни, уменьшился растительный покров. Бурение дополнительных колодцев помогло только на короткое время, а затем привело к исчезновению запасов грунтовых вод. В конце концов население оказалось в безвыходной ситуации. Спасти моро можно было только с помощью извне [Дернер 1997, с. 13].

Централизованное управление общими ресурсами вряд ли может быть эффективным. Но и перевод общих ресурсов в част-

ную собственность не может быть решением проблемы: как быть с общим побережьем моря, у которого рыбаки ловят рыбу, или с рекой в случае орошаемого земледелия? Вместе с тем нельзя считать, что «трагедия общих ресурсов» является неизбежной. Если бы это было так, то леса, пастбища, водоемы с рыбой уже давно бы исчезли. Однако в различных странах и регионах длительное время существуют сообщества, которые коллективно используют общие ресурсы, сохраняя и эффективно используя их.

Весьма убедительные теоретические модели, объясняющие, как это происходит, разработала Э. Остром, первая женщина, получившая нобелевскую премию по экономике в 2009 г. В своей работе «Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности» [Остром 2010] она показала, что наиболее эффективно управлять общими ресурсами могут те люди, которые их используют, а не административные органы. По мнению Остром, сторонники административных способов искажают проблему общих ресурсов по следующим причинам. Они считают, что индивиды, использующие эти ресурсы, способны лишь к краткосрочной максимизации, но не способны к пониманию долгосрочной стратегии их поддержания и улучшения. Индивиды также рассматриваются как находящиеся в ловушке, из которой они не могут выбраться без центральной власти. Правила и институты, которые могут выработать сами индивиды, изначально считаются неэффективными. Для опровержения этой картины Остром приводит обширные эмпирические исследования успешного решения «дилеммы общих ресурсов» самими людьми в разных регионах мира. Это, например, использование альпийских лугов и лесов жителями швейцарских деревень, аналогичный опыт японских горных общинных угодий, коллективные системы орошаемого земледелия в испанской Валенсии и на Филиппинах, успешные самоуправляемые институты прибрежного рыболовства в районе турецкой Алании. «Эти примеры с большой убедительностью показывают наличие принципиальной возможности (но не гарантированности) существования робастных (т. е. устойчивых. – А. К.) самоуправляемых институтов, пригодных для работы со сложными ситуациями, возникающими в ходе эксплуатации общественных ресурсов» [Остром 2010, с. 199]. Достоинством такой самоорганизации является также то, что в ней решается проблемы «безбилетника» и «оппортунизма», характерные для коллективного действия. Это происходит потому, что

...участники сами проектируют свои контракты, учитывая информацию, которой они обладают. Владельцы стад, использующие год за годом один и тот же луг, имеют подробную и относительно точную информацию о его пастбищной мощности. Они наблюдают за поведением

ем других владельцев стад и имеют стимулы сообщать о нарушениях контракта. Поскольку это будет в их собственных интересах, стороны, которые вели переговоры по контракту, будут следить друг за другом, сообщая о случаях его нарушения, так что контракт предполагает принуждение к его выполнению [Остром 2010, с. 49–50].

Вместе с тем Остром считает, что нет априорных моделей самоуправления общими ресурсами, многое здесь зависит от местных условий и традиций. Также нет гарантий, что попытки самоорганизации приводят к успеху. Например, в отличие от Алании существующие правила прибрежного рыболовства в турецких районах Бодрума и Измира привели к истощению ресурсов и конфликтам между различными группами рыбаков [Остром 2010, с. 275–278].

На основе примеров успешного самоуправления общими ресурсами Остром выделяет ряд норм и правил, которые нужно реализовать [Остром 2010, с. 175]:

- определить границы общего ресурса и ограничить его внешнее использование;
- установить правила по присвоению общих ресурсов, подходящие к местным условиям;
- выработать коллективные способы принятия решений;
- производить эффективный контроль со стороны наблюдателей, которые сами являются участниками общественного ресурса;
- установить ограничения и наказания для нарушителей;
- найти легкие и дешевые способы разрешения конфликтов;
- сообщество должно быть признано органами власти.

Характерно, что в приведенной выше цитате используется термин «контракт». Это, конечно, не нужно понимать в буквальном смысле, что сообщество индивидов садится за стол и подписывает кипу бумаг. Нередко правила, входящие в такой контракт, имеют многовековую историю, как в случае с альпийскими пастбищами. Тем не менее такие контракты не могут возникнуть благодаря «невидимой руке», действующей за спиной рациональных индивидов. Эти индивиды должны коллективно осознать, что ограничение краткосрочной максимизации выгоды в использовании общих ресурсов приведет к увеличению ожидаемой полезности для каждого из них в долгосрочной перспективе. В принципе «трагедия общин» сводится к «дилемме заключенных» с многими игроками. Если эти игроки не сотрудничают, то все они получают худший результат, чем при координации своих действий. Поэтому индивидам рационально соблюдать нормы и правила самоорганизации, и в этом плане можно говорить о коллективной рациональности, возникающей и существующей в таком сообществе.

Заключение

Понятие рациональности можно связывать не только с мышлением, но и с действиями людей. Несложно оценить рациональность индивидуальных действий. Но когда индивиды включаются в совместную, коллективную деятельность, возникает немало социальных дилемм, анализ которых важен и в теоретическом, и практическом отношении. В классической экономической и социальной мысли, как было показано, эти дилеммы не привлекали внимания. С одной стороны, считалось рациональным централизованное управление, с другой – совмещение индивидуальных и общих интересов невидимой рукой рынка. Однако централизованное управление чревато насилием, а у невидимой руки проявилась оборотная сторона. В решении социальных дилемм ключевым является вопрос о сотрудничестве без принуждения – как рациональном выборе самих участников коллективного действия. И современные теоретические модели, и реальный опыт показывают, что такие решения возможны, хотя успех в этом деле не гарантирован.

Литература

- Бьюкенен 1997 – *Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики // Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурис Альфа, 1997. 560 с. (Серия «Нобелевские лауреаты по экономике»)
- Геллнер 2003 – *Геллнер Э.* Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 252 с.
- Дернер 1997 – *Дернер Д.* Логика неудачи. М.: Смысл, 1997. 237 с.
- Кубедду 2008 – *Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы. М.: Челябинск: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2008. 383 с.
- Олсон 1995 – *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
- Остром 2010 – *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, 2010. 447 с.
- Познер 2004 – *Познер Р.* О применении экономической теории и злоупотреблении ею при анализе права // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ВШЭ, 2004. С. 312–348.
- Смит 1962 – *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 688 с.
- Хайек 2000 – *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 256 с.
- Хайек 2003 – *Хайек Ф.* Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. 288 с.
- Хардин 2020 – *Хардин Г.* Трагедия общин [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/hardin_garret/tragediya_obshchin.html (дата обращения 22 апреля 2020).
- Buchanan 1954 – *Buchanan J.* Social choice, democracy, and free markets // Journal of Political Economy. V. 62, no. 2. Apr., 1954. p. 114–123.

- Hayek 1976 – *Hayek. F.A.* The Mirage of Social Justice. L., Chicago: University of Chicago Press. 1976, 307 p.
- Rapoport 1974 – *Rapoport A.* Game Theory as Theory of Conflict Resolution. Dordrecht, Boston: Reidel. 1974. 289 p.

References

- Buchanan, J. (1954), "Social choice, democracy, and free markets", *Journal of Political Economy*, vol. 62, no. 2, Apr., pp. 114-123.
- Buchanan, J. (1997), "Constitution of economic policy". *Sochineniya* [The Works], Taurus Al'fa, Moscow, Russia. ("Nobel laureates in Economics" Series)
- Derner, D. (1997), *Logika neudachi* [Logic of failure], Smysl, Moscow, Russia.
- Gellner, E. (2003), *Razum i kul'tura. Istoricheskaya rol' ratsional'nosti i ratsionalizma*. [Reason and Culture. The Historic Role of Rationality and Rationalism], Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Moscow, Russia.
- Hardin, G. (2020), *Tragediya obshchin* [The Tragedy of commons], available at: https://royallib.com/book/hardin_garret/tragediya_obshchin.html (Accessed 22 April 2020).
- Hayek, F. (1976), *The Mirage of Social Justice*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Hayek, F. (2000), *Individualizm i ekonomicheskii poryadok* [Individualism and economic order], Izograf, Moscow Russia.
- Hayek, F. (2003), *Kontrrevolyutsiya nauki. Etyudy o zloupotrebleniyakh razuma* [The counter-revolution of science. Etudes on the abuse of reason], OGI, Moscow, Russia.
- Kubeddu, R. (2008), *Politicheskaya filosofiya avstriiskoi shkoly* [Political philosophy of the Austrian school], IRISEN, Mysl', Sotsyum, Moscow, Russia.
- Olson, M. (1995), *Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp*. [The Logic of collective action. Public goods and the theory of groups], Fond ekonomicheskoi initsiativy, Moscow, Russia.
- Ostrom, E. (2010), *Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoi deyatel'nosti* [Governing the common. Evolution of institutions for collective action], IRISEN, Moscow, Russia.
- Posner, R. (2004), "On the application of economic theory and its abuse in the analysis of law", *Istoki. Ekonomika v kontekste istorii i kul'tury*, VHS, Moscow, Russia, pp. 312-348.
- Rapoport, A. (1974), *Game Theory as Theory of Conflict Resolution*, Reidel, Dordrecht, Boston.
- Smith, A. (1962), *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of peoples], Sotsekgiz, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр С. Кудинов, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kudinovasrus@yandex.ru

Information about the author

Aleksander S. Kudinov, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993, kudinovasrus@yandex.ru

Интерпретации кризисных явлений в трудовой жизни современного человека

Юнона А. Сергеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, junona1987@mail.ru*

Аннотация. В данной статье в рамках междисциплинарного подхода предлагается осмыслить процесс деактуализации классического понятия трудовой этики, вызванный различными кризисными явлениями в жизни современного работающего человека, наметившимися с началом процессов постиндустриализации и продолжающими усиливаться сегодня. Ее традиционное содержание утратило свою былую привлекательность, а базовые принципы все хуже справляются со своей главной функцией по обоснованию метода действия для работающего человека. В качестве варианта интерпретации таких кризисных явлений, как психологический дискомфорт, испытываемый некоторыми современными работниками, предлагается рассмотреть сформировавшийся запрос в развитых обществах в отношении содержания работы и ожидаемых результатов. Рабочая гипотеза автора состоит в том, что объективного критерия «толковой»/«бестолковой» работы, «человеческого»/«нечеловеческого» труда не существует, и только индивидуальная удовлетворенность/неудовлетворенность определяют ее субъективный статус.

Ключевые слова: кризисные явления, трудовая этика, работа, прекаризация трудовых отношений, экзистенциальный кризис, субъективность

Для цитирования: Сергеева Ю.А. Интерпретации кризисных явлений в трудовой жизни современного человека // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 34–46.
DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-34-46

Interpretation of the crisis phenomena in the work life of the today human

Yunona A. Sergeeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, junona1987@mail.ru

Abstract. In the article, interdisciplinary approach is introduced to interpret the process of de-actualization of the classical notion of the work ethic, caused by various crisis phenomena in the life of the today working human that emerged with the beginning of post-industrialization processes and continue to intensify today.

Traditional idea of work ethic lost its former attractiveness, and its basic principles are no longer able to perform their basic function of justifying the mode of action for the working individual. To understand such crisis phenomena as psychological discomfort, experienced by some workers, it is proposed to analyze a social request formed in the developed countries in regard of the work content and expected work results. The author's working hypothesis is that there is no objective criteria of the "smart"/"stupid" work, "human"/"non-human" labour, and its subjective status can be determined only by personal satisfaction/dissatisfaction of an individual.

Keywords: crisis phenomena, work ethic, work, the labour relations precarization, existential crisis, subjectivity

For citation: Sergeeva, Yu.A. (2020), "Interpretation of the crisis phenomena in the work life of the today human", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 34-46, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-34-46

Введение

В жизни современного работающего человека возникает множество кризисных явлений, вызванных различными метаморфозами труда, наметившимися с началом процессов постиндустриализации и усиливающимися сегодня. На фоне продолжающихся трансформаций старых форм труда и трудовых отношений (удаленная работа, автоматизация, компьютеризация и др.) и возникновения новых (гиг-экономика, фриланс и др.) классическая трудовая этика теряет свой смысл и былую значимость. Одним из наиболее масштабных, сложных и быстро прогрессирующих кризисных процессов является прекаризация трудовых отношений и рост численности класса прекариата¹. В свете современных неординарных мировых событий, а именно пандемии коронавируса COVID-19, ставшей триггером мирового экономического кризиса, особенно актуально звучат предостережения Г. Стэндинга в отношении роста численности прекарного класса [Стэндинг 2014].

Наблюдаемые процессы прекаризации, форсируемые кризисом (массовые сокращения и увольнения, сокращение размера заработной платы под различными предлогами, рост безработицы, отсутствие у значительных групп населения какого-либо источника дохода и сбережений и т. п.), вызывают тревогу в отношении роста преступности, безработицы, социального неравенства и радикальных настроений в обществе.

¹ Общее представление о данных процессах можно получить из предыдущей статьи автора [Сергеева 2019].

«Конец трудовой этики»

Известный французский философ-постмодернист Ж. Лиотар говорит о возникновении метанарративов («Великих рассказов») вместе с началом эпохи индустриализации (например, вера в исторический прогресс, познаваемость мира наукой, возможность абсолютной свободы и др. подобные грандиозные идеи), достигших своего апогея в XX в. и переживающих упадок в скептически настроенном к подобным метадискурсам постиндустриальном обществе, разочаровавшемся после всех трагических событий XX в. в универсальных мировоззренческих системах [Лиотар 1998]. Одной из таких доктрин, претендующих на универсальность, являлась трудовая этика, призванная ответить на возникшие перед человеком эпохи модерна вопросы, наполнить смыслом его труд (работу), замотивировать его прекрасной и светлой целью. М. Вебер в своей классической работе определил суть протестантской трудовой этики, характерной для западных обществ и заключающуюся в добродетельности труда, в корреляции усердной работы с достойным уровнем дохода, служащим признаком добросовестно выполняемого долга перед Богом [Вебер 1990]. Можно также проследить аналогии социалистической и пуританской трудовой этики: советская идеология имела трудоцентристский характер, полагая целью труда не личное обогащение и накопление богатства, а процветание общества (об этом см.: [Бергер 1994; Магун 1998; Попов, Шевчук 2003]).

В постиндустриальном мире, частью которого в той или иной степени стали сегодня все развитые общества, с трансформацией технологий и характера труда исчезает и провозглашенное Вебером «самовоспроизводство» протестантской трудовой этики, а в странах постсоветского пространства теряет свой смысл социалистическая идеология и пропаганда самоотверженного труда на благо общества. Многих современных ученых объединяет разочарование в классической трудовой этике и дискурсе капитализма, например, профессор Ратгерского университета (Rutgers) Дж. Ливингстон так описывает происходящее:

...мы веками начиная, скажем, с 1650 года верили, что работа формирует характер: пунктуальность, инициативность, честность, самодисциплину и т. д. ...Мы также полагали, что рынок труда относительно эффективен и справедлив в отношении распределения возможностей и доходов. Но в условиях курса на бесконечный экономический рост человек «заслуживает» столько, сколько «может» дать рынок... Более того, работы вокруг нас не хватает сегодня на всех, а большинство той,

что есть, настолько малооплачиваема, что не обеспечивает даже минимальный достойный уровень жизни. Исключение составляют дельцы преступного мира и банкиры с Уолл Стрит, не сильно отличающиеся от первых. Повсеместно наблюдается иррациональное распределение благ в обществе [Livingston 2016, p. 1–12].

Статистические данные создают видимость успешной борьбы с безработицей в странах по всему миру: так, официальный уровень в большинстве развитых стран держится в районе 5–7%², что близко к полной занятости населения. Но при этом важно учитывать, что в официальную статистику не попадает множество видов новой, «теневой» безработицы (hidden unemployment). Например, Ливингстон обращается к ситуации с рабочими местами в США и говорит о том, что минимальный уровень оплаты труда был поднят до 15 долларов в час. Соглашаясь, что это важный и нужный шаг, Ливингстон считает, что он нисколько не решает проблему, так как даже если умножить этот показатель на 40 часов в неделю, то полученных денег будет хватать лишь на еду. В результате четверть официально трудоустроенных американцев являются работающими бедными. В таких условиях встает вопрос, в чем вообще смысл работать и получать доход, который не способен обеспечить прожиточный минимум: «создание поганых (крайне малооплачиваемых) работ не может решить социальных проблем, с которыми сегодня сталкивается человечество» [Livingston 2016, p. 2–3]. То же самое можно сказать и о нашей стране, где, только по официальной статистике, почти 20% населения находится за чертой бедности³, а заработную плату на уровне ниже среднего получают более 70% россиян⁴.

Помимо проблемы обеспечения нормального уровня заработка в связи с малооплачиваемыми работами все чаще возникает вопрос об адекватности и объективности оценки (оплаты) разных типов

² Усредненное значение по 37 странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD): Unemployment rate [Электронный ресурс]. URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm> (дата обращения 30 марта 2020).

³ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31549> (дата обращения 30 марта 2020).

⁴ Зарплатное неравенство: сколько и где официально зарабатывают россияне [Электронный ресурс] // Росбизнесконсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/07/2019/5d317d739a7947d7fa1672a3> (дата обращения 30 марта 2020).

труда как таковой. Критерии оценки значимости того или иного вида труда, профессии, создаваемой ценности для общества, по которым представители одних профессий получают за свой добросовестный труд доход ниже прожиточного минимума, а другие получают за менее «осязаемый» труд в десятки, сотни и даже тысячи раз больше, вызывают много вопросов и критики в обществе⁵. Например, недавно в связи с актуальными событиями широкий общественный резонанс вызвала новость о крайне низком уровне зарплат ученых-вирусологов в научном центре «Вектор» в Новосибирске с последующим сопоставлением их зарплат с доходами рекламных агентов, блогеров, руководителей государственных компаний, спортсменов и т. д.

На фоне эволюции традиционных форм работы и трудовых отношений возникают новые области рынка труда, одной из которых является гиг-экономика. С начала XXI в. благодаря развитию телекоммуникационных технологий высокими темпами осуществляется цифровизация экономики и промышленности. В результате широкое распространение получили сервисные компании (Uber, AirBnB, YouDo, Avito и др.), основанные на цифровых технологиях и использующие принцип «по требованию» (on-demand), а рынок труда пополнился новыми рабочими местами и формами занятости. На первый взгляд, преимущества гиг-экономики очевидны для всех: у работников появляется возможность дополнительного заработка, гибкий график и свободное время, а работодатель экономит на социальных выплатах, не оформляя работников в штат, а также на аренде офиса. Но, с другой стороны, высокая волатильность цен на услуги гиг-работников, разовая природа контрактов, подразумевающая сдельную оплату труда, порождает высокие риски неполной загрузки и, как следствие, нестабильный заработок. В результате уровень дохода зависит от количества запросов на работы, а не от потребностей и готовности работников к труду. Также может возникать и противоположная ситуация высокой интенсивности труда, когда для получения требуемого уровня дохода необходимо выполнение слишком большого количества заявок (например, работа водителей такси). Налицо все те же процессы прекаризации трудовых отношений, усиливающие нестабильность и уязвимость работников.

⁵ Например: Фейковый труд: почему спортсмены и артисты зарабатывают больше инженеров? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/money/business/feykovyy_trud_pochemu_sportsmeny_i_artisty_zarabatyvayut_bolshe_inzhenerov (дата обращения 30 марта 2020).

Общественный запрос в отношении работы

Вся деятельная жизнь человека представляет собой процесс удовлетворения тех или иных потребностей и нужд, среди которых традиционно выделяют первичные (физиологические) и вторичные (социально-психологические). Большинство из наиболее очевидных кризисных явлений в жизни современного работающего человека (прекаризация трудовых отношений, безработица, частичная/неполная занятость) обусловлены невозможностью удовлетворить минимальные потребности индивида в достойном уровне дохода, являющимся гарантом поддержания жизни и здоровья индивида, а также обеспечения его самыми необходимыми вещами (жилище, одежда, элементарные предметы быта). Но и в условиях полной занятости, доля которой по-прежнему является основной и составляет в среднем 70%⁶, даже в случае стабильного высокого заработка за свой труд, в жизни человека возникают кризисные явления другого порядка.

Так, например, российский публицист Д.В. Соколов-Митрич различает «человеческий труд», к которому он относит виды работ, создающие непосредственную полезность для общества (доярки, учителя, водители, уборщицы и др.), от «нечеловеческого труда», которым заняты, например, рекламщики, брокеры, маркетологи:

...нет в нашей психике такой струны, которая бы гармонично отзывалась на все эти пустопорожние усилия. Да, эту дисгармонию можно частично подавить большими деньгами, но до конца все равно не получится. Любой, кто занимается нечеловеческим трудом, в глубине души неисправимо несчастен. И, наоборот, единственное, что может сделать несчастным работника человеческого труда, – это слишком маленькая зарплата⁷.

Для многих работников даже отказ от высокого уровня дохода не становится непреодолимым препятствием для кардинального изменения рода деятельности. Так, другой исследователь, американский антрополог Д. Грэбер, описывая феномен «бестолковых работ» [Graeber 2018]⁸, имеющий явное сходство с идеей «нечело-

⁶ Усредненное значение по 37 странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): Employment rate [Электронный ресурс]. URL: <https://data.oecd.org/emp/employment-rate.htm> (дата обращения 30 марта 2020).

⁷ Нечеловеческий труд [Электронный ресурс] // Православный интернет-портал «Православие и мир». URL: <https://www.pravmir.ru/nechelovecheskij-trud/> (дата обращения 30 марта 2020).

⁸ Подробнее о феномене «бестолковых работ» см. в предыдущей статье автора [Сергеева 2019].

веческого труда», приводит множество примеров людей различных уважаемых профессий, успешных в финансовом плане, но испытывающих при этом экзистенциальный дискомфорт от ощущения бессмысленности ежедневно повторяющейся деятельности и решившихся кардинально изменить свою жизнь, поменяв должность аудитора или топ-менеджера на место машиниста поезда или дворника. Получается, что современный человек ожидает, что его труд (работа) не только удовлетворит его первичные нужды, но и станет средством реализации своих вторичных потребностей. Попробуем разобраться, так ли очевидны подобные ожидания.

У охотников-собирателей (южноафриканские и австралийские бушмены), уклад жизни которых исследовал американский антрополог М. Салинз, а также у индейских племен Парагвая и Бразилии, изученных французскими антропологами П. Кластром и Ж. Лизо (гуаяки, гуарани, чулуни, яномама), труд и досуг строго разграничены (по крайней мере с точки зрения европейских исследователей-антропологов) следующим образом: такие виды деятельности, как война, игра, праздник, изготовление украшений и даже охота, не воспринимаются как работа и относятся к досуговому времяпрепровождению. К труду европейские исследователи относили только ту деятельность, которая была непосредственно связана с добычей и обработкой пищи, например: сбор растительной пищи и охота (у народов с присваивающим типом хозяйства), возделывание земель, посевные работы и сбор урожая (у племен с натуральным типом хозяйства). При относительно недлинном трудовом дне (примерно 4–5 часов в день для охотников-собирателей и сезонные смены рабочих и нерабочих месяцев, а иногда даже лет – у южноафриканских племен) остальное время распределялось между бездельем или другими (досуговыми) видами деятельности⁹.

Немного упрощая и в некоторой степени эксплицируя предлагаемую философом и теоретиком XX в., Х. Арендт, типизацию деятельной жизни человека (*vita activa*), можно сказать, что она разделяет все виды человеческой деятельности на 1) воспроизводство биологической жизни и удовлетворение первичных человеческих потребностей посредством труда (*homo laborans*), 2) создание объектов, артефактов, в том числе произведений искусства (*homo faber*), создающих мир вещей вокруг нас, 3) публичное действие (поступки), то есть когда человек, оказавшись в обществе других равных себе, являет себя им, высказывая свое уникальное мнение (*doxa*) или выносит суждение, тем самым раскрывая собственную

⁹ Подробнее об укладе жизни индейских племен см. другую статью автора [Сергеева 2020].

личность и идентичность [Арендт 2017, с. 34–99]. Первые два вида деятельной жизни Арендт относит к частной сфере жизни человека, последний – к публичной. Опуская дальнейшие рассуждения и выводы, сделанные философом в рамках ее политической теории, мне видится полезным вышеприведенный подход в отношении различения деятельных состояний для понимания произошедшей трансформации содержания труда (работы) современного человека.

Труд многих «примитивных» народов, а также представителей некоторых современных профессий включает в себя первый тип деятельности. Любая другая деятельность из понятия труда (работы) исключается. Но не так просто обстоит дело с работой современного человека в развитых странах, экономика которых базируется на наемном труде и его разделении, на товарном производстве и товарно-денежных отношениях. Все чаще профессиональный труд только опосредованно связан с добычей пропитания и поддержания биологической жизни, а непосредственно состоит из таких, в некотором смысле, досуговых видов деятельности, как игра, творчество, обучение и саморазвитие, чтение, обработка и обмен информацией, бизнес-путешествия и знакомство с новыми людьми, организация праздников и др. Например, в работе художника на первый план выходит второй вид деятельности, т. е. производство артефактов, художественных произведений. Но для того чтобы выжить, художнику недостаточно просто писать картины и складывать их на чердаке, он вынужден находить тех, кто готов обменять его картины на деньги, за которые он сможет обеспечить себя всем необходимым, и поэтому его трудовая деятельность косвенно включает также и удовлетворение своих первичных нужд. Кроме того, выставляя свои картины публично, обсуждая и комментируя их в прессе или в узких кругах ценителей, создавая свой неповторимый имидж и бренд, художник в качестве «побочного» продукта своей профессиональной деятельности получит признание, социализацию, общение и личностное развитие.

Таким образом, различие между трудом и досугом, кажущееся очевидным в случае с «примитивными народами», размывается в развитых обществах. Пользуясь классификацией Арендт, можно сказать, что все три типа деятельности попеременно, в разных комбинациях присутствуют сегодня в большинстве видов работ, и чем гармоничнее их пропорция, тем комфортнее чувствует себя работник. Запрос современного человека, посвящающего работе большую часть жизни, состоит в том, чтобы помимо обеспечения нормального уровня жизни заниматься разнообразной интересной ему деятельностью, тем, в чем он видит смысл и посредством чего осуществляет самореализацию.

Субъективная природа значимости труда

Рассуждая о свободе как неотъемлемой составляющей человеческой сущности, о ее пределах и возможностях реализации, норвежский философ и писатель, Л. Свендсен, пишет:

...условия, в которых мы реализуем нашу свободу, претерпели очень существенные изменения за последнее время. Еще не так давно свободным временем, материальными ресурсами и возможностью достичь определенного уровня жизни обладал лишь весьма ограниченный круг людей. Жизнь всех остальных проходила под знаком суровой необходимости и борьбы за выживание. В современном мире, где базовые потребности большинства людей полностью удовлетворены, одним из основных занятий становится поиск собственной идентичности. На что мы хотим употребить свою свободу? Кем мы хотим стать? Постоянное и явное стремление к самореализации свидетельствует и о том, что индивид часто терпит неудачу в поиске самого себя [Свендсен 2016, с. 170–171].

В обществе, где практически вся деятельная жизнь человека сводится к работе, в зависимости от того, как оценивает свою деятельность индивид, работа либо становится источником самореализации, свободного движения к той версии себя, кем индивид хочет себя видеть, достижения намеченных целей и результатов, либо причиной неудовлетворенности, апатии и других экзистенциальных кризисов. На первый взгляд, естественным и интуитивно понятным кажется наделение определенных видов работ статусом совершенно бесполезных и тщетных. Подтверждение этому мы находим и в классике, например у Достоевского:

...мне пришло раз на мысль, что если бы захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы¹⁰.

Понятие «сизифова труда» имеет свои воплощения в жизни любого индивида. У нас у всех есть представление о той работе, посвящать себя которой изо дня в день было бы мукой и полной про-

¹⁰ *Достоевский Ф.М.* Записки из Мертвого дома. М.: Юрайт, 2020. С. 21.

тивоположностью тому, что придает смысл человеческой жизни. Однако давайте предположим, что в один прекрасный день Сизифа начнет безмерно радовать возложенная на него задача по подъему скатывающегося с горы камня, и он увидит в ней глубокий смысл. У нас не имеется объективного критерия, с помощью которого можно было бы измерить уровень осмысленности Сизифа, поднимающего камень, и сравнить его с игроком в шахматы, посвятившего этой игре всю свою жизнь, или с аспирантом, который все свое свободное от работы и бытовых забот время посвящает написанию кандидатской диссертации. При этом очевидно, что одни и те же виды деятельности могут одновременно вдохновлять и наполнять смыслом жизнь одних людей и утомлять, вселяя ощущение тщетности и бессмысленности – в других. Можно предположить, что не наличие объективных свойств и качеств работы делают ее исполненной смысла, но сам индивид вкладывает или лишает свою деятельность смысла.

В связи с субъективностью значимости труда делается предположение, что авторы таких идей, как «бестолковая работа» или «нечеловеческий труд», а также описываемые ими персонализированные представители той или иной профессии, будучи сами неудовлетворенными родом своей деятельности, в процессе осмысления и рефлексии пришли к объективации своего состояния, полагая причиной своих страданий определенные виды профессий и работ. Поэтому нужно иметь в виду субъективный характер понятий «сизифова труда», «бестолковых работ» и «нечеловеческого труда», так как говорить об объективности в той или иной степени можно в случае, если абсолютное большинство представителей обозначенных профессий сошлись бы во мнении об их никчемности. При этом то, что другие представители тех же профессий могут не испытывать сложностей с самореализацией и осмысленностью, не вызывает сомнений. Второстепенное значение имеет то, каким трудом занят индивид в глазах другого индивида или общества: «бестолковым», «нечеловеческим», низкооплачиваемым или по каким-либо еще причинам непривлекательным – если при этом сам индивид не испытывает страданий, если он сам находит смысл в своей работе, то его жизнь будет вполне осмысленной. При этом неважно, как его оценивают другие люди, ангажированные своими ценностными предпочтениями. Источник проблематики может заключаться не в отдельных профессиях или конкретных видах работы, а в субъективном восприятии человека. Если человек осознанно считает свой труд тщетным и бесполезным, ему действительно нужно менять свою жизнь.

* * *

Классическая трудовая этика предстает не только в роли догматизированного мировоззрения, но и напрямую зависящего от него метода, то есть способа действия и существования индивида в человеческом мире для того, чтобы обеспечивать себя всем необходимым с экономической точки зрения, а также чтобы заполнять свой «экзистенциальный вакуум»¹¹, то есть наделять свою деятельность смыслом, занимать свое место в жизни посредством трудовой деятельности, реализовывать амбиции и достигать поставленных целей. Всматриваясь в историю эволюции роли труда в обществе, можно заметить сходство в радикальной изменчивости и непостоянстве в отношении человека и общества к труду (например, от восприятия труда в эпоху Средневековья в качестве наказания и проклятия человека, совершившего «грехопадение», к утверждению его в качестве главного основания человеческого достоинства и помощника в деле «спасения души» и т. д.) с концепцией «смены парадигм» Т. Куна. Трудовая этика, свойственная индустриальной эпохе, сталкивается в условиях постиндустриальных вызовов со все большими затруднениями («аномалиями»), которые выглядят как кризисные явления, так как традиционная методичка («нормальная наука») для находящегося на старте своей карьеры работника уже не действует. В попытке преодолеть «кризис» общество предлагает различные решения (безусловный базовый доход, дауншифтинг и др.), которые имеют определенную ценность и могут быть частным решением для отдельных групп, но не способны претендовать на роль универсального средства в борьбе с возникающими кризисными явлениями. Переход от все еще работающей, хоть и со сбоями, модели трудовой этики и взгляда на мир к другой («смена парадигмы»), может казаться иррациональным, как в известных демонстрациях Т. Куна «с переключением зрительного гештальта» [Кун 2009, с. 170–175]. В условиях всех вышеизложенных происходящих с трудом метаморфоз и трансформаций можно предположить «конец трудовой этики» в ее классическом понимании.

¹¹ Понятие, введенное австрийским психиатром и философом В. Франком.: «Сегодня мы, по сути, имеем дело... с фрустрацией экзистенциальных потребностей. Сегодняшний пациент страдает... от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты, поэтому я и говорю об экзистенциальном вакууме» [Франкл 1990, с. 4].

Литература

- Арендт 2017 – *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; 2-е изд., испр. и доп. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
- Бергер 1994 – *Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе)*. М.: Прогресс-Универс, 1994. 320 с.
- Вебер 1990 – *Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма* // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Кун 2009 – *Кун Т. Структура научных революций* / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ, 2009. 310 с.
- Лиотар 1998 – *Лиотар Ж. Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Магун 1998 – *Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание* [Электронный ресурс] // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Magun-statya-MirRoss-98.pdf> (дата обращения 30 марта 2020).
- Попов, Шевчук 2003 – *Попов Ю.Н., Шевчук А.В. Современная экономика и социология труда: Учеб. пособие*. М.: Экон-Информ, 2003. 230 с.
- Свендсен 2016 – *Свендсен Л. Философия свободы* / Пер. с норв. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 264 с.
- Сергеева 2019a – *Сергеева Ю.А. Метаморфозы труда: современные интерпретации* // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 35–45.
- Сергеева 2019b – *Сергеева Ю.А. Труд и досуг в этноцентристских системах* // Философский журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке». Серия «Социальная философия». 2019. Т. 8. № 6А. С. 195–203.
- Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Франкл 1990 – *Франкл В. Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс, 1990. 178 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.ru/6iGr> (дата обращения 30 марта 2020).
- Graeber 2018 – *Graeber D. Bullshit jobs*. New York: Simon & Schuster, 2018. 340 p.
- Livingston 2016 – *Livingston, J. No more work: why full employment is a bad idea*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2016. 111 p.

References

- Arendt, H. (2017), *Vita activa, ili O deyatelnnoi zhizni* [Vita activa oder Vom tätigen Leben = Vita activa, or on active life], transl. from German and English by V.V. Bibikhin, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Berger, P. (1994), *Kapitalisticheskaya revolyutsiya (50 tezisev o protsvetanii, ravenstve i svobode)* [The capitalist revolution. Fifty theses about the prosperity, equality and liberty], Progress-Univers, Moscow, Russia.
- Frankl, V. (1990), *Man's search for meaning*, Progress, Moscow, Russia, available at: <https://goo-gl.ru/6iGr> (Accessed 30 March 2020).
- Graeber, D. (2018), *Bullshit jobs*, Simon & Schuster, New York, USA.

- Kuhn, T. (2009), *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions], transl. from English by I.Z. Naletova, AST, Moscow, Russia.
- Livingston J. (2016), *No more work: why full employment is a bad idea*, The University North Carolina Press, Chaper Hill, USA.
- Lyotard, J. (1998), *Sostoyaniye postoderna* [The postmodern condition], Institute of Experimental Sociology, Aletheia, St. Petersburg, Russia.
- Magun, V.S. (1998), "Russian labor values. Ideology and mass conscience", *Mir Rossii*, no 4. pp. 113-144, available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Magun-statya-MirRoss-98.pdf> (Accessed 30 March 2020).
- Popov, Yu.N and Shevchuk, A.V. (2003), *Modern Economics and Labour Sociology*, Study guide. Econ-Inform, Moscow, Russia.
- Sergeeva, Yu.A. (2019a), "The labor metamorphoses. Modern interpretations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no 3, pp. 35–45.
- Sergeeva, Yu.A. (2019b), "Labour and leisure in ethnocentric systems", *Philosophical Journal "Context and Reflection. Philosophy of the World and Human Being". "Social Philosophy" Series*, vol. 8, no. 6A, pp. 195-203.
- Standing, G. (2014), *Precariat: novy opasny klass* [The precariat. The new dangerous class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Svendsen, L. (2016), *Philosophiya svobody* [A philosophy of freedom], Translation from Norwegian, Progress-Tradition, Moscow, Russia.
- Weber, M. (1990), "The protestant ethics and the spirit of capitalism", *Selected works*, transl. from German, Progress, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Юнона А. Сергеева, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; junona1987@mail.ru

Information about the author

Yunona A. Sergeeva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; junona1987@mail.ru

Человек и нечеловеческие существа: возможности взаимодействия

Анна А. Волкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, тутайлтутайл1994@mail.ru*

Аннотация. В работе представлен анализ способов взаимодействия человека и нечеловеческих существ, которые рассматриваются в антропологических и философско-экологических подходах. Данные подходы предлагают отказ от антропоцентризма, выступающего онтологическим основанием западной культурной традиции. Т. Мортон описывает сосуществование людей и нечеловеческих существ похожим на сеть, связывающую между собой все живое. Человек и нечеловеческие существа помещаются в единый процесс сосуществования, где человек перестает занимать место на вершине природной иерархии. Одним из возможных вариантов пересмотра способов взаимодействия человека и нечеловеческих существ является обращение к незападной (китайской) философской традиции. Антропологический подход к переосмыслению положения человека в мире представлен проектом Э. Кона. Он рассматривает человека в контексте его взаимодействий с миром нечеловеческого, от которого зачастую зависит выживание человека. Основываясь на семиотике Ч. Пирса, Кон делает вывод о том, что все живые существа способны к репрезентации окружающего мира и используют для этого знаки. Одними из способов выстраивания межвидовой коммуникации являются анимизм и уточняющая его концепция перспективизма. Анимизм говорит о внутренней схожести живых существ при отличии во внешних характеристиках. Перспективизм добавляет, что каждое живое существо способно понять другое, приняв его точку зрения, его перспективу. Таким образом, отказ от антропоцентризма способен дать возможность развитию равноправных отношений человека и нечеловеческих существ. В свою очередь, такое равное сосуществование окажет положительное влияние на решение экологических проблем современности.

Ключевые слова: антропоцентризм, нечеловеческие существа, процессуальность, семиотичность жизни, перспективизм, анимизм

Для цитирования: Волкова А.А. Человек и нечеловеческие существа: возможности взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 47–56. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-47-56

Human and non-human beings. Possibilities of interaction

Anna A. Volkova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, mymailmymail1994@mail.ru*

Abstract. The paper presents an analysis of the ways for interaction between man and non-human beings. Those ways are considered in anthropological and philosophical-ecological methodical approaches. The approaches imply rejecting the anthropocentrism as actual ontological basis of the Western cultural tradition. T. Morton models a coexistence of humans and non-human beings as a network uniting all living creatures. Human and non-human beings are now placed in a single process of coexistence and the human ends to be at the top of the natural hierarchy. One of the options to revise the system of interaction of human and non-human beings is to rely on the non-Western (Chinese) philosophical tradition. The anthropological approach to rethinking the position of human in the world is presented in E. Cohn's project. He considers the human being in the framework of his interactions with the world of non-human often crucial for survival. Based on the semiotics by C. Pierce, Cohn postulates that all living beings are capable to represent the world around them using certain signs for that. A way to establish interspecies communication is animism and concept of perspectivism, which clarifies it. Animism is about the internal similarity of living beings, with a difference in external characteristics. Perspectivism allows to add that every living creature is able to understand the other by accepting his or her point of view, his or her perspective. Thus, the rejection of the anthropocentrism enables development of equal relations of human and non-human beings. Such equal coexistence may have a positive impact on sustainability

Keywords: anthropocentrism, non-human beings, processuality, semiotic life, perspectivism, animism

For citation: Volkova, A.A. (2020), "Human and non-human beings. Possibilities of interaction", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies"*. Series, no. 2, pp. 47-56, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-47-56

Введение

Одна из «фигур» в курсе лекций Р. Барта «Как жить вместе» посвящена животным. Барт анализирует сожительство человека и животного с позиции «двух противоположных движений: 1) от животного к человеку...; 2) от человека к животному...» [Барт 2016, с. 78]. На примере Робинзона Крузо он описывает процесс присвоения природного пространства человеком, что является типичной

формой взаимоотношений человека западной культуры и нечеловеческих существ. Такая форма взаимодействия ориентирована на насильственный характер сближения человеческого и природного. Другой вектор, указывающий от человека к животному, описывается при помощи термина «*anachôrèsis*» (анахоретство). Уход из человеческого сообщества, отшельничество также направлено на обуздание животности, но уже ненасильственным способом. Оба пути, по Барту, приводят к одному итогу: человек преодолевает нечеловеческое, их сосуществование возможно только после подчинения природного пространства человеку.

Конечно, для Барта такой способ взаимоотношений человека и животного является лишь иллюстрацией одного из вариантов общественного сосуществования, а проблема экологии как межвидового взаимодействия не является для него центральной. Тем не менее его осмысление совместности может быть использовано в качестве отправного пункта для анализа взаимоотношений человека и нечеловеческих существ. Современные антропологические походы и философские течения, анализирующие проблемы экологии, по сути, расширяют поднятую Бартом проблематику совместного существования, перенося фокус внимания в поле столкновения общественного (которое можно обозначить как культурное, созданное только человеком) и природного. Конечно, нечеловеческие существа – живые и неживые организмы, составляющие природное, т. е. не общественное, пространство, – всегда окружали человека. Тем не менее именно сегодня, в эпоху усиливающегося влияния экологических процессов на общественные явления, становится необходимым переосмысление места человека в мире, а также способов взаимодействия человека и нечеловеческих существ.

Критика антропоцентризма и онтологическая процессуальность

Необходимость пересмотра места человека в мире вызвана и усиливающимся экологическим кризисом, и возрастающим интересом к этой проблеме в гуманитарном научном сообществе. Т. Мортон в работе «Стать экологичным» предлагает кардинально пересмотреть отношение человека к окружающей среде. Интерпретировать природу следует не как некоторую иерархию живых существ, где человек занимает самое высокое положение либо вообще исключается из нее и занимает позицию наблюдателя. Природы в эссенциалистском смысле не существует. То, что воспринимается нами как природа, есть бесконечная интеракция живых и неживых

существ, которая выстраивается по модели «сетки». Философия экологии Мортонa основывается на принципах объектно-ориентированной онтологии, поэтому человек воспринимается не как исключительный представитель высших живых существ, а как такой же объект среди других окружающих его объектов. «За навязыванием тонкого, но жесткого различия между людьми и нелюдьми стоит, например, тот же импульс, что движет расизмом» [Мортон 2019, с. 63]. Человеческое мышление также не представляет собой абсолютной ценности, так как под вопрос ставятся его уникальные познавательные способности.

В целом Мортон продолжает критику антропоцентризма, который сформировал потребительское отношение к природе у человека западной культурной традиции. Такое восприятие природы складывалось под влиянием многих факторов. Наибольшее влияние, в частности, оказали христианство и развитие естественных наук. Первое постепенно вытесняло из человека его животную сторону, а второе препарировало живые организмы, лишая их субъектности. И христианство, и естествознание помещают человека в некоторое надмирное положение, которое обуславливается идеей человека – «венца творения». Эта христианская идея лежит и в фундаменте естествознания, так как наделяет человека правом упорядочивать окружающее его природное пространство. В итоге оба процесса привели к отгораживанию человека от природного мира. Постепенно человеку становилось все теснее в проведенных им самим границах, поэтому с течением времени отгороженной стала природа. Сегодня мы сталкиваемся с ней исключительно в строго отведенных для нее местах: парках, заповедниках и т. д. Антропоцентрическое стремление к трансформации природного пространства приводит к подмене природы культурой [Кюстер 2018, с. 218]. Человек больше не может быть колонизатором природного пространства, но должен осознать свою сопричастность природным процессам. Осознание своего симбиотического существования провоцирует смену эпистемологической установки, что означает постановку под вопрос прежде нерушимой дихотомии природного и культурного.

Мортон также отмечает бесполезность «дихотомичного» мышления, свойственного западной традиции, для осмысления сегодняшней экологической ситуации. Традиционная западная логика «не учитывает вещей, которые находятся между истинным и ложным, белым и черным» [Мортон 2019, с. 65]. Некоторые попытки преодоления такого типа мышления Мортон видит у Хайдеггера, который допускает существование «более-менее истинности» и недостаточно строгую различенность истинного и ложного. Все вещи являются «более-менее истинными», «поскольку “истина” отно-

сится к вещам, которыми занимается *Dasein*, тогда как сам *Dasein* является таинственным и ненадежным» [Мортон 2019, с. 66].

Однако Мортон упускает более смелый вариант преодоления «дихотомичного» мышления, который можно обнаружить в западных философских традициях. Таким другим вариантом осмысления взаимоотношений человека и природы может стать, к примеру, китайская философская традиция, которая основывается не на четком различии истины и неистины, бытия и небытия, но объявляет основным онтологическим принципом процессуальность. Китайская пейзажная живопись, принципы которой встроены в философскую традицию, наглядно показывает отличия в осмыслении положения человека в мире в западной и восточной (китайской) традициях. Например, пейзаж художника XV в. У Вэя «Горы и река с рыбацкими лодками» является одной из многочисленных иллюстраций встраивания человека в бесконечный процесс изменений мира. Человек изображается незначительным по отношению к масштабу пейзажа. Белая гладь воды и четко прорисованный массив гор олицетворяют две главные движущие силы китайской космологии – *инь* и *ян*.

[Художник] побуждает зрителя вернуть свое индивидуальное существование внутрь непрерывного потока великого процесса мира, осмыслить свое существование в его феноменальности как лишь неопределенную часть, *долю* существования [Жюльен 2014, с. 52].

Человек существует в постоянном процессе: течении времени, смене времен года и т. д. Любая остановка означает окончание жизненного цикла, умирание живого. Такое понимание онтологической процессуальности подобно той встроенности человека в мир, о которой говорит Мортон.

Мыслящий лес

Встроенность человека в мир порождает необходимость поиска путей взаимодействия человека и нечеловеческих существ. Отказ от колонизации природного пространства приводит к тому, что человек вынужден на равных правах впустить в свое социальное пространство нечеловеческие существа. Э. Кон в работе «Как мыслят леса» исследует быт племени *руна*, живущего в амазонских лесах, на территории Эквадора. Большая концентрация «самостей» в джунглях ставит человека в такие условия, где его повседневный опыт обусловлен взаимодействием с животными и растениями.

При таком тесном соседстве человек должен научиться выживать, ведь основным типом отношений в джунглях являются отношения хищничества. Чтобы не стать добычей, т. е. не перестать быть «самостью», необходимо уметь понимать эти нечеловеческие существа.

Сближение с миром нечеловеческого заставляет руна, живущих в джунглях, буквально понимать язык нечеловеческих существ. Облегчает это понимание знаковая система, которая отнюдь не ограничивается человеческим миром. В предыдущих антропологических исследованиях, опиравшихся на семиотику Ф. де Соссюра, репрезентация понималась исключительно как лингвистическая репрезентация. Это означает, что способностью репрезентации окружающего мира наделялся только человек. Используя семиотическую систему Ч.С. Пирса, Кон выводит репрезентацию за пределы символической системы и языка. Помимо репрезентации с помощью символов (языковая репрезентация) существуют и другие модальности репрезентации: иконическая (знак похож на обозначаемый предмет) и индексальная (знак находится в некотором отношении с обозначаемым предметом). Последние два типа модальности присущи не только человеку [Кон 2018, с. 37]. Кон приводит в пример обезьяну, которая пугается падающей пальмы и перепрыгивает на другое дерево. Звук падающей пальмы обезьяна воспринимает как индексальный знак: он указывает на определенные события, а именно на падение пальмы, что воспринимается обезьяной как опасность и заставляет ее перепрыгнуть на другое дерево [Кон 2018, с. 67–68]. Распространяя способность знаковой репрезентации на нечеловеческие самости¹, Кон делает вывод о том, что вся жизнь семиотична. Семиотичность означает, что все формы живой природы постоянно используют знаки, и в этом заключается ее отличие от природы неживой. Знаки, подобно медиатору, связывают живые существа с окружающим их миром.

Кон критикует предыдущие антропологические подходы, которые отождествляли репрезентацию с языком. Это свойственно и

¹ Подобный взгляд характерен и для некоторых исследователей-этологов. В частности, один из основателей этологии, Карл фон Фриш, изучавший пчел, обнаружил, что они используют сложную знаковую коммуникационную систему для передачи разного рода информации. Конечно, Фриш не приравнивал язык танца пчел к человеческому языку. Однако степень сложности и вариативности знаков, используемых этими насекомыми, показывает, что человек далеко не единственное существо, которое обладает способностью к репрезентации окружающего мира (см.: *Фриш К., фон.* Из жизни пчел. М.: Мир, 1980. 216 с.).

теориям, на которые опирается и сам Кон: мультинатуралистическому подходу В. де Кастру, постгуманистическим исследованиям, STS (Science, Technology and Society), а также феноменологическим подходам, анализирующим телесные опыты, присущие и нечеловеческим существам [Кон 2018, с. 147]. Репрезентация происходит не только с помощью символов, но и с помощью индексов и иконических знаков, т. е. на всех уровнях биологического существования. В связи с этим Кон говорит о необходимости лишения языка статуса единственного способа репрезентации. Необходимо «провинциализировать» язык, т. е. сместить его из центра познавательных способностей на периферию, уступив место иконической и индексальной репрезентации.

Таким образом, провинциализация языка может служить основанием для включения нечеловеческих существ в эпистемологическое пространство. Осмыслять мир теми или иными способами, отвечать на вызовы окружающей действительности может не только человек, но и нечеловеческие существа. Использование знаковой системы за пределами человека лишает его эпистемологической исключительности, а также делает возможной трансформацию понимания совместного существования. Онтология процессуальности и завершение эпистемологической исключительности человека приводят к осознанию того, что нечеловеческие существа существуют не для человека, а вместе с ним.

Анимизм и перспективизм

Чтобы понимать другие самости, надо принять их точку зрения, прожить в ней. Такое взаимопроникновение разрушает границы видов. Попытки установить межвидовую коммуникацию приводят к формированию общего габитуса для людей и животных, который стирает различия природы и культуры. Ф. Дескола утверждает, что одной из таких форм нарушения межвидовых границ может быть анимизм, который он (наряду с тотемизмом, натурализмом и аналогизмом) определяет как онтологический тип – соотношение внутренних и внешних особенностей человека, интерпретирующихся в его сопоставлении с животными. Каждый онтологический тип «служит фундаментом для образования различных форм космологии, моделей социальных связей и теорий идентичности и инакости» [Дескола 2012, с. 165]. Анимизм – это одушевление нечеловеческих существ, приписывание им обладания человеческими качествами, которое наблюдается у некоторых индейских племен Амазонии и Австралии.

Эта внутренняя схожесть одних с другими позволяет распространить «культурный подход» на нечеловеческие существа, со всеми вытекающими отсюда последствиями, от межсубъективности до овладения орудиями труда, не говоря уже о ритуальном поведении и о соблюдении правил приличия. И все-таки это очеловечивание имеет свои пределы, потому что в системе анимизма эти подобию переодетых людей, какими являются растения и животные, как раз и отличаются от человека своими перьями, шерстью, чешуей или корой, то есть, иначе говоря, своим физическим внешним видом [Дескола 2012, с. 171].

Таким образом, предполагается, что люди и нечеловеческие существа, по сути, представляют собой личности, одинаковые по своему внутреннему миру, но различающиеся физическими свойствами. Такой подход проецирует человеческие качества на нечеловеческие существа. Получается, что все живые существа являются в некотором роде личностями, способными иметь разную точку зрения.

Уточняя анимистический подход к сопоставлению человека и животного, В. де Кастру обращается к концепции перспективизма. Под перспективизмом де Кастру понимает

...концепцию, согласно которой мир состоит из множества точек зрения: все сущие являются центрами интенциональности, которые воспринимают других существ в соответствии с их характеристиками и способностями [Кастру 2017, с. 23].

Дескола уточняет, что живое существо оказывается в положении субъекта и при этом начинает воспринимать себя как человека. Следует различать перспективизм и релятивизм, так как деятельность нечеловеческих существ подчиняется тем же ценностям, которые существуют в человеческой жизни [Дескола 2012, с. 184]. Ценности и нормы, которыми руководствуется человек в своей жизнедеятельности, проецируются на нечеловеческие существа. Перспективистский подход понимает под человеческим совокупность позиций и практик, которые служат посредниками для объединения всех видов живых существ. Рассматривая онтологический фундамент как процесс, а также наделяя нечеловеческие существа познавательными способностями, человек воспринимает окружающих его нечеловеческих существ, используя, по сути, перспективистскую оптику. Выстраиваемая таким образом экология как совместная жизнедеятельность человеческих и нечеловеческих существ выходит за пределы человеческого, но в то же время продолжает оставаться слишком человеческой, т. е. опутанной «моральными сетями, сплетенными людьми» [Кон 2018, с. 147].

Заключение

Таким образом, перспективизм демонстрирует реальную возможность включения нечеловеческих существ в межвидовую коммуникацию. Человек смещается из своего центрального положения в иерархии существ, однако полностью преодолеть человеческое на этом этапе не представляется возможным. Критика антропоцентризма сталкивается здесь с прочным каркасом человеческих норм и практик, проецируемых на нечеловеческие существа. Анимизм и перспективизм как формы взаимодействия человека с нечеловеческими существами все же оставляют определение правил игры за человеком. Однако переориентация онтологии и эпистемологии необходимы для переосмысления экологической динамики. Отказ от антропоцентризма означает отказ от статичного, устанавливающего границы и иерархию взгляда на природу и культуру, а также на взаимоотношения живых существ. Однако для обеспечения равноправного взаимодействия между всеми участниками мысли-вместе и жизни-вместе необходима перестройка этико-политического поля, к чему критика антропоцентризма пока только приближается.

Литература

- Барт 2016 – *Барт Р.* Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
- Дескола 2012 – *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 548 с.
- Жюльен 2014 – *Жюльен Ф.* Великий образ не имеет формы, или Через живопись – к не-объекту. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 368 с.
- Кастру 2017 – *Кастру, Э.В. де.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
- Кон 2018 – *Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
- Кюстер 2018 – *Кюстер Х.* История леса. Взгляд из Германии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 304 с.
- Мортон 2019 – *Мортон Т.* Статья экологичным. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 240 с.

References

- Bart, R. (2016), *Kak zhit' vmeste: romanicheskie simuliyatsii nekotorykh prostranstv povsednevnyosti* [How to live together. Romanic simulations of some spaces of everyday life.], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Descola, F. (2012), *Po tu storony prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Jullien, F. (2014), *Velikii obraz ne imeet formy, ili Cherez zhivopis' – k ne-ob'ekty* [The Great Image has no Form, or Through painting – to a non-object], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Castro, E.V. de. (2017), *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoi antropologii*. [Metaphysiques Cannibales: Lignes d'anthropologie post-structurale = Cannibal metaphysicians. The frontiers of poststructural anthropology], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Kohn E. (2018), *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How Forests Think. Towards an Anthropology Beyond the Human], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Kuster, H. (2018), *Istoria lesa. Vzglyad iz Germanii* [Geschichte des Waldes. Von der Urzeit bis zur Gegenwart. = History of the forest. View from Germany] Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.

Morton, T. (2019), *Stat' ekologichnym* [Being Ecological], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна А. Волкова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mymailmymail1994@mail.ru

Information about the author

Anna A. Volkova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; mymailmymail1994@mail.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.346.32

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-57-68

Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью

Наталия М. Великая

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com*

Аннотация. На основе данных социологических исследований¹, проведенных в 2018 и 2019 гг., проанализированы особенности восприятия политических проблем российской молодежью и ценностные основания ее политического поведения. Показано, что политическая культура демонстрирует наличие взаимоисключающих позиций по ряду оснований. Низкий уровень доверия к власти практически не коррелирует с оценкой социально-экономической и политической ситуации в России, не формирует новых форм гражданского активизма, что позволяет сделать вывод о высокой степени преемственности политической культуры России, где группа условных «оппозиционеров», демонстрирующих низкий уровень доверия к власти и готовность к протестам, очень невелика.

Ключевые слова: молодежь, политические ценности, политическая культура, политическое поведение

Для цитирования: Великая Н.М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 57–67. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-57-68

© Великая Н.М., 2020

Выборка – всероссийская, репрезентативная по полу, возрасту; n = 1600. Использовались также данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ФГБУН ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – В.К. Левашов. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Выборка – всероссийская, репрезентативна по полу, возрасту.

Russian youth in the field of modern politics. Between traditionalism and opposition

Nataliya M. Velikaya

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com*

Abstract. Specifics of perception of political issues by Russian Youth and value grounds for their political behavior are analyzed in this article. The analysis is based on the sociological research data of 2018 and 2019. It is shown that political culture demonstrates the presence of mutually exclusive positions for a number of reasons. Low level of trust to the power practically do not correlate with evaluation of social-economic and political situation in Russia, do not provoke new forms of civil activity, what allows to make a conclusion about high degree of the political culture continuity, where group of nominal oppositionists demonstrating low level of trust to the power is not significant.

Keywords: youth, political values, political culture, political behavior

For citation: Velikaya, N.M. (2020), "Russian youth in the field of modern politics. Between traditionalism and opposition", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 57-67, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-57-68

Введение

Проблема легитимации политического режима является одной из важнейших как в исследовательских, так и в политических практиках. Молодежь, которая рассматривается как социальная база развития и трансформации любого политического режима, неизбежно становится предметом пристального внимания со стороны власти, заинтересованной в ее лояльности. С другой стороны, именно молодежь часто становится главным источником и движущей силой социальных и политических протестов, что во многом обусловлено ее нестабильным социальным и экономическим статусом, гражданской незрелостью, слабостью социальных связей, отсутствием политического опыта.

Для современной России, которая вот уже на протяжении 30 лет находится в условиях транзита, а в последние годы, по мнению ряда авторов, демонстрирует тенденции к авторизации [Wiatr 2017; Голосов 2008], эта проблема актуализирована в связи с широким участием молодежи в серии протестов, которые имели место главным образом в связи с сомнениями в чистоте выборного процесса в Москве, Санкт-Петербурге и ряде столиц регионов Россий-

ской Федерации. Считаем актуальным оценить оппозиционный потенциал российской молодежи, учитывая особенности ее политической культуры и политического поведения.

Молодежь остается весьма уязвимой социальной группой, что обусловлено спецификой ее социального положения. Коммерциализация образования, малоэффективная жилищная политика, высокий уровень безработицы среди молодежи ставят ее в неравное положение с экономически и социально более продвинутыми группами. Тем самым создается благоприятная среда для возникновения разного рода социальных конфликтов, приобретающих нередко политическую окраску. Не случайно молодежная проблематика стала одной из ключевых в президентской избирательной кампании 2018 г. [Милованова 2017]. Несмотря на многочисленные попытки сформулировать концепцию национальной молодежной политики, она так и не была принята, а практическое воплощение в жизнь утвержденных в 2014 г. Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.² пока оставляет желать лучшего.

Российская молодежь в политическом поле

На основе данных, полученных в ходе наших исследований, мы анализируем политические представления молодежи, особенности их политического поведения и мотивацию, оценку перспектив развития страны и своего места в меняющейся социальной реальности, что позволяет выявить место молодежи в политическом пространстве современной России.

Обратим внимание на довольно высокий уровень тревожности, 75% наших граждан оценивают ситуацию в стране как критическую, взрывоопасную или напряженную, кризисную (см. рис. 1). Полагаем, что столь низкая оценка связана с текущими и потенциальными изменениями в политической сфере российского общества. Эти изменения носят системный институциональный характер и сопровождаются дальнейшей централизацией власти, сокращением поля публичной политики для многих игроков политического поля, с консервацией партийной системы с доминантной партией, с сокращением парламентской оппозиции и др. [Гельман 2012, с. 72;

² Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждены распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Официальный сайт правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 10 мая 2020).

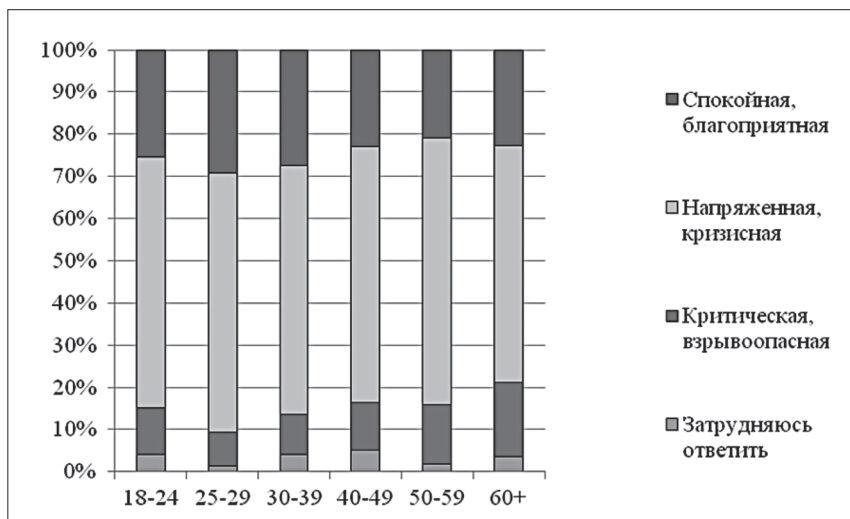

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в России?» в зависимости от возраста респондентов
 Источник: социологический факультет РГГУ, исследование «Социокультурные угрозы в современной России»

Velikaya 2019]. Очевидно, что многими российскими согражданами это воспринимается как сокращения ряда политических прав и свобод, что сказывается на общих социальных настроениях, распространенных в обществе.

Треть наших граждан уверены, что в плане развития демократии ситуация в стране станет хуже. В среднем негативно настроенных респондентов в каждой возрастной группе примерно в 3 раза больше, чем позитивно настроенных. При этом молодежь демонстрирует более пессимистичный взгляд на возможное развитие демократии (рис. 2). Вместе с тем мы видим имеющую место однородность в оценках политических проблем страны разных возрастных групп. Можно констатировать, что в российском общественном мнении довольно высок уровень устойчивости политической культуры и преэминентности политических ценностей.

Две трети респондентов считают, что современное демократическое государство обязательно предполагает многопартийность, а 72,4% граждан уверены, что наличие независимой оппозиции – это непереносимое условие развития политической демократической системы. По данным нашего исследования, такие угрозы, как вы-

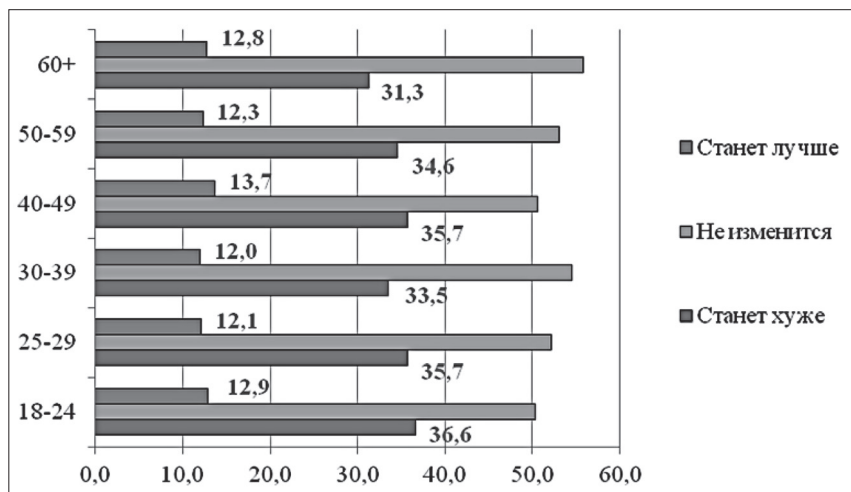

Рис. 2. Распределение по возрастным группам оценок развития демократии, прав и свобод граждан в ближайшие 5 лет, в % в каждой группе
 Источник: социологический факультет РГГУ, исследование «Социокультурные угрозы в современной России»

сокий уровень коррупции, засилье бюрократии, весьма актуальны для каждого пятого респондента в целом и для каждого четвертого среди молодежи, причем выбор этой альтернативы сопряжен с выбором альтернативы «ограничение политических прав и свобод», которую в целом по выборке отметили 6,6% опрошенных.

При этом замедленные темпы роста, углубляющиеся проблемы наши граждане лишь в малой степени связывают с особенностями политического режима. 85,8% респондентов полагают, что России нужна твердая рука и порядок в обществе и что политические свободы и демократия – это обязательные условия существования государства (80,3%). Возрастной специфики по этому индикатору выявлено не было. Убеждены, что страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах, 70,4% граждан. Менее остальных согласны с этой позицией опрошенные 18–24 лет (65,7%) и жители столицы (58,7%).

Вместе с тем граждане невысоко оценивают усилия государства в плане осуществления экономической политики и полагают, что проводимая политика лишь в малой степени отвечает интересам большинства населения. 56,6% опрошенных придерживаются мнения «не важно, какая партия приходит к власти – для простого че-

ловека все равно ничего не изменится». Распределение по возрасту степени согласия с данным суждением демонстрирует рост этого показателя в сторону от младших групп к старшим. И здесь мы видим определенный потенциал для трансформации партийной системы, для новых политических лидеров, которые могут появиться в политическом пространстве. Та политическая система, которая сложилась в начале нулевых, демонстрирует не столько устойчивость, сколько стагнацию. Несменяемость политической элиты на всех уровнях управления и в политических партиях ведет как к падению интереса к политике среди молодежи, так и формирует низкий уровень доверия к ней. Так, более 46% молодежи не поддерживают никакую политическую партию, и 75% уверены, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы»³.

Это делает понятными довольно скептические оценки деятельности российской власти, что выражается в том числе в убежденности, что государство – чуждый враждебный институт, преследующий свои цели, что интересы граждан, людей – не в приоритетах его деятельности. В общественном сознании доминирует мнение, что Российское государство выражает и защищает интересы богатых слоев населения (46%), государственной бюрократии (35%)⁴.

Российское общество демонстрирует и довольно высокий уровень рефлекслируемой конфликтности по разным основаниям (табл. 1). Можно сказать, что в целом опрошенные склонны замечать оппозицию «могущественная богатая “верхушка” – слабое бедное население». 51% респондентов считают, что наиболее острые противоречия в настоящее время существуют между народом и властью, а также между богатыми и бедными (48,6%). 31,9% уверены, что такая ситуация характерна для чиновников и рядовых граждан. 26,8% опрошенных указывают на острые противоречия между олигархами и остальным обществом. Менее всего подвергнуты конфликтам, по мнению респондентов, верующие различных религий (4,7%).

Для молодежи более значимыми являются конфликты между народом и властью, между людьми разных политических убеждений и между людьми разных национальностей, особенно в группе 18–24 лет.

³ Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLIX этап социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», июнь 2019 г. [Электронный ресурс] М.: Перспектива, 2019. 143 с. URL: <https://itdperspectiva.page.link/iproct2019> (дата обращения 15 марта 2020).

⁴ Там же.

Таблица 1

Распределение по возрастным группам оценки противоречий
ряда конфликтных групп, (в % от опрошенных)

Противоречия	Возраст					
	18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60+
Между:						
народом и властью	55,4	60,8	55,7	54,0	53,7	36,9
богатыми и бедными	42,2	43,3	45,1	52,9	52,5	56,1
чиновниками и рядовыми гражданами	36,8	34,2	37,0	34,9	30,5	32,2
олигархами и остальным обществом	26,0	27,5	23,1	26,5	29,0	35,3
людьми разных национальностей	27,9	18,3	17,2	16,4	18,5	14,1
местными и приезжими	12,7	15,0	17,2	18,5	10,4	10,2
работодателями, собственниками предприятий и работниками	7,8	10,8	14,7	16,4	15,1	14,9
властными группировками	15,2	9,2	10,6	12,7	13,1	12,5
людьми разных политических убеждений	14,2	12,5	11,0	9,0	9,7	9,4
верующими различных религий (православными, мусульманами, буддистами и т. д.)	5,9	5,8	5,1	5,3	1,9	2,7
затрудняюсь ответить	1,0	3,3	2,2	3,2	3,9	7,1

Источник: «Как живешь, Россия?», 2018 г., Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В этой связи закономерно выглядит тот факт, что молодежь более критично воспринимает сложившуюся политическую систему и считает, что ее надо совершенствовать путем реформ (43%) либо менять радикально (27%) (см. табл. 2).

Структура политических ценностей, которую демонстрируют представители молодого поколения, не сильно отличается от той, которую мы видим у более старших возрастных групп, что позволяет говорить о высокой степени устойчивости политической культуры, для которой характерны идеологическая фрагментированность, партофобия, низкий уровень политического участия на фоне усиления вертикали власти [Нисневич, Рябов 2016]. При этом неустойчивая занятость и формирование так называемых групп NEET-молодежи не ведет к радикализации этой группы [Буланова, Костенко 2019].

Таблица 2

Отношение молодых и взрослых россиян к политической системе общества, (% от числа молодых и старших респондентов)

Варианты ответа	Молодежь	Старше 30 лет
Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	21	27
В политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путем постепенных реформ	43	40
Меня не устраивает политическая система нашего общества, ее необходимо радикально изменить	27	22
Затруднились ответить	9	11

Источник: «Как живешь, Россия?», май 2018 г., Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Безусловно, молодежь в силу возраста демонстрирует, по крайней мере на вербальном уровне, готовность к определенным политическим действиям, но различия здесь тоже не существенны (табл. 2).

Таблица 3

Формы в защиту своей политической активности молодых и взрослых россиян при ответе на вопрос: «Что вы готовы предпринять для защиты своих интересов?» (% от числа молодых и старших респондентов)

Варианты ответа	Молодежь	Старшие
Мои интересы достаточно защищены	10,1	12,1
Подпишу обращение к властям	18,0	21,8
Выйду на митинг/демонстрацию	18,4	16,3
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	12,4	7,9
Если надо, возьму оружие	8,6	5,2
Ничего из перечисленного не буду делать	17,0	21,0
Другое	2,5	0,8
Затруднились ответить	13,0	14,9

Источник: «Как живешь, Россия?», май 2018 г., Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Имеет определенный перевес в пользу молодежи по позициям «буду участвовать в забастовках, акциях протеста» (12,4% против 7,9% у взрослых) и «возьму в руки оружие» (8,6% против 5,2%). Но в целом, как мы видим, оснований рассматривать молодежь как единственный и серьезный социальный потенциал протестов – нет.

Что касается участия в выборах, то абсентеизм остается характерной чертой российской молодежи: во время последних выборов президента 33% молодых и 19% взрослых граждан не участвовали в выборах. Нежелание российской молодежи принимать участие в голосовании на президентских выборах свидетельствует в том числе и о невысоком доверии как к институту выборов в том виде, в каком он существует в России, так и к ряду государственных институтов.

По сравнению с взрослыми россиянами молодые люди в меньшей степени доверяли Президенту РФ, Правительству РФ, церкви, армии, полиции, суду и прокуратуре (табл. 4). А вот уровень доверия общественным организациям выше у молодежи, чем у взрослых граждан. Таким образом, социально-политические риски устойчивого развития общества нашли свое выражение в более низком уровне доверия российской молодежи к общественным структурам и институтам власти по сравнению с мнением взрослых людей.

Таблица 4

Отношение молодых и взрослых россиян к общественным структурам и институтам власти, (% от числа молодых и взрослых респондентов)

Ваше отношение	Молодежь				Взрослые			
	Доверяю	Не доверяю	Затруднились ответить	Разница	Доверяю	Не доверяю	Затруднились ответить	Разница
К президенту РФ	62	23	15	39	69	17	14	52
Правительству РФ	35	49	16	-14	43	37	20	6
Совету Федерации	30	40	30	-10	32	30	38	2
Государственной Думе	16	54	30	-38	17	41	42	-24
Администрации Президента РФ	36	33	31	3	37	26	37	11
Совету Безопасности	36	29	35	7	39	24	37	15
Общественной палате	20	38	42	-18	18	31	51	-13

Окончание табл. 4

Ваше отношение	Молодежь				Взрослые			
	Доверяю	Не доверяю	Затруднились ответить	Разница	Доверяю	Не доверяю	Затруднились ответить	Разница
Полиции, суду, прокуратуре	10	72	18	-62	17	61	22	-44
Армии	58	22	20	36	73	13	14	60
Профсоюзам	16	48	36	-32	15	43	42	-28
Церкви	34	36	30	-2	47	21	32	26
Политическим партиям, движениям	12	50	38	-38	13	44	43	-31
Общественным организациям	26	33	41	-7	19	31	50	-12
Руководителю региона	26	44	30	-18	25	39	36	-14
Средствам массовой информации	17	53	30	-36	18	44	38	-26
Банковским, предпринимательским кругам	12	67	21	-55	9	68	23	-59

Источник: «Как живешь, Россия?», май 2018 г., Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Заключение

Российская молодежь демонстрирует скорее конформизм и равнодушие к политической жизни, а также сохраняющуюся партофобию и стремление избегать политической активности на фоне низкого уровня доверия к власти, что в перспективе будет сказываться и на отказе поддерживать любые начинания власти, на сокращении модернизационных возможностей российского общества. В связи с этим государственная молодежная политика не может ограничиваться мерами социального характера, но должна предусматривать более активное вовлечение молодых граждан в реальную политику.

Выполнено при поддержке РФФИ, проект №17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование».

The article was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 17-78-30029 "Cognitive mechanisms and discursive strategies to overcome sociocultural threats in historical dynamics: a multidisciplinary study".

Литература

- Буланова, Костенко 2019 – Буланова М.Б., Костенко В.В. NEET-молодежь: протестный потенциал и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 120–129.
- Гельман 2012 – Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4 (67). С. 65–85.
- Голосов 2008 – Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et contra. 2008. Т. 12 (№ 1). С. 22–35.
- Милованова 2017 – Милованова М.Ю. Молодежная политика как основа развития социального капитала в современной России // Социальная политика и социология. 2017. Том 16. № 6. С. 74–81.
- Нисневич, Рябов 2016 – Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Современный авторитаризм и политическая идеология // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181.
- Velikaya 2019 – Velikaya N.M. Opposition as a mirage of a political field in Russia // New authoritarianism: challenges to democracy in the 21st century. Opladen; Berlin; Toronto: Barbara Budrich Publishers 2019. P. 77–99.
- Wiatr 2017 – Wiatr J. New and old authoritarianism in a Comparative prospects // Studia Socjologiczno-polityczne. 2017. № 2 (07). P. 123–138.

References

- Bulanova, M.B. and Kostenko, V.V. (2019), "NEET-youth. Protest potential and reality", *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, no 1, pp. 120-129.
- Gelman, V.Ya. (2012), "The rise and fall of electoral authoritarianism in Russia", *Politia*, no 4 (67), pp. 65-85.
- Golosov, G.V. (2008), "Electoral authoritarianism in Russia", *Pro et Contra*, no.12 (1), pp. 22-35.
- Milovanova, M.Yu. (2017), "Youth Policy As Basis of Social Capital's Development in Modern Russia", *Social policy and sociology*, vol. 16, no 6, pp. 74-81.
- Nisnevich, Yu.A. and Ryabov, A.V. (2016), "Modern Authoritarianism and Political Ideology", *POLIS. Political Studies*, no 4, pp. 162-181.
- Velikaya, N.M. (2019), "Opposition as a mirage of a political field in Russia", *New authoritarianism: challenges to democracy in the 21st century*, Barbara Budrich Publishers, Opladen; Berlin; Toronto, pp. 77-99.
- Wiatr, J. (2017), "New and old authoritarianism in a Comparative prospects", *Studia Socjologiczno-polityczne*, no 2 (07), pp. 123-138.

Информация об авторе

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalivelikaya@gmail.com

Information about the author

Nataliya M. Velikaya, Dr. of Sci. (Politics), professor, Institute of social and political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6 (1), Fotievoi Str., Moscow, Russia, 119333;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; natalivelikaya@gmail.com

Динамика сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков

Елена А. Колосова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, the_shmiga@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены сравнительные результаты исследований детей и подростков, посвященных теме Великой Отечественной войны, полученные в 2015 и 2020 годах. Главными источниками передачи информации о Великой Отечественной войне для юных были и остаются семья и школа. Увеличение роли внешкольных мероприятий обусловлено рядом факторов. Новые механизмы сохранения памяти о Великой Отечественной войне до сих пор не вытеснили традиционные, а стали для них важным информационным подспорьем. Заинтересованность детей и подростков темой показывает, что проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне решается комплексно, на уровне различных институтов и показывает положительную динамику, несмотря на то что речь идет о событиях далекой войны, очевидцев которой скоро совсем не останется.

Ключевые слова: историческая память, война, детство, чтение.

Для цитирования: Колосова Е.А. Динамика сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 69–80. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-69-80

The dynamics in the remembrance work and the memory actualization of the Great Patriotic War among modern children and adolescents

Elena A. Kolosova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, the_shmiga@mail.ru

Abstract. The article presents comparative results of two studies of the children and adolescents on the theme of the Great Patriotic War, obtained in 2015 and 2020. The main sources of providing information about the Great Patriotic War for the young were and remain the family and the school. The increased role of extracurricular activities is due to a number of factors. New mechanisms for the Great Patriotic War commemoration have not yet supplanted the tra-

ditional ones, but have become an important information tool for them. The interest of children and adolescents in the topic shows that the issue of the remembrance work and the memory actualization of the Great Patriotic War is being addressed comprehensively, at the level of various institutions, and shows positive dynamics, despite the fact that we are talking about the events of a distant war, which will soon leave no eyewitnesses.

Keywords: historical memory, war, childhood, reading

For citation: Kolosova, E.A. (2020), “ The dynamics in the remembrance work and the memory actualization of the Great Patriotic War among modern children and adolescents”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 69-80, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-69-80

Введение

В истории нашей страны есть одна из самых печальных и известных дат – 22 июня 1941 г., – которая сохранилась в памяти народа как символ мужества, героизма, общего горя и сильных бедствий, выпавших на долю современников Великой Отечественной войны. Тема этой войны была и остается одной из ведущих в литературе прошлого и настоящего нашей страны. Уходящие от нас события Великой Отечественной войны повышают ценность художественных произведений, хранящих свидетельства нашей истории.

Великая Отечественная война – целая историческая эпоха, вместившая экономические, политические, идеологические, военные, социальные, психологические теории и практики, идеалы, цели, интересы, невиданный патриотизм и героизм [Афанасьева, Меркушин 2005, с. 11]. Новое подрастающее поколение детей, родившихся в начале XXI в., воспринимает эту войну как далекую историю.

Общество проходит через четыре стадии: шока, отрицания, боли и, наконец, восстановления. Во время войны (стадия шока) было не до обсуждений: лишь бы выжить, лишь бы спастись. Несколько лет после ее окончания существовало негласное табу: о пережитом не пели, не говорили с трибун, не было минут молчания и собраний ветеранов – слишком живым и болезненным казалось недавнее прошлое (стадия отрицания). С конца 1950-х гг. начинается осмысление травмы, погружение в нее, появляются книги и фильмы, со всей остротой выражающие чувства свидетелей войны (стадия боли). Люди плачут при просмотре хроники, всюду звучат песни о войне. Родившиеся в семидесятые годы – из людей того поколения, в котором война отзывается все еще очень сильно. Именно в это время (вплоть до начала 90-х) было создано большинство

произведений о войне, которые впоследствии стали классическими. Последний, завершающий этап – восстановление. Наше общество находится именно в этой стадии, еще не до конца пройденной и осмысленной. Не вина детей, выросших вне контекста военных песен, фильмов и книг, что у них не возникает особых эмоций от текстов, которые активно читались их ровесниками двадцать-тридцать лет назад: рана общества понемногу затягивается [Савушкина 2015].

Историю своей страны необходимо знать каждому новому поколению и не забывать ради будущего. Историческая память о войне 1941–1945 гг. – общенародная ценность, которая формирует духовный капитал России, ее целостность и историческую значимость на мировой арене. В самом общем виде историческая память – это устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании. Ей свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого. С этих позиций историческая память делит события на хорошие и плохие, она обладает инерционной устойчивостью, сравнительно стабильна, но подвержена и изменениям. Представления о прошлом, сформированные прежде, могут меняться под влиянием различных факторов на микро-, мезо- и макроуровнях [Колосова 2016, с. 100].

Основными каналами трансляции исторической памяти были и остаются семья, школа, библиотека, СМИ и государство. В современном обществе механизмы сохранения и актуализации пластов исторической памяти трансформируются и появляются новые механизмы формирования исторической памяти с использованием информационных технологий.

Программа исследования

В 2020 г. Россия отмечает 75-летний юбилей победы в Великой Отечественной войне. Российская государственная детская библиотека в рамках комплекса мероприятий по патриотическому воспитанию читателей инициировала всероссийское социологическое исследование «Тема Великой Отечественной войны в чтении детей и подростков» (проведено в декабре 2019 г.). В 70-летний юбилей победы было проведено межрегиональное исследование «Тема Великой Отечественной войны в чтении детей и подростков», которое проходило в Липецке, Ставрополе, Севастополе, Симферополе и Москве под руководством РГДБ (в опросе приняли участие 585 детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет: 59% – девочки, 41% – мальчики). В основу нового исследования легла анкета, разработанная в 2015 г. Для опроса детей в библиотеках страны во всех

8 федеральных округах анкета была размещена на ресурсе для проведения опросов, хранения и обработки данных¹.

Всего в опросе 2019 г. приняло участие 10 044 детей и подростков в возрасте от 7 до 18 лет: 57% – девочки, 43% – мальчики. Средний возраст респондентов – 12,5 лет.

Анкета была ориентирована на получение сведений об отношении детей и подростков к теме Великой Отечественной войны, чтении книг о войне (мотивация, круг чтения), передаче памяти о войне в семье, школе, библиотеке, источниках получения книг о войне, о фильмах, посвященных данной тематике, а также сравнение результатов двух исследований для получения динамики сохранения и актуализации исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Основной целью исследования было выявить, насколько современные дети и подростки испытывают необходимость в изучении истории войны; осуществляется ли передача памяти о событиях войны и ее участниках в семьях; читают ли дети и подростки книги о войне и как относятся к произведениям военной тематики.

Задачи исследования:

- изучить отношение современных детей и подростков к теме Великой Отечественной войны;
- проанализировать виды читательских практик, связанных с темой войны, в том числе получить представление о новых видах читательских практик, связанных с использованием Интернета;
- представить особенности читательского поведения детей и подростков, связанного с военной тематикой.

Рабочие гипотезы:

- для большинства детей и подростков война – событие давно минувших дней;
- современные дети и подростки слабо ориентируются в литературе, связанной с темой Великой Отечественной войны;
- семья и школа являются главными каналами передачи памяти о Великой Отечественной войне молодому поколению;
- репертуар чтения о войне фрагментирован, раздроблен, при этом в нем практически отсутствует современная литература на эту тему;
- визуальная культура (фильмы и сериалы о войне) повышает обращаемость к литературе о войне.

¹ Сайт для сбора и обработки социологической информации Webanketa.com. Форма для заполнения [Электронный ресурс]. URL: <https://webanketa.com/forms/68vkcdd1g74qkcdv361gkccdm/> (дата обращения 1 декабря 2019).

Отношение подрастающего поколения к Великой Отечественной войне

Что означают для современных детей и подростков слова «Великая Отечественная война»? Как показали ответы на этот вопрос, прежде всего – «великий подвиг России, который нельзя забывать» (этот вариант выбрали 73,3% в 2019 г., 77% в 2015 г.). На втором месте – «память о погибших в сражениях за Родину» (57,4% – 2019 г., 61% – 2015 г.); далее «трагическое и страшное событие в судьбе нашей Родины» (40,8% – 2019 г., 33% – 2015 г.); и «уважение к ныне живущим ветеранам и участникам войны» (37,4% – 2019 г., 42% – 2015 г.). Для пятой части респондентов Великая Отечественная война – «неотъемлемая часть моей жизни, истории моей семьи, истории моей страны» (21,9% – 2019 г., 20% – 2015 г.). И только для 12% это история давно минувших дней (в 2015 г. – 10%). Для каждого эта Война значит что-то свое, но при этом есть некие общие представления о том, что она значит для истории нашей страны.

У взрослого населения, когда они слышат слова «Великая Отечественная война», возникают схожие мысли и чувства. Для 26% – гордость за страну, людей; для 24% – горе, скорбь, боль, слезы; для 18% – радость победы, День Победы; для 9% – смерть, гибель людей; для 7% – тяжелое время, страдания людей, страх, ужас. Только 6% назвали благодарность ветеранам, всем, кто воевал, уважение к ним². Для детей, которые живут в мирное время и не знали тягот войны, общение с живыми свидетелями войны бесценно, и больше половины опрошенных испытывают к ним благоговейное уважение.

Таблица 1

«Что для тебя значат слова “Великая Отечественная война”?»

Ответы	Количество респондентов, %	
	2019 г.	2015 г.
Великий подвиг России, который нельзя забывать	73,3	77
Память о погибших в сражениях за Родину	57,4	61
Трагическое и страшное событие в судьбе нашей Родины	40,8	33

² Празднование Дня Победы: Отношение к Дню Победы и к освещению войны в СМИ // ФОМнибус: опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 28 апреля 2019 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6% [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14203> (дата обращения 20 декабря 2020).

Окончание табл. 1

Ответы	Количество респондентов, %	
	2019 г.	2015 г.
Уважение к ныне живущим ветеранам и участникам войны	37,4	42
Чувство боли и страдания за безвременно ушедшие жизни миллионов людей	25,9	27
Сострадание к людям, которых затронула война	22,1	17
Неотъемлемая часть моей жизни, истории моей семьи, истории моей страны	21,9	20
История давно минувших дней	12,7	10

Главный институт, посредством которого государство реализует патриотическое воспитание – школа. Школьное образование дает ученикам знания о таком важном и трагическом событии в жизни страны, как Великая Отечественная война. Современная школа по-прежнему пользуется стандартным традиционным набором средств для воспитания гражданина и патриота: патриотические игры, встречи с заслуженными людьми, поздравления ветеранов с Днем Победы, помощь им, классные часы с патриотической тематикой, походы по местам боевой славы, тематические уроки истории и литературы и т. д. 79,6% опрошенных детей ответили, что получают такую информацию о Великой Отечественной войне от учителей. В 2015 г. от учителей получали информацию 70% опрошенных школьников. Таким образом, участие школы в патриотическом воспитании подрастающего поколения возросло за последние пять лет.

Школа не является единственным местом получения информации для детей. Память о событиях тех лет передается из поколения в поколение в каждой семье, поэтому большинство респондентов (76,4%) указали родителей и родственников, однако роль семьи заметно снизилась за последние годы, в 2015 г. этот ответ выбрали 84% респондентов. Согласно исследованию 2015 г., проведенному Фондом «Общественное мнение» на тему «Великая Отечественная война в семейной истории», 79% россиян указали, что среди их родственников были те, кто воевал. Однако назвать фронты или операции, в которых участвовали их близкие, смогли только 29% опрошенных. Носителями памяти о войне являются в основном представители старших поколений – они лучше помнят, где воева-

ли их родные (45%), чаще хранят дома фотографии, награды, письма, другие семейные реликвии, связанные с войной (42%), им чаще доводилось слушать рассказы, воспоминания близких о событиях тех лет (71%)³.

Читательские практики школьников

В процессе передачи исторической памяти важна непосредственная коммуникация, обсуждение исторических событий, героев, подвигов. Чаще всего дети обсуждают тему Великой Отечественной войны в кругу семьи, среди родителей и родственников – (65,5% – 2019 г., 75% – 2015 г.), на школьных уроках, с учителями обсуждают тему войны (66,7% – 2019 г., 61% – 2015 г.) респондентов. В полтора раза увеличилось участие библиотекарей в обсуждении темы войны с подрастающим поколением (50,8% – 2019 г., 36% – 2015 г.), 23,5% обсуждают эту важную тему с ветеранами (в 2015 г. таких ответов было больше – 33%). Поскольку с каждым годом все меньше остается очевидцев той страшной войны, данный вариант будет набирать все меньше процентов. Треть опрошенных обсуждают эту сложную тему с друзьями и знакомыми. Отметим, что в 2019 г. только 7,6% детей и подростков ответили, что ни с кем не обсуждают тему войны 1941–1945 гг., в 2015 г. таких была четверть опрошенных.

Ежегодно в День Победы в школах и на других, самых разных культурно-образовательных площадках проходит большое количество мероприятий, посвященных этой теме. Наиболее часто дети, судя по их ответам на соответствующий вопрос анкеты, в рамках такого рода мероприятий встречались с ветеранами, посещали выставки, участвовали в школьных конференциях. По сравнению с результатами 2015 г. значительно сократились встречи с ветеранами и увеличилось количество библиотечных мероприятий, приуроченных к славной дате.

Также в свободных ответах дети указали участие в акции «Бесмертный полк», посещение концертов, митингов и парада в честь Дня Победы.

³ Великая Отечественная война в семейной истории // ТелеФОМ»: телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. 19 апреля 2015. 320 городов, 160 сел. 1000 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,8% [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Proshloe/12142> (дата обращения 20 декабря 2020).

Таблица 2

«Какие мероприятия, посвященные
Великой Отечественной войне, ты посещал?»

Ответы	Количество респондентов, %	
	2019 г.	2015 г.
Библиотечные мероприятия (занятия в клубах, кружках, студиях библиотеки, выставки и т. п.)	71,3	52
Встречи с ветеранами	52,8	72
Выставки	49,2	52
Школьные конференции	37,2	38

Чтение литературы о войне, книг, связанных с военной тематикой, всегда входило в сферу читательских интересов детей и подростков. Эта литература, с одной стороны, входила в школьную программу нескольких поколений россиян и является обязательной к прочтению, с другой стороны, это так называемая классика, к чтению которой приобщают родители, выросшие на этих книгах.

В качестве источников информации о Великой Отечественной войне дети в основном указывали книги (77,6%) и школьные учебники (61,1%). Однако роль кинофильмов, сериалов также весьма велика (68,5%), поскольку значительную часть информации современные дети получают из телевизора и интернета (51,3%). Отметим, что увеличилось количество школьников, которые читают книги о войне после просмотра фильма или сериала. Менее популярными источниками информации оказались теле- и радио передачи (37,4), газеты и журналы (20,2%). Данное соотношение практически не изменилось за последние пять лет. Примечательно, что при засилье интернета этот источник информации не превысил значение в 50% ответов и не вытеснил традиционные источники (печатные книги и учебную литературу).

Среди источников получения книг о Великой Отечественной войне лидирующие позиции у юных респондентов занимают школьные и городские библиотеки (60% и 58% соответственно). Серьезно возросло участие школы и в снабжении школьников литературой о войне и учебной литературой, в которой дети знакомятся с событиями военных лет. Гораздо меньше тех, кто может воспользоваться собственной домашней библиотекой в поисках книг о Великой Отечественной войне (42% – 2015 г., 32% – 2019 г.). Отметим,

что отдельно респондентами были выделены сельские библиотеки как места получения книг, поскольку в выборку попали не только школьники, проживающие в городах, но и сельские жители.

Таблица 3

«Источники получения книг о Великой Отечественной войне»

Ответы	Количество респондентов, %	
	2019 г.	2015 г.
Городские библиотеки	58	61
Школьные библиотеки	60	51
Дома, в домашней библиотеке	32	42
В книжном магазине	11	16
У друзей	8	9
У знакомых, родственников	17	22
Сельская библиотека	7,5	—

Сегодня на книжном рынке существует много как отечественных, так и зарубежных книг о Великой Отечественной войне – это и переиздания произведений советских авторов, и книги современных писателей, поэтому представляется интересным узнать, какие же из этих книг выбирают дети.

В подавляющем большинстве назывались книги отечественных авторов, составивших «золотой» фонд советской литературы о Великой Отечественной войне, часть из которых включена в школьную программу по литературе и в списки внеклассного чтения. В десятку самых часто упоминаемых книг вошли такие, как: А.Т. Твардовский «Василий Теркин», В.П. Катаев «Сын полка», Б.Л. Васильев «А зори здесь тихие», Б.Н. Полевой «Повесть о настоящем человеке», М.А. Шолохов «Судьба человека», Ю.В. Бондарев «Горячий снег», Е.Я. Ильина «Четвертая высота», Б.Л. Васильев «В списках не значился», М.А. Шолохов «Они сражались за Родину», К.М. Симонов «Живые и мертвые». Однако стоит отметить, что современная литература о Великой Отечественной войне среди самых популярных книг встречается нечасто. Во многом это зависит от возможностей регионов, насколько хорошо комплектуются библиотеки (есть ли в них современные авторы), доступны ли книжные магазины (особенно актуально для отдаленных регионов), и, конечно, осведомленность о новых книгах по этой тематике

(владение информацией учителями, родителями и библиотекарями для популяризации новых книг о войне среди школьников).

Дети и подростки ищут в книге приключения, динамичный сюжет, ярких героев. Им важно, чтобы было «не скучно». Наиболее привлекательным в книгах о войне, которые прочитали опрошенные дети и подростки, оказался интересный сюжет (53,4%), яркие характеры, необычные судьбы (45,3%). И очень интересно для ребенка, познающего мир, – каков же предел человеческих возможностей. Поэтому преодоление трудностей человеком как самый привлекательный фактор в книге отметили 53,7% юных читателей. Каждого третьего респондента привлекает описание военного быта и неизвестные факты истории, и меньше привлекает сам главный герой (если это взрослый персонаж). Детям и подросткам всегда интереснее читать о жизни своих сверстников, так им легче представить себя на месте главного героя. Такие предпочтения практически не изменились за последние пять лет, однако чуть меньше школьники отмечают неизвестные факты истории, которые они обнаружили на страницах книг (30% – 2015 г., 21% – 2019 г.), полагаем, что это связано с тем, что многое дети и подростки могут легко узнать из интернета, поэтому в этом случае книга не настолько уникальна.

Из юных героев, о которых знают современные школьники, чаще других упоминались имена Зои и Шуры Космодемьянских, Александра Матросова, Вали Котика, Зины Портновой, Нади Богдановой, Лени Голикова, Люси Герасименко, Марата Казея, Муси Пинкензона, Саши Бородулина, Толи Шумова, Кости Кравчука. Очевидно, судьбы сверстников, отдавших жизнь за Отечество, все так же не безразличны юным читателям, истории их подвигов не могут не вызывать сопереживания и восхищения.

Современные дети утверждают, что обращаются к теме войны не только по заданию в школе (35%), а больше для того, чтобы расширить свой кругозор, для домашнего чтения (71%). Еще 10% респондентов написали, «чтобы больше знать об истории своей страны, Родины, о Великой Отечественной войне в целом, о людях, сражавшихся за нашу родину, о подвигах великих бойцов».

Из книг дети и подростки также получают информацию, связанную с историей войны, фактами, датами и описаниями мест воинской славы. В самом конце анкеты мы предложили респондентам вспомнить дни воинской славы. Помимо дат, которые официально относятся к дням воинской славы (27 января «День снятия блокады города Ленинграда (1944 год)»; 2 февраля «День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 год)»; 23 февраля «День защитника Отечества»; 9 мая «День Победы советского народа в Великой Отечественной

войне 1941–1945 годов (1945 год)»; 23 августа «День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 год)»; 5 декабря «День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 год)», опрошенные дети и подростки относили также памятную дату России 22 июня «День памяти и скорби – день начала Великой Отечественной войны (1941 год)».

Чаще других назывались 9 мая, День защитника Отечества, Сталинградская битва и День снятия блокады города Ленинграда. Битва под Москвой и Курская битва менее известны среди детей и подростков. Дети и подростки знают не только даты, которые отмечаются в России, с особым трепетом и благодарностью относятся к воинам-победителям, но и помнят важные события войны, увековеченные в истории нашей страны.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что отношение детей и подростков к теме Великой Отечественной войны не меняется. Несмотря на то что все большее количество лет отделяет современных школьников от событий тех лет, для большинства Великая Отечественная война – великий подвиг России, который нельзя забывать.

Современные дети и подростки хорошо ориентируются в литературе, связанной с темой Великой Отечественной войны, однако в основном читают книги так называемой советской классики и мало знакомы с современными изданиями о войне.

Семья и школа остаются главными каналами передачи памяти о Великой Отечественной войне молодому поколению, при этом значительно увеличилось участие школы в этом процессе.

Визуальная культура повышает обращаемость к литературе о войне за счет большого количества фильмов и сериалов на эту тему. Увеличилось количество школьников, которые обращаются к книге после просмотра одноименного фильма или сериала.

Таким образом, роль различных институтов в сохранении и актуализации исторической памяти о Великой Отечественной войне несколько трансформировалась. Увеличилось влияние школы и библиотеки, при этом такой современный источник, как интернет, не вытеснил традиционные источники получения информации для детей (книги и учебники), а служит дополнением, которое успешно применяется в школах и библиотеках для привлечения внимания подрастающего поколения.

Литература

- Афанасьева Меркушин 2005 – Афанасьева А.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22.
- Колосова 2016 – Колосова Е.А. Проблемы сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2. С. 99–104.
- Савушкина 2015 – Савушкина Н. Сороковые роковые 2015 // Библиогид. Сайт рекомендательной библиографии РГДБ [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliogid.ru/krug-chteniya/obzory/2184-sorokovye-rokovye> (дата обращения 20 декабря 2020).

References

- Afanas'eva, A.I. and Merkushin, V.I. (2005), "The Great Patriotic War in the historical memory of Russians", *Sociologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 11–22.
- Kolosova, E.A. (2016) "Issues of the remembrance work and the memory actualization of the Great Patriotic War among modern children and adolescents", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 99–104.
- Savushkina, N. (2015), "Forties the Fateful 2015", available at: <http://bibliogid.ru/krug-chteniya/obzory/2184-sorokovye-rokovye> (Accessed 20 December 2020).

Информация об авторе

Елена А. Колосова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия Москва, Миусская пл., д. 6; the_shmiga@mail.ru

Information about the author

Elena A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; the_shmiga@mail.ru

Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти

Александра А. Нечаева

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, a.nechaeva@spbu.ru*

Аннотация. Интерес к вопросам коллективной памяти не угасает со времен так называемого «бума памяти» XX в. Несмотря на значительное количество теоретических и фундаментальных исследований, посвященных коллективной памяти, ее аспектам и разновидностям, методологическим основам дисциплины уделялось меньше внимания. Утверждение методологического аппарата мемори стадиз необходимо для его окончательного оформления в самостоятельную область знания.

Множество исследователей описывали различные подходы к определению методологии исследований в рамках мемори стадиз. Однако предложенные методы позволяли проанализировать лишь статичные и фрагментарные проявления коллективной памяти. На данный момент исследователи коллективной памяти в первую очередь рассматривают ее как продолжающийся во времени процесс. Подобное понимание памяти как процесса, наделенного темпоральными характеристиками, происходящего в культурном контексте и как зависимого, так и формирующего для участвующих в нем субъектов, привело к возникновению идей о нарративности коллективной памяти. Это вызывает к необходимости определения соответствующего метода исследования, который позволил бы оценить социальные практики коллективной памяти в историческом и социокультурном контексте. В данной статье систематизированы представленные в академической литературе идеи о нарративности коллективной памяти и произведена оценка потенциала нарративного анализа для ее изучения.

Ключевые слова: коллективная память, мемори стадиз, нарратив, нарративный анализ, методология

Для цитирования: Нечаева А.А. Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 81–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-81-93

Narrative analysis as a collective memory research method

Aleksandra A. Nechaeva

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia, a.nechaeva@spbu.ru

Abstract. The interest towards the issues of collective memory has not faded since the “memory boom” of the 20th century. Despite the considerable amount of theoretical and fundamental research into the collective memory, its aspects and varieties, less attention has been paid to the methodological foundation of the discipline. The establishing of the methodological apparatus of Memory Studies is necessary for its final formation into an independent field of knowledge. Many researchers have been describing various approaches to defining the research methodology of Memory Studies. However, the suggested methods allowed to analyze only static and fragmented manifestations of collective memory. Nowadays, collective memory researchers see it, first of all, as a process unfolding in time. Such an understanding of memory as a process, possessing temporal characteristics, happening in a cultural context and dependent on as well as formative for its participating subjects, lead to the establishment of ideas regarding the narrative nature of collective memory. That calls for a necessity to define a relevant research method that would allow to evaluate social practices of collective memory as well as the historical and sociocultural context that affects them. The goal of the given work lies in the systematization of presented in the academic literature ideas of the narrativeness of collective memory and in the evaluation of the scientific potential of narrative analysis in collective memory research.

Keywords: collective memory, Memory Studies, narrative, narrative analysis, methodology

For citation: Nechaeva, A.A. (2020), “Narrative analysis as a collective memory research method”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 81-93, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-81-93

Введение

Исследования, проводимые в рамках мемори стадиз, позволяют проанализировать процессы формирования идентичности различных социальных групп, оценить глубинные значения прошлого в настоящем, понять, как сообщества используют коллективную память для достижения определенных целей и выстраивания морально-ценностных ориентаций. Однако на сегодняшний день исследования коллективной памяти остаются проблематичными

с эмпирической точки зрения. Теоретическая и практическая значимость представленной работы заключается в попытке завершить определение методологического аппарата исследований коллективной памяти для окончательного оформления мемори стадиз в самостоятельную область знаний.

А. Васильев [Васильев 2015], В. Касамара [Касамара, Сорокина 2014], Т. Емельянова, А. Тимофеева [Емельянова, Тимофеева 2009], Л. Зубанова [Зубанова 2008], Н. Иванова [Иванова 2013], В. Канштайнер [Канштайнер 2014], А. Конфино [Confinio 1997], А. Эрлл [Erlл 2011], Е. Кейтли [Keightley 2010], Б. Зелизер [Zelizer 1992] и др. предлагали различные подходы к методологии анализа коллективной памяти. Однако рассматриваемые ими методы не давали представления о коллективной памяти как о целостности, скорее позволяли оценить ее отдельные проявления и материальные места фиксации. Дж. Олик в рамках процессорелятивистского подхода предложил рассматривать память не как статичный объект, а как развивающийся во времени процесс [Олик 2012]. Автор указывал на то, что концептуализация памяти в местах ее проявления упускает из виду ее развитие и относительность процесса воспоминания. Описанных ранее методов оказалось недостаточно.

Понимание памяти как процесса, наделенного темпоральными характеристиками, происходящего в культурном контексте и как зависимого, так и формирующего для участвующих в нем субъектов, привело к возникновению идей о нарративности коллективной памяти. Их развивали П. Рикер [Ricoeur 2004], Дж. Верч [Wertsch 2008], Дж. Брунер [Bruner 1991], Ки Ванг и Кинфанг Сонг [Wang, Song, Kim Koh 2017], Г. Розенвальд и Р. Охберг [Rosenwald, Ochberg 1992].

В рамках данного исследования была предпринята попытка выполнить систематический обзор представленных в академической литературе идей о нарративности коллективной памяти и оценить потенциал нарративного анализа для ее изучения. Перед нами стояли следующие задачи: обозначить теоретические обоснования нарративной составляющей коллективной памяти, систематизировать существующие подходы к методологии проведения нарративного анализа и выявить эффективность применения нарративного анализа для проведения исследований в рамках мемори стадиз. Научная новизна данной статьи заключается в предложении анализа нарративов как эффективного и валидного метода анализа коллективной памяти, который позволит учитывать ее процессуальность, темпоральность и социальное взаимодействие, существующие в ее рамках.

Коллективная память как нарратив

Память и идентичность неотделимы друг от друга. Идентичность выстраивается на ощущении длящегося во времени бытия субъекта [Васильев 2015]. П. Рикер указывал на то, что память, по существу, представляет собой нарратив [Ricoeur 2004]. В процессе коммеморации произошедшие события объединяются в серии, на основании которых строится повествование, которое может быть структурировано различными способами. Значение события определяется именно той серией, в которую оно оказалось включено. Таким образом, из единого фактического материала может выстраиваться различный нарратив идентичности.

Как указывает В. Губин, «оценивая исторический нарратив, следует всегда сознавать, из чьих именно уст он исходит и в какой конкретной обстановке и для какой аудитории излагается» [Губин 2019]. При формировании нарратива коллективной памяти в первую очередь выбирается временная перспектива. Сообщество выбирает степень глубины погружения в собственное прошлое, обращается к более или менее удаленным событиям. Производится отбор исторических личностей, событий и периодов, на основании которых выстраивается идентификация группы. Изменение степени отдаленности рассматриваемого прошлого может изменять «образ предков».

Когда определена временная перспектива, в рамках коллективной памяти выбирается линия преемственности. Представляется необходимым сформировать идею неразрывности исторического континуума.

М. Хальбвакс отмечал, что в коллективной памяти события прошлого должны выстраиваться и интерпретироваться так, чтобы члены социальной общности узнавали себя на каждом этапе истории, ощущали то или иное прошлое как «свое» [Васильев 2015, с. 46].

Для формирования такого ощущения подчеркивается связь с определенными «местами памяти», материальными объектами, событиями, персонами, которая является неизменной и подлежит постоянному восстановлению. Однако возможны и разрывы с прошлым, которые происходят вследствие определенных поворотных моментов. Такие разрывы обозначают начало нового этапа, утверждения новых ценностей.

Нарратив определяется как организация одновременных событий и происшествий в хронологическом последовательном порядке, который придает значение и объясняет каждый из его элемен-

тов и в то же время конструируется с их помощью [Griffin 1993]. Исторические события идентифицируются и сводятся в историю посредством использования сюжета, окружающей обстановки и характеристики героев, которые придают событиям структуру, значение и контекст. Кроме того, установка временного порядка событий необходима, чтобы сформировать понимание, как и почему произошли данные события. В этом случае элементы нарратива приобретают характеристики темпа и продолжительности. Нарративы по своей природе темпоральны, как с точки зрения их формирования, так и с точки зрения логики объяснения событий. Они принимают форму разворачивающейся истории, включающей в себя непредвиденные стечения обстоятельств, в рамках которой событие объясняется его порядком и позицией в истории [King 2000].

Дж. Верч предлагает различать «конкретные нарративы» и «схематические шаблоны нарративов» [Wertsch 2008]. Конкретные нарративы организуются вокруг определенных дат, обстановки и действий, в то время как схематические шаблоны нарративов являются более обобщенными структурами, используемыми для создания множества конкретных нарративов со сходным базовым сюжетом.

Конкретные нарративы содержат в себе упоминания точного места, времени, участвующих персонажей, окружающей ситуации события, в этом заключается их основное отличие от схематических нарративных шаблонов. Вторые существуют на более абстрактном уровне, не предоставляют деталей и создают форму, которая может применяться к множеству событий. Они призваны выражать какую-либо вечную или существенную истину о группе, определять ее идентичность. Информация, особенно та, что противоречит данным схемам, рассеивается, упрощается или игнорируется с течением времени [Novick 1999].

Сила, которой обладают нарративные шаблоны при оформлении образа мысли и речи группы, объясняется их абстрактной природой. Благодаря данному уровню абстракции нарративные шаблоны часто остаются незамеченными для тех, кто их применяет. Это является ключевой основой для их способности формировать то, что Дж. Верч называет «глубокой памятью» [Wertsch 2008]. Таким образом, коллективная память представляется «глубокой», потому что организующие ее нарративные приемы в большой степени остаются недостижимы для сознательной рефлексии. Вторая причина, по которой коллективная память становится глубокой, заключается в том, что нарративные схемы обладают существенным эмоциональным резонансом, заключенным в них, и являются фундаментальной составляющей идентичности группы. В результате схематические шаблоны нарративов играют неявную, но

очень властную роль «соавторства», когда сообщество стремится представить свое прошлое.

Дж. Брунер также утверждает, что мы организовываем наш опыт и память о произошедших событиях в форме нарратива – создаем истории, оправдания, мифы, причины действия или бездействия и т. д. [Bruner 1991]. В отличие от конструкций, сформированных с помощью логики и научных процедур, которые могут быть отсеяны посредством фальсификации, нарративные конструкции могут только достигнуть уровня «правдоподобия». Таким образом, они представляют собой версию реальности, принятие которой регулируется обычаем и потребностью в существовании нарратива, а не эмпирическим подтверждением или логическим объяснением.

Ки Ванг и Кинфанг Сонг отмечают, что процесс запоминания и выстраивания смыслов через нарратив происходят не изолированно, а внутри контекста. Эти смыслы помещены в микро- и макроконтэкст культуры, которая, будучи символической системой медиации, обуславливает обработку информации и производство смыслов [Wang, Song, Kim Koh 2017]. Авторы отмечают, что формирование памяти не всегда полагается на язык, так как она может фиксироваться и с помощью изображений или других перцептивных форматов, однако именно лингвистический нарратив обеспечивает ее транслируемость и сохранность. Он позволяет историческому опыту быть одновременно временным, имевшим место быть в определенный момент прошлого, и постоянным – лингвистически закодированным в устойчивую систему значений. Нарратив налагает временно-причинные структуры на информацию о событии, что способствует формированию продолжительных воспоминаний. Следовательно, формирование нарратива в процессе конструирования памяти увеличивает сохранность и доступность памяти, вписывает ее в культурную реальность.

Г. Розенвальд и Р. Охберг говорят, что истории позволяют не только рассказать о прошлом опыте, но и вносят вклад в то, каким видит себя рассказчик, каким он становится [Rosenwald, Ochberg 1992]. С одной стороны, истории формируют образ, с другой – образ определяет отбор событий, о которых будет вестись повествование. Таким образом, тот набор нарративов, который включается в структуру коллективной памяти, позволяет сформировать идентичность группы, от лица которой ведется повествование о прошлом. Рассказчик переносит слушателя в прошлые времена, воспроизводя то, что произошло, таким образом, чтобы сделать вывод, как правило, нравственного содержания. Репрезентация событий и формирование нравственного отношения к ним дает возможность

нации представить себя в роли жертвы или победителя, оправдать свои действия в случае агрессии или поражения, определить ценностные ориентиры дальнейшего развития.

Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти

Исследователи все больше уходят от универсальных моделей объяснения социальных явлений и обращаются к темпоральности и нарративному анализу. Их использование позволяет отдать должное процессуальному характеру исторических событий. Переход к исследованиям нарратива делает возможным преодолеть теоретические ограничения конвенциональной историографии. Историческая реальность может концептуализироваться не как временной отрезок, внутри которого события влияют друг на друга, а как набор историй, в которых комплексные акторы взаимодействуют внутри комплексных структур.

Нарративный анализ начал активно применяться для качественного анализа текстов со второй половины XX в. В центре исследования социальных и гуманитарных наук оказался текст, предполагающий скрытые в нем смыслы, а точнее, нарратив как лингвистический, культурный и социальный феномен, как отражение социальной реальности. В рамках субъективистского направления в социологии появилась необходимость в использовании качественных методов анализа; контент-анализ, подразумевающий количественный метод сбора данных об изучаемом явлении и использующий математические приемы обработки данных, оказался недостаточным для глубинного анализа структур и смыслов. Таким образом, был разработан метод нарративного анализа, истоками которого являются антропология, лингвистика и семиотика. Он позволяет оценить как социальные практики, так и оказывающий влияние на них исторический и социокультурный контекст.

Р. Тернер отмечает, что в качестве объектов нарративного анализа могут выступать «мифы, символы, социальные идеи, репрезентируемые персонажами, подчеркивая при этом важность связи последних с конкретной социальной проблематикой» [Тернер 1992, с. 123]. Благодаря нарративному анализу исследователь получает возможность изучить социальные отношения, находящие выражение в языковых практиках. Х. Алкер указывает на то, что нарративный анализ позволяет глубоко проанализировать исторические события, которые транслируются как нарративы, принимают форму мифов, типических сюжетов, сказок и т. д. [Alker 1996].

Анализу подвергаются структуры сюжета, действующие лица, мотивы их поведения и происходящие ситуации, символические образцы взаимодействия в обществе, формирование и сохранение норм и образцов культуры. Объектом исследования при этом являются смысловые единицы, формирующие структуру нарратива.

Методики анализа нарратива

Существует несколько подходов, с точки зрения которых возможно анализировать нарратив в структуре коллективной памяти. Первая методика – по **типу** нарратива. Е. Ярская-Смирнова выделяет три возможных жанра нарратива: обыденный, при котором действие повторяется регулярно и не находит кульминации, гипотетический, в котором действие могло произойти, но не совершилось, и сосредоточенный вокруг определенной темы, описывающий события прошлого [Ярская-Смирнова 1997]. Американский исследователь К. Герген, в свою очередь, говорит о трех типах нарративов: нарратив стабильности, прогрессивный и регрессивный нарратив [Gergen]. Каждый из представленных типов выражает установленные в обществе ценности, мифы и коллективные представления.

Следующая методика обращает внимание, в первую очередь, на **структуру** нарратива. Структуру нарратива можно рассматривать на трех уровнях: хронологическом (временной аспект развития событий), тематическом (события объединены вокруг определенной темы) и логическом (взаимосвязь между событиями). Говоря о структуре нарратива, Е. Ярская-Смирнова указывает на то, что в нем должна присутствовать последовательность, однако последовательность может носить различный характер [Ярская-Смирнова 1997]. В. Лабов рассматривает хронологическую секвенцию. Другие авторы, например К. Юнг, говорят о секвенции последствий – одно событие приводит к другому в нарративе, но связи не обязательно являются временными. Третьи, например К. Рисман, указывают на тематическую секвенцию, когда события нарратива связаны тематически, а не временными связями.

Т. ван Дейк выделяет три семантические структуры нарратива, подвергающиеся анализу – микроструктуры, макроструктуры и суперструктуры [ван Дейк 2000]. В рамках микроструктуры задаются связи между отдельными предложениями. Макроструктуры регулируют отношения между смысловыми частями текста: эпизодами, абзацами статьи, группами реплик. Суперструктура представляет собой заданную стандартную схему выстраивания

нарратива согласно конкретной последовательности и определенным категориям. Кеннет Бурк разработал «пятиугольную» модель нарратива, состоящую из Агента, Действия, Обстановки, Цели и Применяемых средств [Burke 2018]. Выдержанный баланс между элементами определяется как «пропорциональное соотношение», определенное культурной нормой. Когда это соотношение нарушается, прорываются конвенциональные ожидания, появляется Проблема. Именно она является движущей силой драмы, результатом дисбаланса пяти элементов нарратива.

Т. Терехова предлагает схему «простого» нарратива: состояние – событие – состояние [Терехова 2015]. Ядром рассказа является именно событие, находящееся посередине. Данное событие призвано вывести рассказчика из первичного состояния равновесия. Благодаря событию происходит смена состояния, формируется идентичность. Средняя часть представляет собой своеобразную форму трансгрессии, она структурирует хаотичные события прошлого в упорядоченную культурную форму нарратива. Третья часть повествует о возвращении в статичное состояние, но уже на другом уровне или в новом качестве.

Кроме того, автор описывает структуру «полного» нарратива в рамках подхода В. Лабова. Он включает в себя шесть элементов: «тезисы “Т” (краткое изложение существа дела), ориентацию “ОС” (время, место, ситуация, участники), комплекс действий “КД” (последовательность событий), оценку “О” (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию), резолюцию “Р” (что случилось в конце концов) и код “К” (возврат к настоящему времени)» [Терехова 2015, с. 147]. Код не может быть индивидуальным, он представляет собой разделяемый всеми социальный смысл, поэтому играет роль перехода из индивидуального происхождения к статике состояния.

Третья методика анализа подразумевает исследование **причинных связей** нарратива в рамках событийно-структурного анализа. Процедура событийно-структурного анализа была разработана психологом Д. Хайзе с целью выявления временной и причинной последовательности составляющих нарратива. Цель такого анализа заключается в понимании смысла через интерпретацию. Текст рассматривается с точки зрения его смысла в связи с предшествующими и последующими действиями. Данная методика позволяет использовать исторический и социальный контекст для интерпретации текста, реконструировать мир актора с целью понимания его мотивов.

Явная составляющая нарратива раскрывает представления рассказчика о фактической стороне события. Скрытая, имплицит-

ная составляющая говорит о структуре и смысле рассказываемой истории или ее частей, о целях и особенностях самого рассказчика. Формальный анализ нарратива обращает внимание на структуру истории, взаимосвязь элементов друг с другом, привязанность их к временной оси, использованные приемы.

Заключение

Мы организовываем наш опыт и память о произошедших событиях в форме нарратива. Нарративные конструкции представляют собой версию реальности, принятие которой регулируется обычаем и потребностью в существовании нарратива, а не эмпирическим подтверждением или логическим объяснением. Тот набор нарративов, который включается в структуру коллективной памяти, позволяет сформировать идентичность группы, от лица которой ведется повествование о прошлом. Нарративный анализ в качестве одного из наиболее эффективных методов исследования структур коллективной памяти позволяет оценить как социальные практики, так и оказывающий влияние на них исторический и социокультурный контекст. Благодаря нарративному анализу исследователь получает возможность изучить социальные отношения, находящие выражение в языковых практиках. Анализу подвергаются структуры сюжета, действующие лица, мотивы их поведения и происходящие ситуации, символические образцы взаимодействия в обществе, формирование и сохранение норм и образцов культуры.

Литература

- Васильев 2015 – *Васильев А.* Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Н. Кочеляева (ред.) М.: Совпадение, 2015. С. 29–58.
- ван Дейк 2000 – *Дейк Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Губин 2019 – *Губин В.* История и социальная память // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 277–285.
- Емельянова, Тимофеева 2009 – *Емельянова Т., Тимофеева А.* Опыт использования экспрессивного рисунка в исследовании коллективной памяти у чехов // Психология человека в современном мире. Т. 5: Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна,

- 15–16 октября 2009 г.) / Отв. ред. А. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 244–246.
- Зубанова 2008 – *Зубанова Л.* Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 6–17.
- Иванова 2013 – *Иванова Н.* Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестник СПбГУ. 2013. № 3. С. 116–122.
- Канштайнер 2014 – *Канштайнер В.* Поиск смысла в воспоминаниях: методологическая критика исследований коллективной памяти [Электронный ресурс] // Уроки истории XX век. 2014. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52227> (дата обращения 18 ноября 2018).
- Касамара, Сорокина 2014 – *Касамара В., Сорокина А.* Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 107–118.
- Олик 2012 – *Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Терехова 2015 – *Терехова Т.* Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. 2015. № 1(41). С. 143–152.
- Тернер 1992 – *Тернер Р.* Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 121–123.
- Ярская-Смирнова 1997 – *Ярская-Смирнова Е.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
- Alker 1996 – *Alker H.* Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols // Alker H.R. Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Bruner 1991 – *Bruner J.* The Narrative Construction of Reality // Critical Inquiry, 1991. P. 2–21.
- Burke 2018 – *Burke K.* A Grammar of Motives. SF: University of California Press, 2018.
- Confino 1997 – *Confino A.* Collective Memory and Cultural history: Problems of Method // The American Historical Review. 1997. Vol. 102(5). P. 1386–1403.
- Erl 2011 – *Erl A.* Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan. 2011.
- Gergen – *Gergen K.* Narrative, moral identity and historical consciousness: a Social constructionist account [Электронный ресурс] / URL: www.swarthmore.edu/Soc-Sci/kgergenl/text3/html (дата обращения 03.04.2018).
- Griffin 1993 – *Griffin L.* Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // The American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98 (5). P. 1094–1133.
- Keightley 2010 – *Keightley E.* Remembering research: memory and methodology in the social sciences // International Journal of Social Research Methodology. 2010. Vol. 13 (1). P. 55–70.
- King 2000 – *King N.* Memory, Narrative, Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.
- Labov 1997 – *Labov W.* Some further steps in narrative analysis // Journal of Narrative & Life History. 1997. Vol. 7 (1-4). P. 395–415.

- Novick 1999 – *Novick P.* That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Ricoeur 2004 – *Ricoeur P.* Memory, History, Forgetting. Chicago: The University of Chicago Press. 2004.
- Rosenwald, Ochberg 1992 – *Rosenwald G., Ochberg R.* Storied Lives: The Cultural Politics of Self- understanding. Cambridge: Yale University Press, 1992.
- Wang, Song, Kim Koh 2017 – *Wang Q., Song Q, Kim Koh J.* Culture, Memory, and Narrative Self-Making // *Imagination, Cognition and Personality.* 2017. Vol. 37 (2). P. 199–223.
- Wertsch 2008 – *Wertsch J.* Collective Memory and Narrative Templates // *Social Research.* 2008. Vol. 75(1). P. 133–156.
- Zelizer 1992 – *Zelizer B.* Covering the Body: the Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

References

- Alker, H. (1996), “Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols”, Alker H.R. *Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies*, Cambridge, Cambridge University Press, USA.
- Bruner, J. (1991), “The Narrativ Construction of Reality”, *Critical Inquiry*, pp. 2-21.
- Burke, K. (2018), *A Grammar of Motives*, SF, University of California Press.
- Confino, A. (1997), “Collective Memory and Cultural history: Problems of Method”, *The American Historical Review*, Vol. 102(5), pp. 1386-1403.
- Dijk, T. van. (2009), *Yazyk, Poznanie. Kommunikatsia* [Language. Knowledge. Communication], BGK im. I.A. Boduen du Kurtene, Blagoveshchensk, Russia.
- Emelyanova, T. and Timofeeva, A. (2009), “The experience of using expressive drawing in the Czech collective memory research”, *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Human psychology in contemporary world], vol. 5: Personality and group in the conditions of social change. Proceedings of the all-Russian jubilee scientific conference on the 120th anniversary of S.L. Rubinstein’s birth, October 15-16, 2009), Zhuravlev A.(ed.), Institut politologii RAN, Moscow, Russia, pp. 244-246.
- Erll, A. (2011), *Memory in Culture*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Gergen, K. (2018), *Narrative, moral identity and historical consciousness. A Social constructionist account*, available at: www.swarthmore.edu/SocSci/kgergen/text3/html (Accessed 03 April 2018).
- Griffin, L. (1993), “Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology”, *The American Journal of Sociology*, no 98(5), pp. 1094-1133.
- Gubin, V. (2019), “History and social memory, Moscow, RAS, 2018”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 277-285.
- Ivanova, N. (2013), “The application of the free associations method in empirical Sociological research”, *Vestnik SPBGU*, no.3, pp. 116-122.
- Kansteiner, W. (2014), “The search for meaning in memories. Methodological critique of collective memory research”, *Uroki istorii XX vek*, available at: <https://urokiistorii.ru/article/52227> (Accessed 18 November 2018).
- Kasamara, V. and Sorokina, A. (2014), “The image of USSR in modern Russia in the perceptions of the student youth”, *Obsestvennie nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 1, pp. 107-118.

- Keightley, E. (2010), "Remembering research: memory and methodology in the social sciences", *International Journal of Social Research Methodology*, no 13(1). pp. 55-70.
- King, N. (2000), *Memory, Narrative, Identity*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Labov, W. (1997), "Some further steps in narrative analysis", *Journal of Narrative & Life History*, no 7 (1-4), pp. 395-415.
- Novick, P. (1999), *That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Olick, J. (2012), Memory configurations. Process-relationist methodology on the example of Germany", tr. from English by D. Khlevnyuk, *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no 1, pp. 40-74.
- Ricoeur, P. (2004), *Memory, History, Forgetting*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Rosenwald, G. and Ochberg, R. (1992), *Storied Lives: The Cultural Politics of Self-understanding*, Yale University Press, Cambridge, UK.
- Terekhova, T. (2015), "Narrative analysis as an understanding method", *Gumanitarniy vector*, no. 1 (41), pp. 143-152.
- Turner, R. (1992), "Sravnitelny kontent-analiz biografii" [Comparative content-analysis of biographies], *Voprosysotsiologii*, no. 2, pp. 121-123.
- Vasil'ev, A. (2015), "Cultural memory/forgetting and national identity. Theoretical foundations for analysis", Kochelyaeva, N. (ed.) *Kulturnaya pamyat v kontekste formirovaniya natsionalnoi identichnosti v Rossii v XXI veke* [Cultural memory in the context of the national identity formation in Russia in 21st century], Sovpadenie, Moscow, Russia, pp. 29-58.
- Wang, Q., Song, Q., Kim Koh, J. (2017), "Culture, Memory, and Narrative Self-Making", *Imagination, Cognition and Personality*, vol. 37 (2), pp. 199-223.
- Wertsch, J. (2008), "Collective Memory and Narrative Templates", *Social Research*, no 75 (1), pp. 133-156.
- Yarskaya-Smirnova, E. (1997), "Narrativniy analiz v sotsiologii" [Narrative analysis in Sociology], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 38-61.
- Zelizer, B. (1992), *Covering the Body: the Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Zubanova, L. (2008), "Contemporary media space. Research approaches and interpretation principles", *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, no. 2 (14), pp. 6-17.

Информация об авторе

Александра А. Нечаева, соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; a.nechaeva@spbu.ru

Information about the author

Aleksandra A. Nechaeva, applicant, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; a.nechaeva@spbu.ru

Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание

Андрей А. Хохлов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, hohlov@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения конспирологических представлений в социальных сетях и в СМИ в связи с эпидемией COVID-19 в Российской Федерации. Дается краткий обзор наиболее известных научных подходов к исследованию неконвенциональных концепций и различных «теорий заговора». Особое внимание обращается на связь теорий заговора с постмодернистскими идеями и критическим отношением к любой официальной информации из авторитетных источников. Подчеркивается, что равенство высказываний, на котором настаивали сторонники постмодернизма, ведет к увеличению информационного шума и размыванию границ между фактом и вымыслом. Современная конспирология – это реакция аудитории на алармизм в публикациях официальных СМИ. Отмечается рост подобных представлений в условиях кризисов, катастроф и эпидемий. Предпринята попытка выявить типичные конспирологические версии причин эпидемии коронавируса в российском сегменте социальной сети Фейсбук. В статье факт роста популярности «альтернативных теорий» исследуется в контексте социальных страхов россиян, в связи с углублением экономического кризиса и перспективой потерять работу. Рост конспирологических идей анализируется в связи с феноменом медиавоздействия на общественное сознание. Функции современных медиа определяются постепенным замещением социальной реальности медиарельностью, которая тиражирует симулякры, а не занимается только информированием. В статье констатируется достаточно сильное влияние материалов средств массовой информации на потребителей новостного контента, что является одной из причин распространения теорий заговора в различных группах и сообществах медиапользователей.

Ключевые слова: неконвенциональные концепции, конспирология, инфотейнмент и сайентеймент, медиавоздействие, эффекты медиавоздействия, моральная паника, виртуализация, симулякр.

Для цитирования: Хохлов А.А. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 94–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-94-102

Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness

Andrei A. Khokhlov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, hohlov@rggu

Abstract. The article deals with the issue of spreading conspiratorial ideas in social networks and in the media, in connection with the COVID19 epidemic in the Russian Federation. A brief overview of the most well-known scientific approaches to the study of non-conventional concepts and various “conspiracy theories” is given. Special attention is paid to the connection of the conspiracy theories with postmodern ideas and a critical attitude to any official information from authoritative sources. It is emphasized that the equality of statements, that was insisted on by the supporters of postmodernism, leads to an increase in information noise and blurring the boundaries between fact and fiction. Modern conspiracy theory is the audience’s reaction to alarmism in official media publications. The author denotes an increase in such perceptions in the context of the crises, catastrophes and epidemics. An attempt is made to identify typical conspiracy versions for the causes of the coronavirus epidemic in the Russian segment of the social network Facebook. The article examines the fact of the growing popularity of “alternative theories” in the context of social fears of Russians, in connection with the deepening economic crisis and the prospect of losing their jobs. The growth of conspiracy ideas is analyzed in connection with the phenomenon of media influence on public consciousness. The functions of modern media are determined by the gradual replacement of the social reality of media with a reality that replicates simulacra, and is not only engaged in informing. The article states that the influence of media materials on consumers of the news content is quite strong, which is one of the reasons for the spread of conspiracy theories in various groups and communities of media users.

Keywords: unconventional concepts, conspiracy theory, infotainment and scientainment, media impact, media impact effects, moral panic, virtualization, simulacru.

For citation: Khokhlov, A.A. (2020), “Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 94-102, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-94-102

Введение

Неконвенциональные методы объяснения реальности имеют ряд общих для всех теорий заговора особенностей. Прежде всего это следование бинарным оппозициям: «свой» – «чужой», «враг» – «жертва», усложненные объяснительные конструкции и обязательное наличие тайны в сюжете.

Некоторые авторы отмечают в конспирологических теориях следы апокалиптического мышления. Так, авторитетный исследователь теорий заговора Майкл Баркан пишет об «импровизационном миллениализме», определяя его как разновидность современной эсхатологии [Шнирельман 2016, с. 195].

Возможные причины устойчивости неконвенциональных представлений

Социолог Люк Болтански [Болтански, Хорхордин 2020, с. 76] выделяет следующие возможные причины популярности неконвенциональных теорий в различных сегментах общества:

Во-первых, это протест обычных граждан против институционального господства элиты, включая ученых и публичных интеллектуалов.

Во-вторых, люди привыкли к информации, содержащей недосказанность, отсылки к псевдонаучным источникам, к пропагандистским и рекламным сюжетам, искажающим реальные факты.

В-третьих, логика развития медиаиндустрии привела к широкому распространению качественно новых информационно-коммуникационных технологий, таких как инфотеймент и мокьюментари сюжеты.

Продолжая мысль Болтански, можно предположить, что конструирование реальности, которой занимаются современные медиа, в сознании потребителей контента ассоциируется с сознательным обманом, скрывающим настоящую реальность, что порождает моральную панику.

Моральная паника рассматривается как одна из форм массовых аффективных реакций, «объединенных общим или сходным проблематизируемым условием, как угрозой разрушения устойчивой системы нравственных норм и ценностей» [Ефанов 2017, с. 131].

О возрастающем воздействии медиа на общественную жизнь и формировании особой медиареальности, в которой протекает социализация индивида, писал еще Н. Луман [Луман 2005]. В определенном смысле можно утверждать, что «объективная реальность» сегодня в значительной степени замещается медиареальностью.

Конспирологические версии COVID-19 в СМИ

В социальных сетях в Российской Федерации нагнетание тревоги началось в феврале-марте текущего года. При этом в распространении тревожных сведений участвуют граждане с медицинским образованием.

«Что будет дальше – пока неясно, ситуация меняется очень быстро. Но, кажется, ничего хорошего ждать не стоит»¹. По данным социологических служб, эпидемия коронавируса входит в ТОП-5 проблем, беспокоящих сейчас россиян².

Проведенный нами контент-анализ сообщений об эпидемии в русском сегменте социальной сети «Фейсбук» за период 16 марта – 16 апреля 2020 г. (выборка – 237 постов) позволяет сделать предварительный вывод о том, что отрицание эпидемии и другие конспирологические версии, связанные с COVID-19, источником своего происхождения имеют российские СМИ.

Самыми распространенными конспирологическими сюжетами в социальной сети Фейсбук за исследуемый период можно назвать следующие версии:

- коронавирус объясняется неудачными испытаниями биологического оружия в Китае: 16 упоминаний из 237 сообщений в русскоязычном сегменте ФБ;
- эпидемия – часть неконвенциональной войны США против Китая: 32 упоминания;
- коронавирус – это обман, в действительности его нет; власти нам врут: 24 поста;
- власти РФ выдают обычную сезонную эпидемию ОРВИ за опасный коронавирус, чтобы ограничить наши права: 19 сообщений;
- вспышка заболевания была вызвана мигрантами, и сейчас мигранты распространяют вирус на территории ЕС, а россияне, которые заразились в Европе, развозят инфекцию по регионам РФ: 23 упоминания;
- данный вид вируса разработан в секретных лабораториях США по заказу «глубинного государства», и его испытывают на жителях разных стран: 11 сообщений;
- эпидемия является следствием вакцинации; нужно искать «народные рецепты» против инфекции: 20 постов;
- нынешняя эпидемия – это начало Божьего наказания за грехи человеческие: 8 упоминаний.

Следует заметить, что альтернативные версии о происхождении COVID-19 являются глобальным трендом в медийной мировой повестке.

¹ Якутенко И. Весь мир в ситуации цугцванга? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/581494799/posts/10158016486349800/?d=n> (дата обращения 22 марта 2020).

² GfK: Бремя самоизоляции. Москва, 16.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/bremja-samoizoljicii/> (дата обращения 10 марта 2020).

Как только Дональд Трамп назвал вирус «китайским», сразу же представитель МИД КНР заявил, что COVID-19 похож на биологическое оружие направленного действия, которое используют враги Китая³. Сходные слухи – только с намеками на других «злодеев» – появились и в российских СМИ.

Фармакологический сюжет явно в аутсайдерах – всего 10 сообщений⁴.

Несмотря на тот факт, что о расшифровке генома COVID-19 неоднократно сообщалось в мировых СМИ, конспирологические версии происхождения вируса продолжают транслироваться достаточно авторитетными людьми⁵.

Руководственный характер коронавируса обсуждается и в сетевых российских изданиях⁶, и в федеральных СМИ⁷.

Версия представителя военного ведомства одной из исламских стран о том, что нынешний вирус – это оружие, мгновенно превратилась в «бродачий конспирологический сюжет»⁸.

Теории заговора в их классическом виде сегодня активно используются в информационных войнах как эффективный политический инструмент.

Аудиторию практически подталкивают к конспирологическим объяснениям неясной ситуации с эпидемией, высказывая предпо-

³ ВВС: Китай начал пропагандировать версию о том, что коронавирус создали США. Это похоже на фейк. 16.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51882337> (дата обращения 20 марта 2020).

⁴ Рувинский В. Коронавирусная теория заговора, Ведомости от 19.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/20/825733-koronavirusnaya-teoriya> (дата обращения 20 марта 2020).

⁵ Картина мира с Михаилом Ковальчуком. ТК «Культура» [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63741/episode_id/2252057/video_id/2280778/ (дата обращения 25 апреля 2020).

⁶ ИА «Реалист»: Коронавирус изготовили в лаборатории – бывший агент ЦРУ [Электронный ресурс]. URL: <http://realtribune.ru/news/news/3791>. 21.04.2020. 19:12 (дата обращения 25 апреля 2020).

⁷ Патищева Ю. Коронавирус: биологическая война США против России и Китая. Красная Звезда. 29.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/t/20201291341-AfM0x.html> (дата обращения 20 марта 2020).

⁸ Coronavirus may be US 'biological attack': IRGC head Hossein Salami. Yaghoub Fazeli, Al Arabiya English. Thursday 05 March 2020. 16.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2020/03/05/Coronavirus-may-be-US-biological-attack-IRGC-head.html> (дата обращения 20 марта 2020).

ложение о том, что китайцы скрывают информацию о количестве жертв инфекции⁹ или о причастности России к тиражированию фейков о вирусе¹⁰.

Роль СМИ в конструировании медиареальности

В определенной степени проблемы эпидемии, транслируемые СМИ, имеют все черты виртуальности. В ряду отличительных особенностей виртуальности отмечаются три ее основных свойства: нематериальность воздействия, условность параметров и эфемерность [Бергер, Лукман 1995]. Виртуализацию реальности можно понимать как целенаправленное масштабирование иллюзий.

Иллюзии, будучи триггером коллективных представлений, способствуют формированию особой логики отношения к фактам и событиям. Так, еще Г. Лебон писал о галлюцинирующих толпах, сознание которых стирает несоответствия и дополняет реальность вымыслом [Лебон 1998, с. 22]. В случае с эпидемией COVID-19 на коллективное сознание оказывается стимулирующее медиавоздействие.

Российский социолог Жан Тощенко разработал концепт «кентавризма» для анализа парадоксальности в развитии российского общества [Тощенко 2011, с. 208]. Симуляционные конструкты реальности, транслируемые отечественными медиа, являются в какой-то степени подобными «кентаврами» на информационном пространстве.

Эффекты и эффективность медиавоздействия

Эффективность медиавоздействия обусловлена различными факторами, среди которых следует выделить: степень восприимчивости аудитории к медиасообщениям, уровень эрудированности, внимательность и готовность потреблять новостной контент [Брайант, Томпсон 2004].

В научной литературе традиционно отмечают кратковременные и долговременные эффекты. Однако нет достаточных основа-

⁹ Китай победил коронавирус? Что не так в официальных заявлениях Пекина. BBC. 08.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51374460> (дата обращения 20 марта 2020).

¹⁰ Брод У. Долгая война Путина против американской науки. NYT 16/04/2020/ Цит.: Инопресса. 21.04.2020 URL: <https://www.inopressa.ru/article/14apr2020/nytimes/science.html> (дата обращения 20 марта 2020).

ний полагать, что индивиды продолжают верить в симулякр и после того, как медиавоздействие заканчивается.

После распада СССР полностью изменились форматы и идеология медиаконтента. Появилась концепция инфотеймента – развлекающая, сообщающая. Эта концепция исходит из гипотезы о том, что аудитория СМИ легче усваивает информацию, если медиасообщение подается в игровой, развлекательной форме. Сюда же можно отнести и практику сайентеймента и различных инсценировок, например фильмы: «Первые на Луне» или «Плесень и гены против нас».

Вполне вероятно, что к этому перечню особенностей современного телевидения можно добавить и привычку зрителей стараться в любом важном сообщении искать скрытые подтексты, «второе дно». Эта привычка осталась у людей от советских времен, когда скрытая ирония и смыслы, «зашифрованные» в подтекст сюжета, позволяли аудитории выявлять факты в море откровенной дезинформации. Вот эта старая традиция отличать «реальность» от «действительности» в условиях информационного шума способствует формированию у граждан альтернативных концепций причин эпидемии.

Сама суть деятельности СМИ, как считал Н. Луман, «состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений, а не в умножении познания, социализации или прививании нормативного конформизма» [Луман 2005, с. 152]. Налицо сознательная попытка конструирования моральной паники. Следует заметить, что подобные медийные технологии применялись и в других обстоятельствах, например при освещении проблемы ВИЧ в Российской Федерации [Ефанов 2017, с. 131].

Массированное воздействие медиаконтента на психику способствует искажению оптики и препятствует адекватному восприятию информации о коронавирусной эпидемии в различных аудиториях. В результате граждане начинают воспринимать поступающие из медиаисточников медицинские, экономические и социально-политические новости в конспирологическом ключе.

Заключение

Проведенный анализ медиасообщений и постов пользователей Фейсбук о COVID-19 позволяет сделать вывод о том, что главными источниками конспирологических версий, имеющих отношение к нынешней мировой эпидемии, являются СМИ и многочисленные публичные фигуры, распространяющие собственные мнения алармистского характера.

Активное использование медиаресурсов в манипулятивных целях создает условия для массового отрицания рациональных подходов к решению социальных проблем. А отрицание, в свою очередь, открывает путь к бурному «цветению» всевозможных теорий заговора.

Литература

- Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 334 с.
- Брайант, Томпсон 2004 – *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. М.; СПб.; Киев: Вильямс, 2004.
- Болтански, Хархордин 2020 – *Болтански Л., Хархордин О.* Задача политики выразить словами то, что в жизненном опыте ускользнуло от сконструированной реальности: Интервью с Люком Болтански // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1. С. 74–84.
- Ефанов 2017 – *Ефанов А.А.* Эпидемия ВИЧ: Социальная проблема или новая моральная паника? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 37. С. 130–138.
- Лебон 1998 – *Лебон Г.* Психология масс // Психология масс: Хрестоматия / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 1998.
- Луман 2005 – *Луман Н.* Реальность массмедиа: Пер. с нем. М.: Практикс, 2005. 256 с.
- Тощенко 2011 – *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011. 552 с.
- Шнирельман 2016 – *Шнирельман В.* Александр Дугин: возведение моста между эсхатологией и конспирологией // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 194–221.

References

- Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *Socialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po soziologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge], Medium, Moscow, Russia.
- Boltanski, L. and Kharkhordin, O. (2020), "The task of politics is to put into words what has escaped the constructed reality in life experience. Interview with Luke Boltanski", *Sociologicheskoye obozreniye*, vol. 19, no. 1, pp. 74–84.
- Bryant, D. and Thompson, S. (2004), *Osnovy vozdeistviya SMI* [Fundamentals of Media Effects], Veterburg, Kiev, Russia, Ukrain.
- Efanov, A.A. (2017), "AIDS: epidemic. A social issue or a new moral panic?", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 37, pp. 130-138.
- Le Bon, G. (1998), "Mass psychology", *Psicologiya mass: Khrestomatiya* [Mass psychology, Reader], D.Ya. Raigorodsky (ed.), Samara, Russia.
- Luhmann, N. (2005), *Realnost' massmedia* [Die Realitet der Massenmedien], transl. from German, Praxis, Moscow, Russia.

- Toshchenko, Zh.T. (2011), *Kentavr-problema. Opyt filosofskogo y sociologicheskogo analiza* [The centaur problem. Experience in philosophical and sociological analysis], Novy chronograph, Moscow, Russia.
- Shnirelman, V.A. (2016) "Alexander Dugin. Building a bridge between the eschatology and conspiracy theory", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 4, pp. 194-221.

Информация об авторе

Андрей А. Хохлов, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия Москва, Миусская пл., д. 6; hohlov@rggu.ru

Information about the author

Andrei A. Khokhlov, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; hohlov@rggu.ru

Сельская медицина: состояние и проблемы

Юлия М. Беглякова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, yu.begliakova@yandex.ru*

Александр С. Щирский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, foreco3401@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется уровень доступности медицинских учреждений в сельской местности современной России, особенности их организации и развития. Выявляются причины, почему жители сельской местности имеют гораздо меньше возможностей обращаться за качественной медицинской помощью, чем жители городов, что ведет к возникновению неравенства между жителями города и села. Обосновывается тезис, что государственные программы, которые должны обеспечивать доступность медицинских услуг для сельского населения, в большей степени не справляются с поставленной задачей. Предпринята попытка обозначить реакцию общества на существующее неравенство в отношении медицинских услуг сельчан по сравнению с городскими жителями. Такой реакцией можно считать отток населения из сельской местности, а также возрастание уровня самолечения среди жителей сельской местности как следствие затруднительного получения медицинских услуг. Уменьшение количества лечебных пунктов в сельской местности приводит к ухудшению положения медицины в сельской местности. Это, по мнению авторов статьи, обосновывает необходимость изучения проблем, связанных с оказанием медицинской помощи сельскому населению.

Ключевые слова: сельское здравоохранение, доступность медицинской помощи, организация медицинской помощи

Для цитирования: Беглякова Ю.М., Щирский А.С. Сельская медицина: состояние и проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 103–110. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-103-110

Rural medicine. Condition and issues

Yuliya M. Beglyakova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, yu.begliakova@yandex.ru

Aleksander S. Shchirskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, foreco3401@yandex.ru

Abstract. The article analyses the accessibility of medical facilities in rural areas of modern Russia and the specifics of their organization and development. The authors reveal causes why rural residents have much less opportunities to seek quality medical care than urban ones, what leads to a disparity between the inhabitants of the city and the village. The thesis is substantiated that state programmes that should make health services accessible to the rural population to a greater extent do not cope with the task at hand. An attempt is made to highlight the public's response to the existing disparity in the health services of the villagers compared to urban dwellers. Such a reaction can be considered an outflow of people from rural areas, and an increase in self-medication among rural people as a result of the difficulty in obtaining health services. The decrease in the number of treatment facilities in rural areas leads to a deterioration in the medicine situation in rural areas. That, according to the authors of the article, justifies the need to study the issues associated with the provision of medical care to the rural population.

Keywords: rural health care, accessibility of medical care, organization of medical care

For citation: Beglyakova, Yu.M. and Shchirskii, A.S. (2020), "Rural medicine. Condition and issues", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 103-110, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-103-110

Введение

Сохранение и укрепление здоровья, формирование здорового образа жизни населения, обеспечение доступности и качества медицинской помощи – основные приоритеты государственной политики в здравоохранении в современной России. Тем не менее все еще остаются группы населения, которые по ряду объективных причин не могут на данный момент считаться равными в вопросах охраны здоровья. К данной категории относятся жители сельской местности.

На качество здоровья влияет невероятное множество различных факторов. По данным ВОЗ, здоровье лишь на 10–15% связано с деятельностью органов здравоохранения, на 15–20% обусловлено

генетическими факторами, на 25% его определяют экологические условия и на 50–55% – условия и образ жизни человека¹. Очевидно, что сохранение и формирование здоровья зависит только от самого человека и его образа жизни.

Для сельского населения вопрос охраны здоровья является более острым, чем для городского, что может быть обусловлено, с одной стороны, непростыми условиями жизни сельчан, а с другой – несовершенством государственной социальной политики и низким качеством медицинского обслуживания на селе.

В связи с этим особо интересными видятся исследования, которые позволяют дополнить и углубить изучение проблемы доступности медицинской помощи на селе, обеспечения лекарствами и медикаментами сельчан, особенно находящихся в трудной жизненной ситуации и постоянно испытывающих трудности с удовлетворением базовых потребностей.

Проблема доступности медицинских учреждений в сельской местности

Определим факторы, которые оказывают непосредственное влияние на доступность медицины для жителей сельской местности и какой из них является наиболее значимым.

Для определения состояния здравоохранения наиболее важно учитывать следующее: 1) доступность медицинских учреждений, в которых жители могут получать соответствующие услуги; 2) качество предоставляемых услуг; 3) степень государственного и/или коммерческого финансирования медицинских учреждений; 4) степень квалифицированности медицинского и санитарного персонала; 5) разница между доходами населения и ценовой политикой коммерческих медицинских учреждений и фармацевтических компаний.

На наш взгляд, перечисленные выше показатели являются наиболее значимыми при изучении доступности медицинской помощи. Значимость именно этих составляющих выражается непосредственно в возможности пользоваться услугами, которые помогают решать проблемы, связанные со здоровьем. Именно доступность медицинских учреждений мы считаем первостепенным и наиболее значимым при оценке состояния здравоохранения на селе.

¹ Цит. по: Белова Н.И. Формирование здорового образа жизни населения в рамках института здравоохранения: состояния, противоречия, проблемы // Вестник РГГУ. Серия: «Социологические науки». 2013. № 2 (103). С. 80.

Прежде всего отметим, что степень развития сети медицинских учреждений напрямую влияет на доступность медицинских услуг, и не только потому, что без данных учреждений никакие медицинские услуги невозможны, но и потому, что подобная грамотно налаженная сеть медицинских организаций способствует улучшению демографических показателей как в сельской, так и в городской местности.

Вопреки тому, что в последние годы здравоохранение в России претерпевает довольно серьезные преобразования, нацеленные на повышение эффективности лечения и профилактики заболеваний, жители сельской местности все равно остаются дискриминированными в вопросе доступности медицинской помощи. Даже государственная программа «Земский доктор» не справляется: в сельской местности показатели по обеспеченности жителей врачами и средним медперсоналом в 2017 г. были почти на 40% ниже, чем в общем по стране [Фадеева 2018].

В нашей стране проходит ряд реформ в сфере здравоохранения, которые нацелены на смещение приоритета со стационарной помощи на амбулаторную. Для жителей сельской местности это означает, что базовая медицинская помощь должна оказываться в фельдшерско-амбулаторных пунктах (ФАП) и/или в участковых больницах. Другими словами, медучреждения должны находиться максимально близко к месту проживания. Однако более квалифицированная и высокотехнологичная помощь оказывается жителям сел в областных и федеральных медцентрах.

Такое положение современной медицины в России в очередной раз подтверждает значимость проблемы доступности медицинских учреждений, поскольку именно их удаленность, их количество, а также качество предоставляемых ими услуг напрямую влияет на положение здравоохранения в сельской местности и здоровье населения в целом.

Динамика организации и развития медицинских учреждений в сельской местности России

Для более детального рассмотрения доступности сельских медицинских учреждений охарактеризуем современное положение сельской медицины и динамику ее развития.

Согласно данным Счетной палаты РФ², в период с 1991 по 2014 г. число ФАП и врачебных амбулаторий на селе сократилось

² Бюллетень счетной палаты РФ. Здравоохранение. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/MM3SA> (дата обращения 02 марта 2020).

почти на 16 тыс. В период поэтапного восстановления сельской медицины в 2014–2018 гг. было введено в эксплуатацию более 2,4 тыс. новых медицинских объектов, а количество поликлинических отделений районных и центральных районных больниц увеличилось на 26% – до 11,5 тыс. Так, по итогам 2018 г. из 47,5 тыс. населенных пунктов, требующих наличия ФАП, осталось обеспечить 499.

Эти данные расходятся с данными Федеральной службы государственной статистики. По данным Росстата, число больничных организаций в период с 2015 по 2018 г. медленно, но постоянно сокращается, в том числе и по причине проводимой «оптимизации» сельского здравоохранения. Согласно этим данным, число больничных организаций в сельской местности сократилось практически втрое с 2005 по 2018 г., а число участковых больниц, в которых и должны в первую очередь предоставляться услуги медицинской помощи, сократилось с 382 до 42 тыс. за период с 2010 по 2018 г.

Можно сделать вывод, что большинство медицинских организаций в сельской местности – это некоммерческие медицинские учреждения, что также указывает на неоспоримую значимость государственного обеспечения медицинских услуг на селе.

Кроме того, отсутствие ФАПов, уменьшение участковых больниц и поликлиник влечет за собой еще один значимый вид неравенства – отсутствие возможности приобретения лекарственных средств. Ранее в данных медорганизациях сельчанам не только предоставлялась помощь, но и обеспечивалось снабжение необходимыми медицинскими средствами. Но в настоящее время многие малочисленные и отдаленные населенные пункты не имеют ни одной аптечной организации, а проблема обеспечения деревенских и сельских жителей лекарствами остается одной из самых острых [Тощенко 2016, с. 193]. Более того, вопреки нескрываемому недовольству и сопротивлению населения, во многих селах и деревнях были упразднены стационары и амбулатории. За последние 25 лет число больничных организаций на селе сократилось в 5 раз, а коечный фонд – вдвое [Белова 2017].

В результате проводимой «оптимизации» жители сельской местности имеют гораздо меньше возможностей получить качественное медицинское обслуживание, чем жители городов, не говоря уже о высокотехнологичной помощи, за которой сельчанам приходится обращаться в крупные городские медучреждения, нередко в условиях большой территориальной недоступности. Во многом это можно объяснить неразвитостью дорожно-транспортной инфраструктуры – у людей попросту нет возможности добраться до медпункта.

Социальная реакция

Дополним картину анализом общественного мнения жителей России и непосредственно села на вопросы медицины и здравоохранения.

Результаты опроса «Сельская жизнь» 2016 г. [Тощенко 2016, с. 314], согласно которым 45,8% жителей села выезжают в город с целью посещения медицинских учреждений, лишний раз подтверждают, что проблема доступности медицинской помощи на селе не только не теряет, но и возрастает по своей актуальности с течением времени.

По данным этого же опроса на вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?» больше половины опрошенных (52%) указали на наличие «обычных» заболеваний (грипп, простуда, зубы и т. д.) и более четверти опрошенных (26,7%) указали на наличие хронических заболеваний. Лишь 15,9% опрошенных считают себя полностью здоровыми. Это также свидетельствует об обостренности проблемы доступности медицины в сельской местности.

Как это свойственно любой социальной группе, в определенных условиях люди учатся подстраиваться под существующие условия реальности. Подобные проблемы активно освещаются в СМИ.

Исследователи Центра политики здравоохранения Высшей школы экономики пришли к выводу, что из-за частого отсутствия доступа к услугам медицинской помощи многие люди в сельской местности занимаются самолечением вместо того, чтобы обращаться за медицинской помощью. По мнению исследователей, жители сельской местности в России вынуждены заниматься самолечением чаще, чем городские жители. В деревнях и селах не хватает врачей, машин скорой помощи и медикаментов³. Так, по итогам 2017 г. 68,4% сельских жителей прибегали к самолечению. В то же время сельские жители, получившие стационарное лечение, зачастую сами оплачивают необходимые медикаменты, шприцы и бинты. Каждый месяц 40,4% сельских жителей покупают лекарства и перевязочные материалы для лечения на дому, и потребность в них быстро возрастает с возрастом – с 17,2% среди 14–29-летних до 67,3% среди 60-летних и старше.

Эти и многие другие данные и показатели указывают на то, что наблюдается определенная негативная реакция на положение дел, связанных с сельской медициной. Эта реакция вызвана в основном

³ Сельская медицина отличилась самостоятельностью // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3799504> (дата обращения 02 марта 2020).

неудовлетворительным состоянием здравоохранения на селе и является скорее попыткой приспособиться под существующие тяжелые условия жизни и неравенства.

Заключение

Анализ доступности медицинских услуг на селе показывает, что ее уровень зависит от многих факторов. Наиболее значимой составляющей данной проблемы является сеть медицинских учреждений и их кадровое обеспечение.

Тенденция сокращения больниц и амбулаторно-поликлинических организаций на селе, к сожалению, не идет на спад. Безусловно, это способствует усугублению и так тяжелого положения сельских жителей. Повышение доступности и улучшение качества медицинских услуг являются важнейшими факторами, влияющими на продолжительность жизни сельского населения (как и, впрочем, городского), а кроме того, они являются первостепенным условием обеспечения принципа социального равенства при реализации права каждого гражданина на жизнь и охрану здоровья.

Литература

- Белова 2017 – *Белова Н.И.* Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 97–105.
- Тощенко 2016 – Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
- Фадеева, 2018 – *Фадеева Е.В.* Оптимизация здравоохранения и пенсионная реформа как факторы вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 107–117.

References

- Belova, N.I. (2017), "Healthcare in rural areas. Condition, tendencies and challenges", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 97-105.
- Fadeeva, E.V. (2018), "Health care optimization and pension reform as factors of displacement of medical intelligentsia from the public health sector", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4 (14), pp. 107-117
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2016), *Smysly selskoi zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Meanings of rural life (Experience of sociological analysis)], Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Юлия М. Беглякова, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yu.begliakova@yandex.ru

Александр С. Щирский, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; foreco3401@yandex.ru

Information about the authors

Yuliya M. Beglyakova, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; yu.begliakova@yandex.ru

Aleksander S. Shchirskii, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; foreco3401@yandex.ru

УДК 72.07

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-111-137

«Английское» в творчестве И.В. Жолтовского: Дом скакового общества

Илья Е. Печёнкин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, pech_archistory@mail.ru*

Аннотация. Имя И.В. Жолтовского, как и его архитектура, всецело ассоциируется с итальянскими влияниями. Между тем к началу XX в. Италия вовсе не была наиболее значительной страной палладианства: значительно больше это направление было разработано в Англии. В Лондоне в 1902 г. вышла и первая научная монография о Палладио. Изучив биографические документы Жолтовского, можно заключить, что «английская тема» была в его жизни не менее значима, чем «итальянская». Причем привязанность эта не ограничивалась сферой политических или культурных предпочтений, а напрямую сказывалась и в профессиональной деятельности архитектора. На примере его первой самостоятельной постройки – дома Скакового общества в Москве – можно проследить, как складывалось творческое кредо Жолтовского-неоклассика; как от подражания британскому викторианскому стилю он через изучение английских же архитектурных увражей пришел к собственной версии неоклассицизма, далекой от патриотично-ностальгических мотивов, характерных для предреволюционных десятилетий русской архитектуры.

Ключевые слова: архитектура XX века, И.В. Жолтовский, источники стиля, английские влияния, викторианская архитектура, неоклассицизм, палладианство, архитектурные увражи, Р. Адам, Р. Вуд, И. Джонс, Дж. Соун

Для цитирования: Печёнкин И.Е. «Английское» в творчестве И.В. Жолтовского: Дом скакового общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 111–137. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-111-137

“The Englishness” in I.V. Zholtovsky’s architecture. Horseracing society house

Il’ya E. Pechenkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pech_archistory@mail.ru

Abstract. I.V. Zholtovsky’s name as well as his architecture are imagined as fully associated with Italian influences. Meanwhile, by the beginning of the 20th century, Italy was by no means the most significant country of palladianism: this stylistic movement had been developed much more in England, in addition the first monograph on Palladio was published in London (1902). Having studied the biographical documents of Zholtovsky, one can conclude that the “English theme” in his life was no less significant than the “Italian”. Moreover, this relation was not limited to the sphere of political or cultural preferences, but strongly affected the architect professional activities. By the example of Zholtovsky’s first independent work, the Horseracing Society house in Moscow, one can trace how the creative credo of Zholtovsky-neoclassicism was formed; how from imitation of the British Victorian style, through the study of English architectural books, he came to his own version of neoclassic style (that was so far from the patriotic-nostalgic features of the pre-revolutionary decades of Russian architecture).

Keywords: 20th century architecture, Ivan Zholtovsky, style sources, English influences, Victorian style architecture, neoclassicism, Palladianism, architectural treatises, Robert Adam, Robert Wood, Inigo Jones, John Soane

For citation: Pechenkin, I.E. (2020), “‘The Englishness’ in I.V. Zholtovsky’s architecture. Horseracing society house”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 111-137, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-111-137

Едва ли ошибемся, сказав, что имя Ивана Владиславовича Жолтовского прочно ассоциируется с темой итальянских влияний и отражений в отечественной культуре. Репутация италофила сложилась у него еще в дореволюционные годы, когда в определенном кругу архитектора именовали не иначе как «русский Palladio». Впоследствии эта ассоциация только упрочилась ввиду очевидности стилистической ориентации проектов Жолтовского, подчас весьма близко к оригиналу «цитировавших» памятники итальянского Ренессанса; содержания и, пожалуй, самой формы его знаменитых «бесед» с молодыми коллегами; славы знатока и переводчика трактата Палладио. Несмотря на открытие новых обстоятельств истории с переводом «Четырех книг об архитектуре», позволяющих снять авторство Жолтовского [Печенкин, Шурыгина 2018], связь его творческого кредо с Италией и «итальянизмами» невозможно

оспорить. Увлечение Италией было в советских реалиях наиболее безобидной разновидностью западничества: так сложилось, что эту страну воспринимали в традиционно-академическом ракурсе, как художественную сокровищницу или гигантский музей. Провозглашенный в 1930-х гг. лозунг освоения классического наследия делал такой интерес к Италии даже необходимым. Жолтовскому, которого Л.М. Каганович как-то за глаза нарек «богатым антиквариумом»¹, эта слабость была особенно простительна. Предположим, однако, что круг источников вдохновения для Жолтовского не ограничивался впечатлениями от ставших притчей во языцех итальянских «паломничеств»².

«Англизированной типа мужчина»

Вопрос о знакомстве Жолтовского с архитектурой других стран и деятельном использовании им неитальянских образцов освещен в литературе довольно слабо. Речь, как правило, идет о случаях визуально определимого формального сходства произведений Жолтовского с зарубежными постройками. Так поступает, например, А.Д. Бархин, обнаруживая общие черты в доме на Моховой (1932–1934) и монументальном здании Муниципалитета в Чикаго (бюро «Холаберд и Рут», 1911) и выводя из них, что Жолтовский опирался не только на итальянскую традицию, но и на опыт США [Бархин 2015, с. 23; Бархин 2019, с. 106]. Думается, что подобные выводы, основанные только на внешних ассоциациях, требуют осторожности. Пока не обнаружено каких-либо документальных свидетельств не только о посещении Жолтовским Нового Света, но и о его сколько-нибудь заметном интересе к заокеанским архитектурным достижениям, которые были хорошо известны в России по материалам прессы.

Данные о заграничных путешествиях Жолтовского в литературе вообще противоречивы и расплывчаты. В. Хандрос в 1934 г. сообщал, что

¹ «Жолтовский – не вожак Советской архитектуры, не ее идейный вдохновитель. Он в большей своей доле в старине, не все новое видит, но он представляет из себя большой богатый антиквариум, с большими ценностями...» (Каганович Л.М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996. С. 530).

² Этот термин использовал, в частности, Г.К. Лукомский на страницах журнала «Аполлон», имея в виду прежде всего поездки в Виченцу: «Паломничество в город Палладио, начатое Жолтовским, не прошло даром для истории эволюции нового зодчества Петербурга» (Лукомский Г.К. Новый Петербург (мысли о современном строительстве) // Аполлон. 1913. № 2. С. 18).

...чуть ли не 30 раз побывал он (Жолтовский. – *И. П.*) за границей, лично участвовал в археологических раскопках, производил сотни и тысячи обмеров, на память знает все тончайшие особенности каждого сколько-нибудь замечательного сооружения классики и эпохи Возрождения [Хандрос 1934, с. 15].

Установилось обыкновение думать, что целью заграничных вояжей Жолтовского непременно являлась Италия. «Он был там (в Италии. – *И. П.*) 26 раз, – писали М.И. Астафьева-Другач и Ю.П. Волчок. – Прошел ее вдоль и поперек, и каждое путешествие запечатлевал в акварелях, зарисовках, кроках, которыми постоянно пользовался в работе» [Астафьева-Другач, Волчок 1988, с. 50]. К сожалению, авторы не снабдили это сообщение ссылкой на источник данных, но суждение о почти поселившемся в Италии академике архитектуры стало неотъемлемой частью биографической легенды. Архивные документы позволяют увидеть, что под ее покровом скрывалась более сложная география заграничных вояжей. В советский период Жолтовский неоднократно предоставлял сведения о своем пребывании за рубежом. В 1943 г. он сообщал, что посетил с научными целями все государства Европы, кроме Португалии³. В личном листке по учету кадров начала 1950-х годов, составленном для предоставления в Совет министров СССР в связи с назначением Жолтовскому персональной пенсии, говорится: «С 1889 по 1926 год за границей был 36 раз – объездил все страны Европы с целью изучения архитектуры»⁴.

В протоколе допроса А.Г. Габричевского от 25 февраля 1942 г. есть такие слова: «В области внешней политики Жолтовский находился под гипнозом фантастического представления о могуществе Англии»⁵. Из описи личной библиотеки Жолтовского, временно поступившей на хранение в ГАХН в период его заграничной командировки 1923–1926 годов, можно видеть, что среди книг архитектора имелась раритетная «История Англии» Д. Хьюма в десяти томах, освещающая события на Британских островах от завоевания их Юлием Цезарем до революции 1688 г.⁶ Архитектор М.О. Барщ вспоминал:

³ РГАЭ. Ф. 293. Оп. 2. Д. 19. Л. 19. Благодарю за представленные архивные сведения историка Ольгу Сергеевну Шурыгину.

⁴ Российский национальный музей музыки. Ф. 318. Ед. хр. 1034. Л. 5.

⁵ Александр Георгиевич Габричевский. Биография и культура: документы, письма, воспоминания: В 2 кн. / [сост. О.С. Северцева]. М.: РОССПЭН, 2011. С. 305.

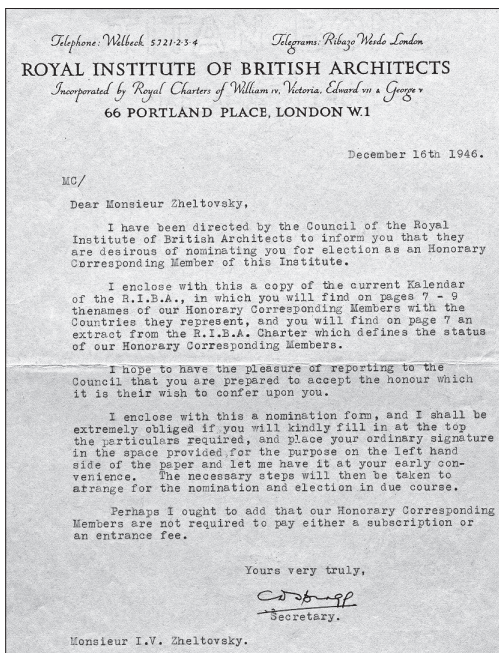
⁶ ГНИМА. ОФ 5485/43. Л. 3.

Впервые я увидел Жолтовского на каком-то из дискуссионных собраний в Доме ученых. Это было, вероятно, в 1920 г. Он стоял один незаметно за колоннами, высокий, элегантно одетый, несколько англоязырованного типа мужчина⁷.

По свидетельству В.Ф. Кринского, который работал под началом Жолтовского в архитектурном подотделе Наркомпроса, в 1918 г. Иван Владиславович не раз являлся на службу «в костюме для верховой езды», поскольку был страстным лошадиником⁸. Это не столь заурядное для архитектора 1910-х гг. хобби тоже можно отнести на счет его англomanии.

О том, насколько известным было имя Жолтовского в среде британских архитекторов до 1917 г., судить сложно. Зато в советский период, когда любые профессиональные контакты на международном уровне осуществлялись и контролировались централизованно через структуры ВОКС, произошло знаменательное событие: в октябре 1947 г. Жолтовский получил статус почетного члена-корреспондента (Honorary Corresponding Member) Королевского института британских архитекторов (RIBA)⁹ (рис. 1). Впро-

Рис. 1. Официальное письмо секретаря Королевского института британских архитекторов (RIBA) с предложением И.В. Жолтовскому стать членом-корреспондентом этого института. 16 декабря 1946 г. Источник: РГАЛИ

⁷ Барц М. Воспоминания // МАРХИ. XX век: Сборник воспоминаний в 5 томах / Авторы-сост. А. Некрасов, А. Щеглов. Т. 1. М.: Салон-Пресс, 2006. С. 111.

⁸ Хан-Магомедов С.О. Владимир Кринский. М.: Фонд «Русский авангард», 2008. С. 38.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2423. Л. 1, 2; RIBA, Honorary Corresponding Member Nomination Papers. С. 284. (Благодарю за содействие в поиске документов сотрудницу архива RIBA Лорен Элдертон.)

чем, в первую группу советских зодчих, принятых в RIBA десятью годами раньше, Жолтовский не вошел. Да и состоявшееся его избрание не было уникальным: одновременно с ним этой чести удостоились А.В. Щусев, Б.М. Иофан, В.А. Веснин и А.Г. Мордвинов [Грибович 2017, с. 9].

Викторианский след

Однако все перечисленные факты биографии имеют к архитектурному творчеству Жолтовского скорее косвенное отношение. В данной статье мы развиваем тему, вскользь затронутую в одной из предыдущих публикаций, в фокусе внимания которой находился вопрос атрибуции Жолтовскому архитектурной графики, ошибочно приписанной авторству других лиц или не имевшей связи с конкретными проектными работами зодчего. Нами было высказано предположение о том, что Жолтовский пользовался при составлении некоторых проектов английскими увражами и неопубликованной графикой Палладио из библиотеки RIBA [Печенкин, Шурыгина 2019a]. Несмотря на то что некоторые листы из этого собрания (в том числе неосуществленный вариант фасада виллы в Вигардоло), как удалось выяснить, были представлены в труде Ф. Бургера¹⁰, вопрос о связи Жолтовского с ведущей архитектурной институцией Великобритании не теряет актуальности. А свидетельств его профессионального интереса к английской архитектуре и британским архитектурным изданиям более чем достаточно.

В 1903 г. по проекту Жолтовского начинается возведение павильона Императорского московского Скакового общества, вошедшего в анналы отечественной архитектуры как чуть ли не первое здание начала XX в., стилистически апеллирующее к традициям русского классицизма [Рзянин 1947, с. 127; Хан-Магомедов 2010, с. 31]. О том, насколько корректна такая интерпретация неоклассики Жолтовского и генеалогии форм конкретного здания на Скаковой аллее, мы поговорим чуть ниже. Но осуществленной постройке предшествовал конкурсный проект, совершенно иной по стилю. В декабре 1902 г. издававшийся В.А. Гиляровским «Журнал спорта» извещал читателей:

¹⁰ Burger F. Die Villen des Andrea Palladio. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Renaissance-Architektur. Leipzig, 1909. Taf. 19.

С весны будет приступлено к постройке скакового павильона в Москве. Ассигнованная сумма на это дело 80 000 р[ублей] общим собранием уже утверждена. <...> Для павильона проекты изготавливаются гг. архитекторами: Жолтовским, Квашниным, Проскурниным, Бони и Эйхенвальдом¹¹.

Интересно отметить, что конкурс был объявлен после того, как члены Скакового общества оказались не удовлетворены эскизным проектом Г.А. Гельриха, систематически подвизавшегося на заказах коннозаводчиков и уже построившего в окрестностях ипподрома несколько конюшен и манежей¹².

В истории проектирования павильона много неясного. Помимо странной неудачи Гельриха, в числе загадок стоит назвать состав участников конкурса. Жолтовский не был одинок в роли дебютанта: Иван Иванович Бони (1877–?) еще не имел на руках свидетельства об окончании МУЖВЗ; Николай Александрович Эйхенвальд (1873–1934) едва его закончил; Николай Александрович Квашнин (1870–1926) был выпускником ВХУ ИАХ, но не имел в багаже самостоятельных построек, *помощничая* у старших коллег, как и Николай Михайлович Проскурнин (1863–1942). Можно сказать, что конкурс привлек именно начинающих архитекторов, еще не заслуживших себе имени и профессиональной репутации. Неизвестно и общее число проектов, поскольку кажущаяся очевидной мысль о том, что каждый из участников выступил с единственным конкурсным предложением, опровергается фактом публикации в печати двух вариантов проекта Эйхенвальда. Оба они были составлены с применением одного и того же плана, но решение фасадов существенно разнилось – в формах рококо и романтической неоготики соответственно.

У Жолтовского также имелись две версии проекта, обе они экспонировались на московской «Выставке архитектуры и художественной промышленности нового стиля» и были оперативно опубликованы в журнале «Архитектурный музей»¹³. Без какого-либо сомнения они могут быть отнесены на счет английских увлечений Жолтовского. Рассмотрим последовательно обе версии проекта. Композиция, представленная на рис. 2, очень напоминает Блэквелл-хауз (Blackwell House), загородный частный особняк, по-

¹¹ Журнал спорта. 1902. № 95. С. 1497–1498.

¹² Иллюстрированный альбом рысистого и скакового спорта и перечень русских конных заводов. М., 1905. Б. с. Речь идет, в частности, о конюшнях и манежах для В.П. Смирнова и В.Г. Малича.

¹³ Архитектурный музей. [СПб.], 1903. Табл. 8, 11.

Рис. 2. И.В. Жолтовский. Конкурсный проект дома Скакового общества. 1902. Перспектива от Скаковой аллеи. Вариант.
 Источник: «Архитектурный музей»

строенный в 1898–1900 гг. Х. Бейли Скоттом. Стиль этого здания, который чаще всего определяют в связи с «Движением искусств и ремесел» (“Arts & Crafts movement”), как бы балансирует на тонкой грани между национальной английской традицией и воплощением в архитектуре идеи современности. Силуэт сформирован рядом остроугольных щипцов и высоких дымовых труб, уравновешивающих своей динамикой скучноватую горизонталь объема. Фасадные поверхности трактованы предельно лаконично, безо всякого декора. Тем выразительнее смотрятся на этих нейтральных плоскостях многочисленные «лежачие» окна и небольшие эркеры, расположенные асимметрично. «Тюдоровский» портал служит едва ли не единственным чисто ретроспективным элементом.

У Жолтовского объемно-пространственная композиция разработана более сложно. Заимствуя у Бейли Скотта тему повторяющихся щипцов, он вводит также приемы, почерпнутые у другого британца – Ч.Р. Макинтоша. Композиция получает хорошо читаемую высотную доминанту – призматический объем с плоским завершением. Влияние школы Глазго проявляется и в обширном

Рис. 3. И.В. Жолтовский. Конкурсный проект дома Скакового общества. 1902. Перспектива со стороны скакового круга. Вариант.
 Источник: «Архитектурный музей»

остеклении главного фасада. Стиль “Arts & Crafts” здесь существенно трансформирован шотландским модерном. Согласно условиям конкурса, в верхнем этаже павильона Скакового общества предписывалось устроить балконы, с которых можно было бы наблюдать за работой лошадей на скаковом кругу¹⁴. Жолтовский проектирует на дворовом фасаде не балкон, а вместительную трибуну, опирающуюся на столбы. Колористическое решение фасадов на проекте Жолтовского разнообразнее и острее, чем у Бейли Скотта: сочетание штукатурного покрытия и поверхностей открытой кладки (напоминающих о Красном доме У. Морриса) дополняется декорированным порталом. Графика, относящаяся к этому варианту проекта (перспектива и фасады в ортогональной проекции), хранится в фондах ГНИМА им. А.В. Щусева.

Местонахождение другого варианта неизвестно, равно как неясно и то, насколько эта детально альтернативная версия проекта была разработана Жолтовским (рис. 3). В «Архитектурном

¹⁴ Журнал спорта. 1902. № 95. С. 1497–1498.

музее» была опубликована только перспектива, в нижней части которой хорошо видна авторская подпись. На этом листе показано здание с гораздо более регулярной композицией: центр ее зафиксирован высоким фахверковым щипцом, запоминающейся деталью является балкон, простирающийся почти на всю длину фасада.

Причины обращения архитектора к британским (еще точнее, поздним викторианским) прообразам выглядят довольно прозрачными: конный спорт, как уже отмечалось, выделялся атрибутом английского образа жизни. Жолтовский действовал в полном соответствии с принципом *умного выбора*, характерного для эклектики XIX в.: стремился к тому, чтобы архитектура здания посредством литературных ассоциаций «говорила» о его функциональном содержании. Но зодчий не остановился на современной британской архитектуре, несмотря на ее, казалось бы, точное соответствие задаче. Возможно, последовавшая уже после победы в конкурсе резкая перемена стилового решения здания была по-своему закономерной.

Боковой фасад

Из бумаг личного дела Жолтовского как преподавателя Строгановского училища мы знаем, что летом 1902 г. он путешествовал за границей¹⁵. Содержимое его записных книжек свидетельствует о посещении Первой международной выставки современного декоративного искусства в Турине: Жолтовский с интересом зарисовывал образцы мебели в формах модерна и внутренний вид павильона-ротонды Р. д'Аронко¹⁶. Сопоставив этот факт с выбором стиля для конкурсного проекта дома Скакового общества в декабре того же года, можно заключить, что на тот момент Жолтовский еще не был ни убежденным палладианцем, ни вообще неоклассиком.

Что же случилось на рубеже 1902–1903 гг.? К сожалению, мы не располагаем ни перепиской Жолтовского, ни его достоверными воспоминаниями, нам остается лишь выстраивать предположения. И делать это приходится впервые, поскольку авторы, писавшие о Жолтовском прежде, как правило, освещали момент обретения архитектором своего неоклассического кредо (верность которому он сохранил на всю жизнь) в фольклорно-патрио-

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 677. Л. 21а, 47.

¹⁶ ГНИМА. Plа 9519.

тическом ключе¹⁷. Исключением является, пожалуй, диссертация А.В. Фирсовой, где автор (также не имея надежных источников, а потому гипостасируя) описывает нечто вроде экзистенциального кризиса Жолтовского:

...После всех экспериментов именно в московской среде, оказавшись среди мастеров московского модерна – Ф.О. Шехтеля, И.А. Иванова-Шиц, Л.Н. Кекушева и т. д. и их творений – И.В. Жолтовский осознает, что модный стиль – не его призвание, не его тема. На поприще модерна ему уже не удастся быть первым, лучшим. Эта стилевая ниша к тому времени была уже прочно занята [Фирсова 2004, т. 1, с. 25].

В самом деле, Жолтовский явно присматривался к модерну, хотя так и не создал ни одного проекта в этих формах. Известно, что в Академии к модерну даже на пике его популярности относились скептически, так что среди корифеев модерна явно преобладают выученики ИГИ и других заведений – это подтверждает и перечень имен, приведенный Фирсовой. Иными словами, дистанцирование Жолтовского от эстетики «нового стиля» стоит считать скорее закономерным. Уникальным же случай Жолтовского для начала 1900-х делает именно его прицельный интерес к палладианству (большинство академистов, игнорируя модные новации, продолжали работать в разных версиях эклектики, включая «русский стиль»). Попробуем взглянуть на данный эпизод в свете некоторых дополнительных обстоятельств.

В 1902 г. в Лондоне вышла в свет книга Б. Флетчера о Палладио¹⁸. Несмотря на широчайшую известность имени этого ренессансного зодчего, английская монография стала событием в историко-архитектурной науке и отправной точкой новой волны интереса к Палладио и художественному наследию его эпохи, приобретшей чрезвычайно яркие формы в России. Жолтовскому в этом «переоткрытии» Палладио русскими достанется роль первопроходца, увлекавшего за собой столь разных по складу и опыту людей, как искусствовед И.Э. Грабарь [Клименко 2015] и молодой

¹⁷ Ср., например: «После того, как проект был принят заказчиком, Жолтовский поставил перед собой вопрос: следует ли русскому архитектору строить в Москве здание в чуждых формах английской готики? И решив, что этого делать не следует, он по собственной инициативе выполнил второй вариант проекта, исходя уже из принципов русской классики» [Ощепков 1955, с. 6] и «Жолтовский составил готический проект – и выиграл конкурс. А уже потом убедил заказчиков, что классика гораздо более соответствует русскому обществу...» [Ревзин 1992, с. 56].

¹⁸ Fletcher B.F. Andrea Palladio, His Life and Works. London, Bell, 1902.

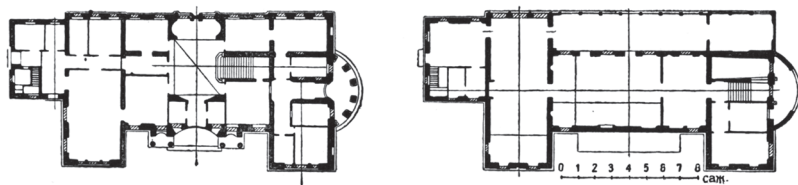
Рис. 4. Портик главного фасада дома Скакового общества. Фото 1900-х гг.

Источник: Ежегодник Общества архитекторов-художников

архитектор-академист В.А. Щуко¹⁹. Мы не имеем прямых указаний на то, что личное палладианство Жолтовского началось именно под воздействием этой книги, но в том, что события эти произошли фактически синхронно, сомневаться не приходится.

Как уже говорилось, воплощенный неоклассический проект Жолтовского для дома Скакового общества (рис. 4) в литературе принято резко противопоставлять конкурсному. Отмечая радикальность стилистической метаморфозы, все же стоит сказать о том, что классика – это в первую очередь интернациональный архитектурный язык, и именно в этом качестве он мог быть интересен космополиту Жолтовскому. В упомянутой диссертации А.В. Фирсова осторожно писала (отчасти повторяя Ревзина): «И.В. Жолтовский видоизменил свой замысел и буквально убедил заказчиков, что классические мотивы, обобщенные идеи палладианства, гораздо более соответствующие русскому обществу, были вполне популярны и в Англии» [Фирсова 2004, т. 1, с. 26]. Это замечание об английском палладианстве очень ценно на фоне тривиальных опи-

¹⁹ РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 314.

Планы первого и второго этажей

Рис. 5. Поэтажные планы дома Скакового общества. Осуществленный проект. Источник: Ежегодник Общества архитекторов-художников

саний стиля Скакового общества как вариации на тему русского ампира и итальянского Ренессанса [Борисова, Каждан 1971, с. 177].

Сопоставляя планы осуществленного здания (рис. 5) и фасады по «викторианскому» конкурсному проекту, можно увидеть, что некоторые аспекты почти не подверглись изменению. Это, в частности, касается композиции фасада, обращенного к скаковому кругу: в неоклассической версии Жолтовский разместил трибуну только на верхнем этаже, оформив ее в виде лоджетты и расширив внутренние помещения нижнего этажа. Пожалуй, этот ход можно действительно засчитать как продиктованный особенностями русской жизни (вернее, российского климата). Композиция главного фасада подверглась гораздо более глубокому переосмыслению, но к ней мы возвратимся позднее.

А.В. Фирсова справедливо указала на то, что тема ордерной полуротонды, использованная Жолтовским на боковом фасаде, характерна для английской интерпретации палладианства [Фирсова 2004, т. 1, с. 27], а Г.И. Ревзин связал «полукруглый портик» на боковом фасаде с влиянием модерна [Ревзин 1992, с. 81], хотя нельзя сказать, что такая «всефасадность» была совсем чужда и более близкой Жолтовскому эклектике²⁰.

Интересным является вопрос о прямом источнике формы четырехколонного ионического портика-полуротонды на боковом фасаде дома Скакового общества (рис. 6). Рискнем предположить, что его появление было вызвано именно британским образцом георги-

²⁰ Говоря о «фасадическом» характере архитектуры эклектики, обычно приводят в качестве иллюстрации застройку улиц крупными доходными домами. Но на формирование облика этого типа зданий влияла в первую очередь градостроительная ситуация, а не художественные амбиции архитектора. В жанре загородного особняка или церковного здания эклектика вполне сочеталась со «всефасадностью».

*Рис. 6. Вид бокового фасада дома Скакового общества.
Фото 1900-х гг. Источник: Ежегодник Общества
архитекторов-художников*

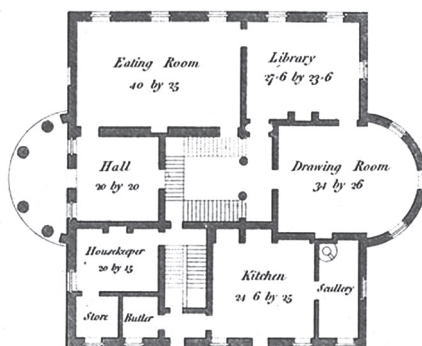
анской эпохи, в роли которого выступил проект, опубликованный в сборнике «скетчей» Джона Соуна 1793 г.²¹ На трех таблицах (два фасада и план) показан загородный симметрично спланированный особняк с входным портиком-полуротондой и выступающим настолько же с противоположной стороны полуциркульным объемом гостиной. Фасад с портиком функционально является главным, но боковой, скомпонованный в пять осей и фланкированный ризалитами, имеет вид не менее торжественный.

Это нарушение «субординации» фасадов усиливается последовательностью размещения изображений в книге: сначала идет боковой фасад, затем – план, и только после этого – фасад с входным портиком. Что хотел сказать таким образом Дж. Соун, не совсем ясно, однако в результате складывается впечатление, что портик примыкает к объему здания сбоку и что вместе с полуротондой

²¹ [Soane, John]. Sketches in architecture: containing plans and elevations of cottages, villas and other useful buildings, with characteristic scenery by John Soane, architect to the Bank of England and Member of the Royal Academies of Parma and Florence. London, The Taylor, Holborn, 1793. Pl. XX–XXII.

Plan to Plate 20.

Scale: 1" = 20'

Published by T. & J. Taylor, High Holborn, London, Jan'y 1825.

Рис. 7. Дж. Соун. Проект загородного дома. Не позднее 1793 г. Боковой фасад, план. *Источник:* Sketches in architecture...

гостиной они образуют симметричные выступы наподобие излюбленных Дж. Кваренги (например, в проекте петербургской Биржи). Ниже будут приведены дополнительные аргументы в пользу «английского» характера неоклассики Скакового общества, но уже сейчас надо подчеркнуть, что проект Соуна (рис. 7) представляется нам гораздо более очевидным и близким источником для бокового портика в осуществленной версии дома Скакового общества, чем неопределенные отсылки к памятникам русского классицизма, встречающиеся у старших коллег.

Портик из библиотеки

Но еще более интересен главный фасад и особенно – примечательный портик, в котором сочетается мотив экседры и классического фронтона. Попытки вывести эту форму из итальянского Ренессанса несостоятельны; в московском или петербургском классицизме отсутствуют ее прямые аналоги. Насколько известно, никаких специальных экспедиций для изучения помещицкой архитектуры поодаль от столиц Жолтовский не предпринимал, да и не принадлежал он к поклонникам провинциально-самобытных трактов классики.

Предыдущий сюжет показывает, что для объяснения формальных решений Жолтовского более важными являются увражи, а не натурные впечатления от построек. Можно даже уточнить, что речь идет об английских увражах, которые традиционно представляли особый раздел архитектурной библиографии не только в части публикации проектов или «скетчей», но и в описании памятников древности. Архитектура Жолтовского – это порождение кабинетных занятий или штудий в читальном зале библиотеки (неслучайно в графическом наследии мастера, хранящемся ныне в ГНИМА им. А.В. Щусева, изрядную долю составляют кальки с перерисовкой из книг деталей и целых зданий).

Пожалуй, самым хрестоматийным примером соединения портика и арочного архивольты служит дворец Диоклетиана в Сплите (284–305 гг. н. э.), изученный и зафиксированный шотландцем Робертом Адамом в 1764 г. в ходе его «Гранд-тура»²². Нет никакого сомнения в том, что Жолтовскому был хорошо знаком этот увраж, как и собственное творчество Адама, к которому мы еще возвратимся. В отделке интерьеров Адам широко применял пологие арки, часто аранжируя их с глубокими нишами: например, в Музыкальном салоне Хоум-хауса в Лондоне (1773–1777). Однако он никогда не выносил эти формы в экстерьер, а фронтоны, разорванные полуциркулярной аркой (как в Сплите), не могут считаться прототипами для дома Скакового общества.

Больше сходства демонстрирует композиция Жолтовского – портик с полой аркой и расширенным центральным интерколумнием – с одной из реконструкций круглого храма Венеры в Бальбеке. Остается, правда, неясным, мог ли архитектор видеть эту реконструкцию в момент проектирования Скакового общества: она явилась одним из результатов работы археологической экспедиции

²² [Adam, Robert]. Ruins of the palace of the Emperor Diocletian at Spalatro in Dalmatia, [London], 1764.

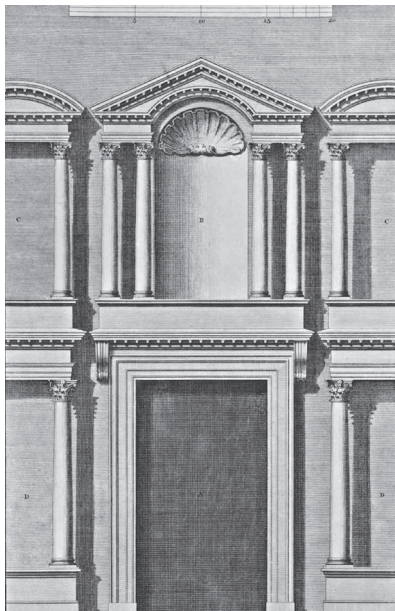

Рис. 8. Баальбек. Обработка стены с порталом и полукруглой нишей.
Источник: The Ruins of Balbec...

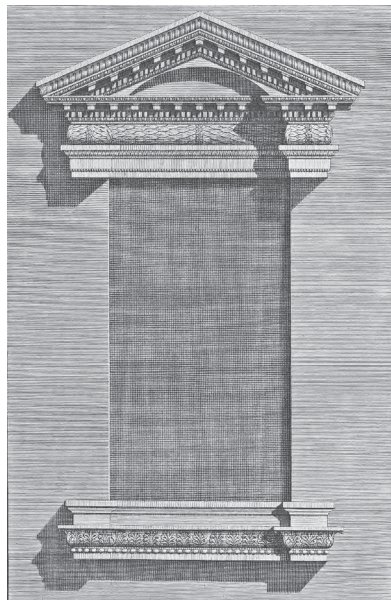

Рис. 9. Пальмира. Обработка ниши.
Источник: The Ruins of Palmyra...

из Германии 1898–1905 гг.²³ Однако сами немецкие археологи опирались в своих реконструкциях (похожим образом они представили и портик меньшего по размеру храма Бахуса) на те архитектурные формы ближневосточных римских провинций, которые были давно опубликованы и хорошо известны даже тем, кто не видел их *in situ*. Мотив портика с разорванным пологой аркой фронтоном, оформляющего полукруглую нишу, встречается в издании Роберта Вуда 1757 г., посвященном Баальбеку²⁴. В его же томе о древностях Пальмиры можно видеть пример обработки прямоугольной ниши с похожим решением фронтона²⁵ (рис. 8, 9). Не исключено, что Жол-

²³ [Wiegand, Theodor]. Baalbek: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1898 bis 1905. Berlin, Leipzig, W. de Gruyter, 1921–1925. (Автор благодарит архитектора и эксперта в области античной архитектуры М.Б. Атаянца за возможность обсудить с ним этот вопрос.)

²⁴ [Wood, Robert]. The Ruins of Balbec, otherwise Heliopolis in Cœlosyria, London, 1757, Tab. VII.

²⁵ [Wood, Robert]. The Ruins of Palmyra, otherwise Tedmor in the Desert, London, 1753, Tab. L.

товский воспользовался и пальмирской гравюрой: его фронтоны по сторонам от большой арки имеют две слепые арочки того же лучкового профиля.

Влияние Баальбека и Пальмиры ощущается не только в портике, но и в других деталях фасада – портале, сандриках над окнами ризалитов. Примечательно, однако, что ни в одном дореволюционном проекте Жолтовский более не обращался к этому кругу источников, в полной мере сосредоточившись на палладианских образцах.

Братья Адамы и Джонс в интерьере

Коллеги по цеху высоко оценили дебют Жолтовского. В феврале 1906 г. он экспонировал проект фасада дома Скакового общества на выставке «Нового общества художников», именно с тех пор, с легкой руки обозревателя журнала «Зодчий», возникло устойчивое мнение, будто стиль здания явил образчик «ново-московского емпіге, с примесью итальянщины»²⁶. Фасады, планы и фотографии интерьеров были опубликованы в «Ежегодниках Общества архитекторов-художников» за 1906–1908 гг.²⁷ «...По-моему это лучший из наших современных архитекторов», – писал тогда же своему брату художник Е.Е. Лансере, в будущем – сотрудник Жолтовского при работе над интерьерами особняка Г.А. Тарасова²⁸.

Облик здания Скакового общества свидетельствовал о демонстративной расточительности заказчика. В.А. Гиляровский, не дожидаясь завершения отделки, писал с возмущением:

Новый скаковой дом, который вместо ассигнованных десятков тысяч перешагнул далеко за сотню, отделяется с подобающей роскошью. Особенное внимание обращает на себя художественной работы стол заседаний, на котором будут решаться все вопросы спорта²⁹.

Почти сразу по окончании постройки для Скакового общества Жолтовский начал карьеру архитектора загородных вилл: не просто роскошь, но изысканное великолепие музейно-антиквар-

²⁶ Выставка нового общества художников // Зодчий. 1906. № 7. С. 63–64.

²⁷ Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 1. СПб., 1906. С. 46–47; Вып. 2. СПб., 1907. С. 42–43; Вып. 3. СПб., 1908. С. 36–45.

²⁸ Цит. по: Докучаева В.Н. И.И. Нивинский. М.: Советский художник, 1969. С. 32.

²⁹ Журнал спорта. 1905. № 1. С. 4.

ного толка, предложенное Жолтовским, нашло отклик у московских богачей.

Внутреннее художественное убранство дома Скакового общества, исполненное под руководством Жолтовского И.И. Нивинским и В.П. Трофимовым, было детально исследовано в статье А.А. Никольского. Опираясь в характеристике архитектуры здания на текст С.О. Хан-Магомедова, утверждавшего, что стилистически оно «целиком» ориентировано на наследие русского классицизма [Хан-Магомедов 2010, с. 31], исследователь тем не менее отметил:

Очевидно, эта увлеченность Жолтовского классицизмом возникла не без влияния творчества Ч. Камерона; знаменательно, что вестибюль первого этажа дома поразительно напоминает Агатый кабинет терм Камерона в Царском Селе [Никольский 2015, с. 44–45].

Говоря о Чарлзе Камероне, полезно иметь в виду, что его интерпретация классицизма была чрезвычайно близка (пусть и внешне) «стилю Адамов», популярному в Англии второй половины XVIII в. [Лансере 1924, с. 10; Швидковский 2010, с. 58]. Стиль, созданный братьями Робертом и Джеймсом Адамами, базировался на классическом наследии, но, по определению самих его творцов, они «не шли чужими тропами и не пользовались плодами чужого труда», при этом сами вызывая восторг у заказчиков и подражания со стороны коллег по цеху³⁰. Это признание сделано ими в предисловии к многотомному сборнику своих проектов, изданному в 1770-х гг. Реформа, которую сами Адамы называли «чем-то вроде революции» (“kind of revolution”), сказала в большей изысканности и разнообразии декоративных решений, навеянных открытиями раскопок Геркуланума и Помпеи. В частности, массивные балки, разделявшие потолки на секции, теперь были вытеснены легкими тягами и орнаментами в низком рельефе.

Описывая убранство вестибюля Скакового общества, А.А. Никольский констатирует, что в росписи свода Нивинский воспроизводит сюжеты А. Мантеньи из Камеры дельи Спозы в мантуанском герцогском дворце, но существенно искажает их, в частности, превращая знаменитый плафон-окулус в клеймо квадратной формы

³⁰ “We have not trod of the path of others, nor derived aid from their labours. In the works which we have had honour to execute, we have not only met with the approbation of our employers, but even with the imitation of other artists...” ([Adam, Robert]. The works in architecture of Robert and James Adam, Esquires, London, P. Elmsley, 1773, vol. 1, p. [1] – Пер. авт.)

Рис. 10. И.В. Жолтовский, И.И. Нивинский. Плафон вестибюля дома Скакового общества. Фото 1900-х гг.

Источник: Ежегодник Общества архитекторов-художников

[Никольский 2015, с. 45] (рис. 10). Элементарное объяснение такой трансформации выводится из типа перекрытия – в Мантуе он другой. Правда, несколько озадачивает появление цитаты плафона из мантуанской комнаты новобрачных в вестибюле конноспортивного клуба. Едва ли оно имеет глубокое программное объяснение, поэтому рискуем предположить, что Жолтовского с Нивинским увлек чисто декоративный эффект. Вероятно, сыграло свою роль и свежее впечатление от памятника, поскольку весной 1903 года архитектор и живописец посещали Италию и, скорее всего, задержались в Мантуе на предмет изучения Палаццо дель Те, с его «иппическими» мотивами в убранстве [Печенкин, Шурыгина 2019b]. В итоге эти мотивы в Скаковом никак не прозвучали, знакомство с творением Джулио Романо отразилось в других творениях Жолтовского 1900–1910-х гг., но в декорации Скакового неожиданно возник Мантенья...

Однако возвратимся к формальному аспекту росписи вестибюля. Тема квадратного клейма в зените крестового свода и прямоугольные фигуративные панно в сводах распалубок по отдельности встречаются у братьев Адамов (которые, разумеется, не изобразили

Рис. 11. Вид гостиной в Дерби-хаусе, Лондон. Р. Адам, 1773.

Источник: The works in architecture of Robert and James Adam... vol. 2

этот еще античный прием, но актуализировали его в своих интерьерах). В частности, крестовый свод с квадратным клеймом перекрывал одну из гостиных в доме графа Дерби на лондонской Гросвенор-сквер (1773, рис. 11), а горизонтально ориентированные панно в потолочной декорации встречаются, например, в загородном Харвуд-хаусе недалеко от Лидса (1771). Сомнительным ходом авторов дома Скакового общества можно считать лишь попытку совместить эти элементы в одной композиции, а еще большей – смешение стилей, вызванное, по-видимому, простодушным суждением о единстве классического искусства и универсальности его приемов, будь то ренессансная Италия XV в. или Англия XVIII столетия. Копии Мантеньи плохо вписались в «стиль Адамов».

Но именно синтез британского классицизма в архитектуре и итальянской живописи служит художественным лейтмотивом рассматриваемых интерьеров. Если в вестибюле такое сочетание обернулось курьезом, то в главном зале действительно можно говорить о синтезе. Именуя потолок этого помещения «главной творческой удачей двух мастеров», А.А. Никольский обоснованно сравнивает его с убранством Зала Совета венецианского палаццо Дожей, по-

Рис. 12. Банкетинг-хаус в Лондоне. И. Джонс, 1619–1622; живопись плафона П.П. Рубенс, 1630-е гг.
Фото 2008 г. ©Wikimedia Commons

сколько живопись московских плафонов представляет собой вольные копии полотен Я. Тинторетто из этого зала. Однако, отмечая гораздо большую простоту членений потолка в Скаковом, исследователь почему-то видит в этом импровизацию живописца: «Сложные формы ренессансных полотен Нивинский заменил на прямоугольные» [Никольский 2015, с. 46]. Между тем разбивка потолка балками на девять продолговатых ячеек, центральной из которых придана форма овала, имеет совершенно конкретный прототип в английской архитектуре – лондонский Банкетинг-хаус Иниго Джонса (1619–1622), прославленный тем, что живописные плафо-

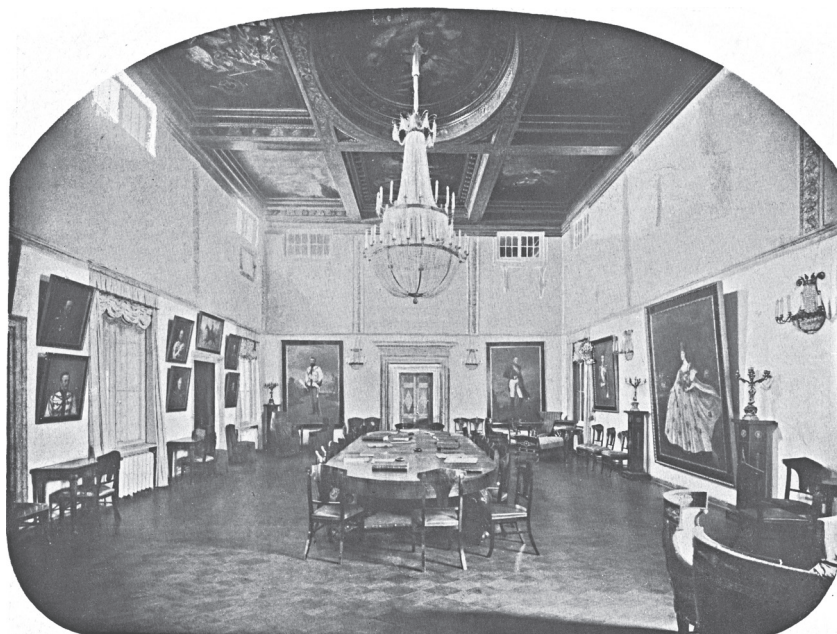

Рис. 13. Вид главного зала дома Скакового общества. Фото 1900-х гг.

Источник: Ежегодник Общества архитекторов-художников

ны его были исполнены П.П. Рубенсом. Структура потолка зала в доме Скакового общества, несомненно, была разработана Жолтовским, который увидел это помещение как типологически сходное с двусветным пространством Банкетинг-хауса (хотя и меньшее по размерам) (рис. 12, 13).

Заключение

В данной статье мы не ставили перед собой задачу подробно исследовать английские влияния на творчество Жолтовского. Речь идет лишь о постановке проблемы, прежде мало затронутой в связи с историей отечественного неоклассицизма начала XX в. Можно предполагать, что рецепция британского «эдвардианства» сформировала облик русской архитектуры и русского интерьера предреволюционных десятилетий в существенно большей степени, чем принято думать, выступая источником не менее важным, чем русский ампир столетней давности и итальянский Ренессанс. До сих пор

тема таких англицизмов затрагивалась в литературе эпизодически, в частности, в связи с заказом князя Ф.Ф. Юсупова:

Стиль «королевы Анны» сменяется в 90-е годы XIX века «эдвардианским неоклассицизмом», приобретшим, в некоторой степени, статус государственного стиля. Неслучайно Феликс Юсупов в 1914 году, при оформлении своих апартаментов, обратился именно к этому стилю. Он несколько лет, с 1909 по 1913 год, жил в Англии, где учился в Оксфордском университете. <...> Квартира Юсупова в Лондоне могла служить иллюстрацией к одному из модных журналов по убранству интерьера, какими в те годы была полна Англия [Зайцева 1999, с. 380].

На примере московского дома Скакового общества Жолтовского можно заключить, что «английский элемент» в палитре русской неоклассики 1900–1910-х гг. обязан своим появлением не только прихоти бывавших в Лондоне заказчиков-аристократов. Рассмотренный нами сюжет показывает, что британские образцы не только представляли профессиональный интерес для самих архитекторов, но более того – весьма вероятно, что именно проекты И. Джонса, Р. Адама, Дж. Соуна, наряду с монографией Б. Флетчера, переоткрыли для русских зодчих начала XX столетия Палладио и палладианскую традицию.

Источники

- Александр Георгиевич Габричевский. Биография и культура: документы, письма, воспоминания: В 2 кн. / [сост. О.С. Северцева]. М.: РОССПЭН, 2011.
- Архитектурный музей. [СПб.], 1903 (Таблицы).
- Барц М.* Воспоминания // МАРХИ. XX век: Сборник воспоминаний в 5 томах / Авторы-сост. А. Некрасов, А. Щеглов. Т. 1. М.: Салон-Пресс, 2006. С. 96–119.
- Выставка нового общества художников // Зодчий. 1906. № 7. С. 63–64.
- ГНИМА. ОФ 5485/43.
- ГНИМА. Р1а 9519.
- Докучаева В.Н.* И.И. Нивинский. М.: Советский художник, 1969.
- Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 1. СПб., 1906. С. 46–47.
- Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 2. СПб., 1907. С. 42–43.
- Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 3. СПб., 1908. С. 36–45.
- Журнал спорта. 1902. № 95.
- Журнал спорта. 1905. № 1.
- Иллюстрированный альбом рысистого и скакового спорта и перечень русских конных заводов. М., 1905.
- Каганович Л.М.* Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.

- Лансере Н.Е.* Архитектор Чарльз Камерон // Чарльз Камерон: сборник под ред. Э. Голлербаха и Н. Лансере. М.-Пг.: Государственное издательство, 1924. С. 7–20.
- Лукомский Г.К.* Новый Петербург (мысли о современном строительстве) // Аполлон. 1913. № 2. С. 5–38.
- РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 3147.
- РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 192.
- РГАЭ. Ф. 293. Оп. 2. Д. 19.
- РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 314 (*Ильин Л.А.* В.А. Шуко. Монография о творчестве. 1941 г.).
- Российский национальный музей музыки. Ф. 318. Ед. хр. 1034.
- Хан-Магомедов С.О.* Владимир Кринский. М.: Фонд «Русский авангард», 2008.
- [*Adam, Robert*]. Ruins of the palace of the Emperor Diocletian at Spalatro in Dalmatia, [London], 1764.
- [*Adam, Robert*]. The works in architecture of Robert and James Adam, Esquires, London: P. Elmsley, 1773, vol. 1, 2.
- Burger, Fritz.* Die Villen des Andrea Palladio. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Renaissance-Architektur. Leipzig, 1909.
- Fletcher, B.F.* Andrea Palladio, His Life and Works. London: Bell, 1902.
- RIBA, Honorary Corresponding Member Nomination Papers, с. 284.
- [*Soane, John*]. Sketches in architecture: containing plans and elevations of cottages, villas and other useful buildings, with characteristic scenery by John Soane, architect to the Bank of England and Member of the Royal Academies of Parma and Florence. London: The Taylor, Holborn, 1793.
- [*Wiegand, Theodor*]. Baalbek: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1898 bis 1905. Berlin, Leipzig, W. de Gruyter, 1921–1925.
- [*Wood, Robert*]. The Ruins of Balbec, otherwise Heliopolis in Coelosyria. London, 1757.
- [*Wood, Robert*]. The Ruins of Palmyra, otherwise Tedmor in the Desart. London, 1753.

Литература

- Астафьева-Длугач, Волчок 1988 – *Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П.* И. Жолтовский // Зодчие Москвы. Кн. 2. М.: Московский рабочий, 1988. С. 48–60.
- Бархин 2015 – *Бархин А.* Актуальное, ретроспективное и уникальное в творчестве И.В. Жолтовского 1930–1950-х годов // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 4. С. 23–31.
- Бархин 2019 – *Бархин А.* Ар-деко и стилиевой параллелизм в архитектуре 1930-х // Проект Байкал. 2019. № 62. С. 102–107.
- Борисова, Каждан 1971 – *Борисова Е.А., Каждан Т.П.* Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1971.
- Грибович 2017 – *Грибович А.В.* Взаимная профессиональная рецепция архитектуры в СССР и Великобритании в 1918–1948 гг.: Дис. на соиск. квалификационной ст. магистра искусствоведения. СПб.: [б. и.], 2017.
- Зайцева 1999 – *Зайцева Н.В.* Интерьеры Юсуповского дворца в XIX – начале XX века // Юсуповский дворец / Под общ. ред. Г.И. Свешниковой. СПб.: Арт-Палас, 1999. С. 377–381.
- Клименко 2015 – *Клименко Ю.Г.* Архитекторы Москвы. И.Э. Грабарь. М.: Прогресс-Традиция, 2015.

- Никольский 2015 – *Никольский А.А.* Итальянский Ренессанс и монументальная живопись русского неоклассицизма начала XX века (на примере росписей дома Скакового общества и особняка Тарасова в Москве) // *Academia. Архитектура и строительство*. 2015. № 4. С. 43–52.
- Ощепков 1955 – [*Ощепков Г.Д.*] И.В. Жолтовский: проекты и постройки / Вступ. ст. и подбор илл. Г.Д. Ощепкова. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1955.
- Печенкин, Шурыгина 2019a – *Печенкин И.Е., Шурыгина О.С.* (2019a) Выставочные павильоны И.В. Жолтовского. К творческой биографии зодчего // *Архитектурное наследие* / Отв. ред. И.А. Бондаренко. Вып. 71. СПб.: Коло, 2019. С. 236–247.
- Печенкин, Шурыгина 2019b – *Печенкин И.Е., Шурыгина О.С.* Дом в усадьбе Щурово Морозовых – малоизвестная работа И.В. Жолтовского // *Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы* / Науч. ред.-сост. М.В. Нащокина. Вып. 25 (41). СПб.: Коло, 2019. С. 153–165.
- Печенкин, Шурыгина 2018 – *Печенкин И.Е., Шурыгина О.С.* Палладио по-русски. Новые данные о переводе «Четырех книг об архитектуре» в начале XX века // *Искусствознание*. 2018. № 3. С. 238–263.
- Ревзин 1992 – *Ревзин Г.И.* Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века. М.: [б. и.], 1992.
- Рзянин 1947 – *Рзянин М.И.* Русская архитектура. М.: Изд. Академии архитектуры СССР, 1947.
- Фирсова 2004 – *Фирсова А.В.* Творческое наследие И.В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века: Дис. ... канд. искусствоведения: В 2 т. М.: [б. и.], 2004.
- Хан-Магомедов 2010 – *Хан-Магомедов С.О.* Иван Жолтовский. М.: С.Э. Гордеев, 2010.
- Хандрос 1934 – Хандрос В.* Как должен работать архитектор // *Строительство Москвы*. 1934. № 6. С. 15–17.
- Швидковский 2010 – *Швидковский Д.О.* Чарлз Камерон при дворе Екатерины II. М.: Улей, 2010.

References

- Astaf'eva-Dlugach, M.I. and Volchok, Yu.P. (1988), "Zholtovsky", *Zodchie Moskvy* [Architects of Moscow], part 2, Moskovskii rabochii, Moscow, Russia, pp. 48-60.
- Barkhin, A. (2015), "Relevant Retrospective and Unique in I.V. Zholtovsky's Creative Practice of 1930–1950th", *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, no 4, pp. 23-31.
- Barhin, A. (2019), "Art Deco and Stylistic Parallelism in Architecture of the 1930s", *Proect Baikal*, no 62, pp. 102-107.
- Borisova, E.A. and Kazhdan, T.P. (1971), *Russkaya arkhitektura kontsa XIX – nachala XX veka* [Russian Architecture of the end of 19th to beginning of 20th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Firsova, A.V. (2004), I.V. Zholtovsky's Creative Heritage in 20th century Russian Architecture. Ph.D. Thesis, 2 vols., Moscow, Russia.
- Gribovich, A.V. (2017), *The mutual professional perception in architecture of USSR and Great Britain, 1918–1948*: Master of Arts degree Thesis, Saint Petersburg, Russia.

- Handros, V. (1934), "How an architect has to work", *Stroitel'stvo Moskvy*, no 6, pp. 15–17.
- Khan-Magomedov, S.O. (2010), *Ivan Zholtovskii* [Ivan Zholtovsky], S.E. Gordeev, Moscow.
- Klimenko, Yu.G. (2015), *Arkhitektory Moskvy. I.E. Grabar'*, [Architects of Moscow. I.E. Grabar']. Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Nikol'skii, A.A. (2015), "Italian Renaissance and Monumental Painting of Russian Neoclassicism at the Beginning of 20th Century (By the Examples of paintings from the Racing Society House and Tarasov Mansion in Moscow)", *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 4, pp. 43–52.
- Oshchepkov, G.D. (ed.) (1955), I.V. Zholtovskii. Postroiki i proekty [I.V. Zholtovsky. The Buildings and the Designs], Foreword and selection of Fig. by G.D. Oshchepkov, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arhitekture, Moscow, Russia.
- Pechenkin, I.E. and Shurygina, O.S. (2019a), "Exhibition pavilions by I.V. Zholtovsky. To description of architect's biography", *Arhitekturnoe nasledstvo*, Bondarenko I.A. (ed.), vol. 71, Kolo, Saint Petersburg, Russia, pp. 236–247.
- Pechenkin, I.E. and Shurygina, O.S. (2019b), "Manor House in Shchurovo of Morozovs, the little-known opus of Ivan Zholtovsky", *Russkaya usad'ba* [Russian estate], Collection of the Society for the Study of the Russian Estate. Sci. ed.-comp. M.V. Nashchokina. vol. 25 (41), Kolo, Saint Petersburg, Russia, pp. 153–165.
- Pechenkin, I.E. and Shurygina, O.S. (2018), "Palladio in Russian. New information about the Russian Translation of 'The Four Books on Architecture' in the early 20th century", *Iskusstvoznanie*, no 3, pp. 238–263.
- Revzin, G.I. (1992), *Neoklassitsizm v russkoi arkhitekture nachala XX veka* [Neoclassicism in Russian architecture in the beginning of 20th Century], Moscow, Russia.
- Rzyanin, M.I. (1947), *Russkaya arhitektura* [Russian architecture], Izdatelstvo Akademii arhitektury SSSR, Moscow, Russia.
- Shvidkovskii, D.O. (2010), *Charlz Kameron pri dvore Ekateriny II* [Charles Cameron at the Court of Catherine the Second], Ulei, Moscow, Russia.
- Zaitseva, N.V. (1999), "Interiors of Yusupov Palace in 19th and beginning of 20th century", *Yusupovskii dvorets*, Sveshnikova G.I. (ed.), Art-Palas, Saint Petersburg, Russia, pp. 377–381.

Информация об авторе

Илья Е. Печенкин, кандидат искусствоведения, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pech_archistory@mail.ru

Information about the author

Il'ya E. Pechenkin, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; pech_archistory@mail.ru

Выставка как жанр пластического искусства: «Dior»

Мария Т. Майстровская

*Московская Государственная художественно-промышленная академия
им. С.Г. Строганова, Москва, Россия*

*НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ
mmaystro@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет собой вторую часть рассмотрения и анализа двух выставок, прошедших в последние годы в Музее изобразительных искусств им. Пушкина – «Шанель: по законам искусства» (2007) и «Диор: под знаком искусства» (2011), посвященные крупнейшим модельерам современности. Оригинальные концепции и художественные решения экспозиционного дизайна этих выставок стали событиями не только в мире моды, но и в искусстве выставочной экспозиции. Эти выставки предъявили различные экспозиционные решения, яркие художественные образы, выразительную пространственную организацию, концептуальную и сценографическую аранжировку авторских коллекций в контексте высокого изобразительного искусства. Важнейшей концептуальной составляющей выставок было представить искусство модельеров, сопоставляя, рождая ассоциации и выстраивая аналогии и контексты с изобразительным искусством, на фоне которого и в кругу которого были выставлены уникальные коллекции. При этом едином концептуальном взгляде на их творчество и едином пространстве музея, в котором проходили выставки, художественно-архитектурная стратегия выставок была диаметрально противоположной, раскрывая палитру и многообразие художественно выразительных средств и современного экспозиционного дизайна. Обе выставки были созданы современными зарубежными кураторами и дизайнерами и представляют собой талантливые и креативные экспозиционные проекты, анализ которых может быть полезен для отечественного средового дизайна в качестве ярких примеров экспозиции как жанра пластического искусства, которым и считается современная музейная и выставочная экспозиция в своих наиболее высоких и творческих формах.

Ключевые слова: музей, выставка, экспозиция, искусство, архитектура, пространство, инсталляция, художественный образ, концепция, средства художественной выразительности, сценография, коллекция.

Для цитирования: Майстровская М.Т. Выставка как жанр пластического искусства: «Dior» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 138–150. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-138-150

Exhibition as a genre of plastic art: “Dior”

Mariya T. Maistrovskaya

*Moscow State Art and Industry Academy named after S.G. Stroganov, Moscow, Russia
Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts,
Moscow, Russia, mmaystro@mail.ru*

Abstract. The article is the second part of the research that consider and analyze two exhibitions held in recent years at the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts named, “Chanel: according to the laws of art” (2007) and “Dior: under the sign of art” (2011), dedicated to the largest fashion designers of our time. The original concepts and artistic solutions of the exhibition design of these exhibitions became events not only in the fashion world, but also in the art of the exhibitiaon. These exhibitions presented various exhibition solutions, vivid artistic images, expressive spatial organization, conceptual and scenographic arrangement of copyright collections in the context of high fine art. The most important conceptual component of the exhibitions was to present the art of fashion designers, juxtaposing, giving rise to associations and building analogies and contexts with visual art, against which unique collections were exhibited and in the circle. With this single conceptual view of their work, and the single space of the museum in which the exhibitions were held, the artistic and architectural strategy of the exhibitions was diametrically opposite, revealing the palette and variety of artistically expressive means and modern exhibition design. Both exhibitions were created by modern foreign curators and designers and represent talented and creative exposition projects, the analysis of which can be useful for domestic environmental design as vivid examples of the exposition as a genre of plastic art, which is considered the modern museum and exhibition exposition at its highest and creative forms.

Keywords: museum, exhibition, exposition, art, architecture, space, installation, artistic image, concept, means of artistic expression, scenography, collection.

For citation: Maistrovskaya, M.T. (2020), “Exhibition as a genre of plastic art: ‘Dior’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 138-150, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-138-150

Выставка «Диор: под знаком искусства» (2011) покорила зрителей, оставив неизгладимое впечатление о творчестве одного из ведущих модельеров мира. Инициаторами проекта выступили представители французской компании Dior, а создателями стала большая интернациональная группа во главе с куратором, историком моды Флоранс Мюллер и талантливым дизайнером Натали Криньер, чью работу И.А. Антонова назвала «настоящим творчеством». Подготовка выставки заняла около четырех лет, что, как

правило, уходит на создание подобного международного проекта. Сложность и многообразие экспозиционных форм сказались даже в том факте, что ее монтаж, осуществленный многочисленными французскими специалистами, длился долгие полтора месяца, что является редчайшим случаем для реализации такой масштабной выставки.

Было представлено более 100 платьев из собрания Дома Dior и частных коллекций и около 70 произведений живописи, графики, фотографий, инсталляций, мебели и предметов убранства из собраний ГМИИ, ГТГ, Лувра, Музея д'Орсэ, Национального музея Версаля, Фонда Бейлер (Базель), Галереи White Cube (Лондон) и других собраний Европы и США.

Казалось бы, разместившись в том же музее и залах, что и выставка «Шанель», она также ставила своей целью показ творчества модельера в контексте высокого изобразительного искусства. Это отвечало концепции предыдущей выставки в том смысле, что предметная и концептуальная канва была схожей, в сопоставлении мира моды и изобразительного искусства. Однако даже при близкой концептуальной схеме выставки оказались различными, если не сказать диаметрально противоположными, если говорить о решении пространства, о постановке комплексов инсталляций, об аранжировке предметно-пространственных композиций, о театрализации всего выставочного зрелища. Выставки оказались различными в драматургии художественного решения, или, другими словами, их содержательные концепции были близки, а вот художественные концепции — совершенно различны.

Концепция выставки по замыслу кураторов должна была отразить три основных аспекта фирмы Dior: 1) установление связей и взаимовлияний между искусством и модным домом; 2) воссоздание мифа Dior; 3) репрезентация образа женщины Dior. В многочисленных сопроводительных текстах, размещенных в экспозиции, в основе концепции выставки лежит идея зеркального эффекта, в восприятии зрителей, искусство кутюрье созвучно произведениям знаменитых художников. Однако, как и на выставке Шанель, именно кураторы создают и вовлекают зрителя в своеобразную игру контекстов, реплик и ассоциаций.

Ирина Александровна Антонова говорила в интервью прессе, что «может быть, самое поразительное на этой выставке, как это ни покажется странным, это сам дизайн пространства», созданный Натали Криньер, французской художницей-экспозиционером. Она известна своей работой над выставками-биографиями и интерьерами филиала Лувра в Абу-Даби, а российским зрителям знакома по

выставке Грейс Келли в Фонде «Екатерина» (2010). В ГМИИ ей удалось создать, по мнению И.А. Антоновой,

...брызжащее воображением, выдумкой, удивительно смелое по полету мысли решение уже привычных пространств. <...> Она выстраивает интригующие мизансцены, драматические сопоставления, благодаря ее расстановкам все экспонаты создают поистине театральный эффект всеобщего взаимодействия. Талант Натали еще заключается в умении использовать такие чисто утилитарные вещи для музейного дела, как витрины, превращая их тоже в своего рода произведения искусства. Таким же образом поступила она и сейчас, затеяв такую своеобразную игру с колоннами в Белом зале, создав два дополнительных ряда этих колонн и превратив их в витрины для моделей Диора¹.

Все очевидные сопоставления выстраиваются экспозиционной сценографией, которая позволяет рифмовать вещи сквозь призму современных предпочтений искусства. Эту блестящую работу назвали «мастер-классом для наших отечественных дизайнеров». Хотя нужно отдать должное и баснословному бюджету выставки и команде специалистов высочайшего класса.

Имя «Dior» стало нарицательным с тех самых пор, когда в 1947 г. вышла в свет легендарная коллекция уже немолодого дизайнера Кристиана Диора. Период долгих лет строгого военного режима и идей 1930–1940-х гг. об универсальном образе женщины, работающей и ведущей активный образ жизни, завершился в 1950-е гг. эрой необузданной женственности и элегантности. Именно в это время в мир моды приходит Диор, изменив образ женщины-подростка 1930-х и женщины войны 1940-х на женственную, утонченную, достойную самой дорогой оправы форму женственности, создавая новый образ и новый стиль, который захватывает практически весь мир на двадцать послевоенных лет. Именно Диор создает силуэт «песочные часы», ставший доминантой в моде конца 1940–1950-х и артефактом общемировой культуры.

Говоря о творчестве самого дизайнера, следует сказать, что вся история легендарного Дома Christian Dior началась с пристального изучения вовсе не модных нарядов прошлых столетий, а искусства современных молодому Диору художников. Он ищет вдохновения в мотивах любимых им Анри Матисса, Пабло Пикассо, палитрах Ренуара и линиях Энгера. Он невероятным образом сочетает в себе новаторство и приверженность к классике, отдавая предпочтение

¹ Антонова И.А. Выступление на открытии выставки: Стенограмма.

стилю Людовика XVI с его выверенной и утонченной гармонией, пропорциональностью, изысканной сдержанностью и виртуозной, но строгой формой. Его цветовая гамма, с помощью которой он добивается невероятной художественной высоты своих моделей, минимальна – серые, черные, коричневые, бежевые и белые тона, редко открытый красный, а в качестве излюбленного материала он вводит обыкновенную шерсть.

В экспозиции Пушкинского музея нашли отражение все грани творчества дизайнера. Его выдающиеся коллекции, его путешествия, его «мастерская», уникальные эскизы и исторические фотографии, видео, образцы ювелирного искусства и знаменитые духи, художественные произведения, созданные специально к выставке. Выставочный проект, представляя легендарную личность выдающегося модельера, охватывал и более широкий круг, представляя работы его последователей – Ив Сен Лорана, Марка Боана, Жан-франко Ферре, Джона Галльяно и в целом творчество Дома моды Chistian Dior с его основания и до наших дней.

Выставка построена не по хронологии, а по принципу, весьма популярному в выставочной практике, – по так называемым кодам, под которыми кураторы понимают набор любимых тем и приемов в творчестве дизайнера или Дома в целом. В данном случае такими кодами стали Бал, Сад, Прекрасная эпоха, Путешествия – в частности Египет. В рамках каждой темы представлены костюмы и произведения искусства, которые, по мнению кураторов, были созвучны. Всего таких кодов-тем семь: «Сады Диора», «Балы Диора», «Диор: Бог и Золото», «Диор и XVIII век», «Прекрасная эпоха», «Путешествия Диора» и «Тело и линия». Дополняют их еще три темы: «Ателье», «Магия ароматов» и «Звезды Диора», раскрывающие главные аспекты деятельности модной фирмы. Темы-коды строятся на сопоставлении творений Диора и произведений искусства. В трех дополнительных темах в центре внимания оказывается продукция Дома Диор сама по себе без всяких сопоставлений, в которой честно и подробно воссоздается процесс создания одежды, и ее заключительное представление – дефиле.

Главной идеей авторов диоровской ретроспективы Флоранс Мюллер и Натали Криньер было создание экспозиции по тому же принципу, что и «Шанель», «комментировать костюм искусством, рассказывая большую историю с помощью строго структурированного дизайна». В соответствии с новейшими дизайнерскими и экспозиционными предложениями были оформлены все интерьеры и пространства музея. Обилие зеркал, обивка панелей, новейшие разработки видеоарта, сенсорные зеркальные панели, встроенные в стены, 3D проекции, уникальные и разнообразные системы освеще-

щения и подсветки, разработка драматургии света, использование высочайшего по дизайнерскому и исполнительскому качеству оригинального оборудования и оснащения выставки.

Экспозиционный дизайн покорял зрителей с первых шагов. Вход на экспозицию открывался своеобразным порталом, с перекинутым над парадной лестницей подиумом с моделями, огромными зеркалами по обеим сторонам лестницы, которые в свою очередь выстраивали совершенно новые пространства зазеркалья, вторили и многократно множили изображения. Все уходило в бесконечность. Портал открывал вход в мир моды, в мир искусства, в некое другое измерение и состояние.

Встречали зрителей две знаменитые модели «New Look» в соломённых шляпках, демонстрирующие эволюцию стиля, – одна модель 1947 г., созданная Кристианом Диором, другая – интерпретация, реплика «Diosega» того же костюма, выполненная через пятьдесят лет Джанфранко Ферре для весенне-летней коллекции 1997 г. В нише на лестнице расположилась инсталляция «Эволюция» (2011) на тему сумок Диора из стеганной кожи «Lady Dior», выполненную специально к выставке молодыми авторами (А. Блохин и Г. Кузнецов).

Наконец, Белый зал представлял собой кульминационное зрелище, так как зритель не понимал, куда он попал, настолько ошеломляло затемненное пространство с мерцающим светом и разнообразием моделей, паривших в вышине. В витринах-цилиндрах, встроенных в дополнительный ряд колонн, были помещены культовые модели Диора haute couture, которые в этой экспозиционной постановке становились архитектурой, колоннами этого зала, главенствуя в kaleidoscope образов, отражались в зеркальном подвесном потолке и уходили ввысь, зрительно разрывая и увеличивая пространство.

Тема – «Прекрасная эпоха», сады из детства модельера, послевоенные балы являются основой его моды. Это еще и любовь к матери, воспоминаниями о которой навеяны многие из представленных моделей в излюбленном сером цвете. Корреспондирует с моделями «Портрет мадам Шарль Макс» Джованни Болдини (1896) и «Сфинкс» Тулуз-Лотрека (1898). Стены зала закрыты панелями, идеально обтянутыми шелковыми тканями – черного и серого цвета как нейтральный ахроматический фон для драгоценной россыпи нарядов и живописных произведений.

На подиумах располагаются сами модели, одетые на высокие элегантные манекены, которые находятся в мизансценах. Они представляют собой не выставленные модели, а театрализованные композиции, прекрасно скомпонованные по форме, цвету, характеру образа. Они движутся, живут в пространстве зала.

Тема «Кристиан Диор и XVIII век» – инсталляция, которая относится к особняку по адресу Париж, ул. Монтень, 30, где родился не только Дом моды, но и весь его стиль. Фрагмент интерьера в стиле Людовика XVI украшают фигура элегантной дамы в платье из голубого шифона, тех же оттенков, как и в замечательном «Портрете Марии-Антуанетты» Э.Л. Виже-Лебрена из собрания Версаля. Интерьер с панелями, камином и огромным, уходящим вверх зеркалом в золоченой раме наполнен элегантной мебелью в стиле рафинированного французского классицизма. Включенные в этот фрагмент экспозиции – подлинные музейные предметы выдающихся мастеров своего времени: стол Ж.А. Ризинера и кресла Ж. Жакоба, резное золоченое кресло, расшитое розами, бронзовая люстра, часы, канделябры, вазы из порфира – представляли обстановку офиса Дома Диора. Из последователей Диора эту линию исторических реминисценций продолжил Жанфранко Ферре, и именно его яркие и пышные платья для театра моды и карнавальных коллекций 1990–2000-х гг. (Spring summer) в характере образов рококо и исторических аллюзий заняли большую часть раздела.

Центром выставок Белого зала всегда бывает апсида. Это самая главная, архитектурно выделенная уже одним своим расположением и декором зона, являющаяся кульминационной точкой любой выставки. Так и на выставке Диора центр зала был отдан инсталляции с подлинным древнеегипетским саркофагом золотоликой египтянки Ташет III–I вв. до н. э. из коллекции Пушкинского музея, в окружении идеально геометрически расставленных флаконов духов «J'Adoir» («Я обожаю»). Стена абсиды представляла пронзительно синий рельеф с загадочными древнеегипетскими письменами, на фоне которого парили фантазийные платья из «Египетской коллекции» 2004 г. Джона Галльяно в виде мифических египетских богинь, женщин фараонов, ослепляющих золотым сиянием. Это пространство производило завораживающее впечатление. В дополнение к этой мистерии свет постоянно менялся. Он то мерк и погружал все в таинственный полумрак, то, наоборот, разгорался и становился максимально интенсивным, создавая ощущение пульсации и движения, еще более подчеркивая эффект театральности. Эта инсталляция несла определенный контекст и была посвящена теме: «Диор» – «Бог и золото».

Следующей темой выставки были «Балы Диора», где доминировали тончайшие оттенки розового, серого и лилового цвета. Два крупных парадных портрета – Варвары Римской-Корсаковой (1864) кисти Ф. Винтерхальтера и Герцога Орлеанского (1846) О. Энгра, в тяжелых резных золоченых рамах, придавали композиции зала праздничную торжественность, что поддерживалось и

классической музыкой. Раздел «Сады Диора» покорял красочным пространством, фантазией и декоративностью изысканной гаммы цветочных рисунков, где были собраны вещи, «напоминающие цветы, украшенные цветами и названные в честь цветов», представленные рядом с картинами Ренуара, Боннара, Климта. На платьях с гирляндами из цветов ландыша и плюща зритель смотрел снизу вверх, как на нечто божественное, то, чему поклоняются. Этот экспозиционный прием активно использовался на выставке в целом. Чуть завышенная точка зрения создает эффект «пиетета» и некое изначальное «восхищение», что достигается простым расположением экспонатов выше линии восприятия зрителей.

В двух небольших зонах около дверей была представлена ювелирная коллекция. Слева витрина со светодиодами и видео создавала интригу, так как увидеть редкое по силе реальности изображение в 3D проекции можно было лишь с одной центральной точки зрения. Справа были представлены виртуозно выполненные реальные изделия и эскизы, поражающие разнообразием и буйной фантазией.

Совершенно иной по экспозиционной концепции стала колоннада, отведенная разделу «Тело и линия», где должна была раскрываться работа Диора над платьем, показано его отношение к моде. Со стороны лестницы были выставлены подлинные исторические костюмы, платья, пальто на манекенах, каждый из которых был поставлен в «игровой» позе, в обрамлении оригинальных витрин-каркасов. При этом в самом костюме и композиции витрины могли сочетать элементы разных лет и коллекций. Вместо привычных стекол в витринах была натянута тонкая черная сетка-вуаль, создававшая, с одной стороны, защиту для исторического раритета, а с другой – она не разделяла зрителя и модель и тем самым сохраняла ощущение ее материальности. На стенах галереи с противоположной стороны экспонировалась тема обнаженного силуэта: в живописи, фотографиях, графических работах, в инсталляциях современных художников.

...Диор по сути дела, создавая дамское платье, работал как архитектор. Используя разнообразные качества той или иной ткани, он как бы строил свои модели. И в этом смысле его поиски оказались очень созвучны тем исканиям, которые делали очень крупные мастера-художники и фотографы, работая с обнаженной женской фигурой².

² Бонами З. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/museum/768301-echo/> (дата обращения 10.01.2020).

На открытии выставки звучали слова самого Диора по поводу тела, линии, архитектуры формы.

Архитектура платья не пустое слово. Платье строится, конструируется в зависимости от направления нитей. В этом секрет моделирования и этот секрет основан на первом законе архитектуры: подчинение силе тяжести³.

Известно, что он воспринимал создание одежды как архитектуру, также видел в ней сочетание несущих и несомых частей, создавал одежду прямо на модели, как скульптор.

Весь этот раздел построен на прямых сопоставлениях, впрочем, как и во многих других случаях, достаточно спорных. На стене галереи расположились картины самого разного характера, в основном ню. Так, если справа – «Большая обнаженная» Томаса Вессельмана, то слева – жакет «Bag», по сей день остающийся воплощением элегантности. Здесь собраны произведения Сезанна, Модильяни, Пикассо, Дубосарского и Виноградова; фотографии Хельмута Ньютона и Орлана; инсталляция В. Бикрофт, абстрактная живопись Ива Кляйна и другие произведения на тему линии и тела, раскрывающие и представляющие самые разные формы, ракурсы, жанры. Пройдя колоннаду, зритель попадал в новое неожиданное пространство – «Мастерская, или искусство Высокой моды» – в святая святых, в творческую лабораторию, в измерение, закрытое для глаз непосвященных, место, где создаются шедевры. В «Мастерской» последовательно раскрываются все стадии работы над коллекцией: от стадии эскиза до показа на подиуме и фотографии в журнале. Центр зала занимала большая квадратная витрина с платьем-инсталляцией, подарком в честь празднования 100-летия Диора. Это незаконченное платье, с подколотыми булавками деталями, оригинальным браслетом в виде подушечки с булавками, призвано было визуализировать творческий процесс создания моды. По сторонам зала – высокие белые стеллажи с белыми холщевыми рабочими моделями – прототипами, сделанными для каждой вещи. На них отрабатывается силуэт, уточняется и доводится до совершенства крой, и лишь после этого выбираются ткани для окончательного варианта и воплощения. Ряды белых торсов в холщевых одеждах, поставленных на возвышение, подобно скульптурам, делали этот раздел остро современным. Как и положено, в мастерской – простой белый деревянный пол. А фоном стало видео, записанное уже в нынешних мастерских, запечатлевшее

³ Там же. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/museum/768301-echo/> (дата обращения 12 февраля 2020).

процесс работы над созданием моделей, как дань уважения тяжело-му профессиональному труду, которым собственно и является высокая мода как высококласное ремесло.

На стене – архивные фотографии мастерских Дома Диор и несколько авторских карандашных рисунков к первым коллекциям 1947–1950-х гг. Поразительно точные и выразительные, легкие и одновременно виртуозные, с его ставшим хрестоматийным эскизом длинного платья с тонкой талией. Мастерские и по сей день являются сердцем модного Дома. Два больших манекена, мужской и женский, фланкируют вход в соседний зал. На них проецируется видео с выкройками и процессом примерки. А над всем этим, как результат и заключительный аккорд – видео дефиле.

Из «Мастерской-ателье» экспозиция раскрывалась в два боковых зала и повышенный центральный. Первый посвящен искусству Диора дизайнера-парфюмера – «Магия ароматов». Сам Кристиан Диор считал себя парфюмером ничуть не в меньшей степени, чем модельером. Поэтому все – от тончайших градаций оттенков духов до уникальных флаконов из розового стекла – дело рук маэстро. «Аромат для него был своеобразным завершающим штрихом к моделям одежды», говорилось в аннотации раздела.

В центре зала, в выгороженном панелями пространстве, располагалась видео-инсталляция современной российской художницы О. Киселевой «Парфюмерный орган», созданная специально к выставке. Она представляла собой трехметровую видео-инсталляцию из 800 флаконов духов «Jadoge», в виде крупных капель, подвешенных к потолку на металлических стержнях в окружении экранов, на которые проецировались кадры, по мнению автора, зримо воплощая запах духов.

В разделе «Вокруг света Диор» были представлены коллекции, навеянные художнику и его последователям путешествиями по миру и вдохновленные шедеврами мирового искусства. Все экспонаты логически организованы по странам, этнические мотивы которых повлияли на создание коллекций. Причем главным становятся не географические границы, а культурно-исторические смыслы. Так, в этом зале соседствовал арабский Восток, Испания, Византия, средневековая Япония, Россия рубежа XIX–XX вв. Представленная на выставке «Русская коллекция» Джона Галляно сложилась после посещения им Этнографического музея в Санкт-Петербурге в 2002 г. А «Русские сезоны» Сергея Дягилева, работы К. Малевича, А. Архипова, В. Степановой – все вместе сыграло роль катализатора и источника вдохновения, будучи преломлено через призму русского авангарда 20-х гг., которым Диор был глубоко увлечен.

В зале возникало противоречивое чувство невятности некоторых контекстов и ассоциаций. Если в случае с пальто «Suzuka-San», на полах которого был воспроизведен принт «Фудзи в морских волнах в Канагава» Хокусая, соседство с одноименной ксилографией из собрания ГМИИ было естественно и закономерно, так как выстраивало убедительные сопоставления, то некоторые сопоставления вызвали вопросы в своей уместности в экспозиции.

Заключительным и в какой-то степени кульминационным был зал «Звезды Диора». Красная ковровая дорожка во всех ее символических значениях для современной культуры вела к центру зала с его магическим раритетом – рождественской металлической звездой, найденной как-то Диором на парижской улице. По легенде, он воспринял ее как некий знак свыше, сулящий ему большой творческий и жизненный успех. Экспозиция посвящена выдающимся платьям кутюрье для известных женщин эпохи – Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро, Шерон Стоун, многие из которых выходили на знаменитую красную дорожку за заслуженным «Оскаром» в платьях от Диора. А королевы и принцессы – от Грей Келли до леди Дианы – были звездами галактики Дома Диора.

Эта экспозиционная композиция была максимально насыщена кино, видео, звуком, театральными эффектами, кадрами из знаменитых фильмов, калейдоскопом сюжетов, вспышками фотокамер, светом прожекторов, наплывающими друг на друга кинопроекциями, музыкой, речью. А над всем этим витал в воздухе звук аплодисментов, пение Марлен Дитрих и Эдит Пиаф. Это один из лучших по замыслу и по исполнению разделов выставки. Он целиком передает атмосферу Голливуда. По силе и эффекту представления здесь соединились все возможные экспозиционные, театральные и киноприемы. Подиум был затянут черно-серой сеткой-экраном, на которую, как и на стену, проецировались черно-белые и цветные фрагменты из фильмов. Тем самым проекция была на стене и на сетке, за которой были знаменитые платья, создавая одновременно четыре синхронных изображения на фоне из сотен мерцающих точечных лампочек, создающих эффект кульминации праздника.

Выставка, как в случае с экспозицией Шанель, была организована не по хронологии коллекционного показа, а аналогично – по темам коллекций. Главное – она преследовала ту же цель: предьявить творчество великого мастера в контексте высокого искусства во всем разнообразии его жанров – живописи, графике, фотографии, инсталляциях. Основные экспозиционные темы были связаны с мифами, с созданием легенды, с театром моды.

Однако и в том и в другом случае они адекватно отражали и выражали своих героев – Габриэль Шанель и Кристиана Диора – со все-

ми их жизненными и творческими судьбами, пристрастиями, вкусами и творческим кредо. Творческая жизнь Шанель была длинной, со многими этапами взлетов и забвений. Творческая жизнь Диора была короткой – всего одно звездное десятилетие. Шанель по своей сути была авангардисткой в сфере моды, она всегда была богемной, смелой и экстравагантной. Диор был консерватором, приверженцем классических традиций. Но при этом и Шанель, и Диор были создателями не просто моды, не просто коллекций одежды, но создателями стиля, создателями образа современной женщины начала и середины XX в. И именно это свойство творчества сближает их в концептуальном характере обеих выставок. А вот концепции пространства, образы и формы, созданные Жаном-Луи Фроманом и Натали Криньер, оказались удивительно различными. Сверхзадачей экспозиции «Шанель» было выявление творческих связей модельера с миром высокого искусства, и ради этого сами вещи были предъявлены фрагментарно. Они не были выставлены, в том привычном понимании этого слова, а лишь присутствовали в экспозиционных разделах. И в целом это была острая и, как принято сейчас говорить, креативная подача коллекции. При этом архитектура Белого зала музея практически полностью игнорировалась. Экспозиционные конструкции встраивались в объем зала, полностью закрывая и изменяя его.

В экспозиции «Диора» – наоборот, архитектура Белого зала оказалась ведущей, кульминационной темой. А выстроенные дизайнером неф с фальш-колоннами-витринами в точный размер и характер колонн зала только усиливал эффект уникального архитектурного пространства, а зеркальный потолок все уводил вверх, создавая грандиозное зрелище. Зал был снова преобразован. Но не способом игнорирования и построения совершенно нового пространства, а на основе архитектуры этого зала. Оригинальное использование формы колонн для создания витрин для культовых платьев еще больше подчеркивало храмовый характер зала – как храма моды. И если на экспозиции Шанель это был лабиринт небольших, локальных и лаконичных пространств, которые по ощущению уменьшали пространство зала, то на экспозиции Диора в том же архитектурном объеме было выстроено грандиозное пространство, зрительно превышающее его реальные размеры. Если Жан-Луи Фроман отказался от архитектуры зала в угоду концепции выставки, то Натали Криньер сделала архитектуру зала экспозиционной темой, многократно умножив ее. Один и тот же зал, один и тот же предмет показа, и концептуально противоположные художественные решения. При этом оба полноценные, оригинальные и, бесспорно, запоминающиеся события в искусстве экспозиции.

Если на выставке Шанель платья и костюмы знаменитых коллекций висели вплотную на вешалках, не позволяя полностью рассмотреть все модели и детали предметов, то на выставке Диора они были даже не выставлены, а организованы в мизансцены. Это был в большей мере театр, чем традиционная экспозиция. Фигуры, облаченные в уникальные наряды Диора, – «играли». Они выстраивали театрализованные мини-спектакли. Да и ко всей выставке Диора можно применить термин – грандиозная и талантливая театрализация, экспозиционное шоу, которое максимально включает и использует весь арсенал выразительных экспозиционных средств.

Выставки моды, рассмотренные в этом кратком обзоре, демонстрируют бескрайний диапазон возможностей экспозиции как одного из жанров пластического искусства, пограничного с драматургией и сценографией, дизайном и инсталляцией, в контексте подлинной документальной музейной информации. Экспозиция раскрывается в пространстве и во времени, организуя сложные архитектурно-художественный и пространственные ансамбли для передачи содержания, эмоций и впечатлений по всем законам искусства.

Информация об авторе

Мария Т. Майстровская, доктор искусствоведения, профессор, Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, Москва, Россия; 125080, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, д. 9;

НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, Москва, Россия; 115093, Россия, Москва, ул. Пречистенка, д. 21; mmaystro@mail.ru

Information about the author

Mariya T. Maistrovskaya, Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Stroganov Moscow State Academy of Art and Industry, Moscow, Russia; bld. 9, Volokolamsk Highway, Moscow, Russia, 125080;

Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia; bld. 21, Prechistenka Street, Moscow, Russia, 115093; mmaystro@mail.ru

Художественные миры: изучение и моделирование
(Рец. на: Художественные миры XXI века.
Пути интеграции архитектуры и арт-практик /
сост., ред. Т.Г. Малинина.
М.: БуксМАрт, 2020. 500 с., ил.)

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Аннотация. Рецензируемая книга вписывает процессы в современной архитектуре и искусстве в широкий контекст преобразования человеком жизненной среды. В книге архитектура рассматривается как место поиска художественной цельности, включающего в себя не только интеграцию технологий и искусств, но и особый режим моделирования технологических и эстетических процессов. В результате современная архитектура оказывается частью новейшего художественного процесса, включающего инсталляцию и перформанс. История искусства XX века переосмыслиется как история художественных систем, направленных на преобразование жизненной среды через раскрытие коммуникативного потенциала материала и формы. В рецензии ставятся вопросы о возможностях и ограничениях такого подхода.

Ключевые слова: новейшее искусство, современная архитектура, жизненная среда, архитектурные инновации, пластика, социальная функция искусства

Для цитирования: Марков А.В. Художественные миры: изучение и моделирование (Рец. на: Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик / сост., ред. Т.Г. Малинина. М.: БуксМАрт, 2020. 500 с., ил.) // Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 151–157. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-151-157

Art worlds. Study and modeling
 (Review: Art worlds of the 21st century.
 Ways of integrating architecture and art practices /
 T.G. Malinina (ed.).
 Moscow: BuksMArt Publ., 2020. 500 p., Ill.)

Aleksander V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, markovius@gmail.com

Abstract. The book under review fits processes in contemporary architecture and art into the broad context of the living environment transformation by the human. In the book, architecture is considered as a field of searching for artistic integrity, which demands not only an integration of technologies and arts, but also a special mode of modeling technological and aesthetic processes. Hence contemporary architecture is conceptualized as part of the recent art procedures, including installation and performance. The history of art of the 20th century is reinterpreted as the history of art systems aimed at transforming the living environment through the disclosure of the communicative potential of material and form. The review discusses advantages and limitations of that approach.

Keywords: contemporary art, contemporary architecture, living environment, architectural innovations, plastic art, art social function

For citation: Markov, A.V. (2020) "Art worlds. Study and modeling (Review: art worlds of the 21st century. Ways of integrating architecture and art practice / T.G. Malinina (ed.). Moscow: BuksMArt Publ., 2020. 500 p., Ill.)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 151-157, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-151-157

Рецензируемая книга заявляет как проблемный фокус «сотрудничество архитектора и художника», по-новому понимая термин «интеграция» – не просто объединение усилий архитекторов, дизайнеров и современных художников, но столкновение методов производства различных искусств и методологий их описания с необходимым разрешением проблемных узлов такого наложения разных концептуальных моделей. Коллективная монография поделена на два раздела. В первом разделе на примере истории современной архитектуры рассматривается, как вообще возможно моделирование в современном искусствознании, создание работающих моделей, востребованных как практиками архитектуры и дизайна, так и историками, анализирующими длительные процессы. Вместо привычной историзации процессов современности, которой

можно достичь в рамках отдельных дисциплин или субдисциплин, здесь предлагается изучение той эстетической избыточности архитектурных практик, которая может возникнуть внезапно внутри какого-то проекта и тем самым обеспечить диалог различных искусств и трансформацию пространственных привычек современного человека. Во втором разделе речь идет о художественных системах, начиная с авангарда, и их востребованности в современных художественных и социальных практиках именно в качестве систем. Опять же вопреки редукционистским привычкам, грозящим превратить достижения прошлых эпох в элемент дизайна или в поучительный эпизод из истории искусства, все авторы монографии настаивают на том, что эти системы обладали достаточным интегративным потенциалом, чтобы обеспечить при их должном рефлексивном усвоении углубление или неожиданное раскрытие практик наших дней.

Такое соединение мысли о внезапном вдохновении с изучением закономерностей уже запущенных интегративных процессов делает книгу полностью соответствующей современным философским тенденциям, где изучение контингентного (непредсказуемого) соединяется с постоянным усложнением социальных моделей как сложной совокупности акторов и сценариев. Вообще, постоянный диалог авторов с современной философией и социальной теорией потребовал бы отдельного внимания, если бы не узкие рамки рецензии.

В первом разделе отсутствуют кейс-стади, наоборот, большинство авторов рассматривают множество сходных проектов, пытаются найти общие тенденции в архитектуре разных стран и разных школ. Для интерпретации всегда привлекается больше одного контекста, от общих закономерностей развития изобразительного и перформативного искусства начиная с эпохи модернизма до способов ведения бизнеса в архитектурных агентствах, трансформации отношения заказчика и исполнителя и дискуссий по насущным социальным проблемам, которые сейчас, где бы они ни начинались, приобретают всемирное измерение.

Второй раздел, не менее насыщенный теоретически, направляет наше внимание к тому, как теоретическая ориентация различных арт-практик, выстраивание ими самих себя вдоль оси авангард-модернизм-постмодернизм, помогает им преобразовывать жизненную среду. Речь, разумеется, заходит не только о позиции заказчика, которым оказывается востребован тот или иной стиль или обусловленная стилем стратегия, но и о собственных законах развития архитектурно-средовых комплексов, идейная составляющая которых и дает им возможность выявить

себя, стимулирует актуализацию. Сами по себе приемы архитектора, дизайнера или создателя инсталляций мало что значат, но вот как именно неожиданно найденное решение может изменить отношение к социальной роли искусства вообще – это существенно и значимо.

Главы монографии часто имеют слишком общие заглавия, в таких объемных монографиях, конечно, желательны подзаголовки, раскрывающие самый острый аспект поставленного вопроса. Поэтому укажем, что в первом разделе рассмотрены такие вопросы, как превращение художественных приемов в художественные программы в современной архитектуре (М. Дуцев), связь семиотической полноты архитектурного решения с его аффективным потенциалом (С. Ванеян), избыточная семантика геометрической гармонии и других классических аллюзий в современной архитектуре (В. Карпов), методологические разрывы и новые связи при переносе композиционных представлений из одного искусства в другое (С. Штейн), специфика освоения воображаемых пространств будущего города при инфраструктурном планировании (Д. Замятин), антиномичность «природного» в средовых решениях в современной архитектуре (Т. Малинина), усложнение топики и противоречивость семантически нагруженных мест в современном городе (Ю. Волчек). Отдельного внимания заслуживают выводы Л. Фрейверт о спонтанно-алеаторическом принципе как наиболее перспективном для возможного синтеза искусств на основе архитектуры.

Также в первом разделе рассмотрены проблемы, связанные с бытованием различных видов искусств и групп этих видов в современной городской среде. Так, проанализированы такие вопросы, как место концепции «архитектурное творчество» в масштабных эстетических программах современности (А. Ефимов), использование инсталляций (С. Орлов) и украшений (И. Перфильева) для возвращения человекосоразмерности современному городу. А. Иванова убедительно реконструирует модель села русского Севера как скорее городскую, со всей необходимой дорогостоящей инфраструктурой, правовыми началами и распределением труда. М. Невлютов настаивает на «перформативности» современной архитектуры, пришедшей на смену функционализму, а О. Хвоина вскрывает общие принципы работы с пространственными отношениями в современной архитектуре и современной музыке. Несколько глав посвящены поэтике слова и ее влиянию на архитектурное развитие: так, Н. Гринина говорит о продуктивности метафор в развитии сложных архитектурных решений, а С. Скалдина понимает иронию в архитектуре не как отдельный

художественный прием, но как одно из правил создания разнообразия в архитектуре.

Во втором разделе рассмотрены такие острые проблемы, часто на отдельных случаях, как влияние статуса «культурная столица Европы» на градостроительные планы и борьбу вокруг них (О. Постникова), пластическое наследие Ле Корбюзье в современной архитектуре (И. Фомичева), эксперименты со скульптурой и «антискульптурой» в искусстве второй половины XX в. и влияние их на организацию архитектурных пространств (Е. Орлова), урбанистическая аналитика в фильмах Х. Валь дель Омара (О. Колотвина), французские концепции повседневности и их роль в спорах о художественной среде города (Т. Малова). Также рассмотрены такие концепты, влиятельные в современной архитектуре, как «городской коллаж» (Н. Васильев), «дематериализация» при обширном использовании остекления в архитектуре (Д. Михайкин), пространства социального диалога в современном Лондоне (Н. Гончаренко). М. Силина рассмотрела новые социальные функции спальных районов на примере Канады, искусно соединив искусствоведческий и социологический анализ.

Ряд глав второго раздела посвящен индивидуальным проектам. О. Дубицкая рассуждает о граффити в Польше между эстетикой и политикой, о возможностях их коммерциализации и музеефикации. С. Петрушихина усмотрела в архитектуре О. Элиассона своеобразную синэстезию, тактильность и одновременно музыкальность, открытие новых режимов чувственности. А. Духно указала, как используется фрактальная геометрия в признанных практиках архитектурного проектирования, а К. Малич критически определила границы «органического» в спорной до сих пор архитектуре С. Калатравы – насколько его дорогостоящие проекты действительно представляют собой диалог с изобретениями природы. Проблемам архитектурной экологии посвящены разделы, написанные В. Крючковой и Д.-Э. Боултом, в них инструментализуется понятие о распределении потенциала и энергии в природном и искусственном пространстве. С. Тугаринова делится впечатлениями от бесед с Захой Хадид, размышляя не столько о ее стиле, сколько о диапазоне решений и функционале ее зданий. Н. Панова видит в архитектуре Ф. Гэри возвращение к авангардной органике цвета, С. Червонная анализирует современную исламскую культовую архитектуру как соединение геометризма, функционализма и всемирного измерения философии ислама, наконец, М. Майстровская видит в архитектуре современных павильонов всемирных выставок не столько общее представление о современных тенденциях в архитектуре, сколько попытки ее регулирования, создания некото-

рого неписанного кодекса общественной архитектуры, значимого и для будущих частных решений.

К недостаткам книги, кроме указанного отсутствия подзаголовков, можно отнести и отсутствие какого-либо списка ключевых понятий, проблематизированных в этой монографии, таких как частное и публичное пространство, повседневность, социальная функция архитектуры. Без этого книга может быть воспринята неподготовленным читателем просто как полезная хрестоматия (ридер) по современной архитектуре, обогащающая множеством новых знаний, но не имеющая общей цели. Конечно, во многих главах эта цель видна, и чтение даже нескольких глав позволяет понять, о чем идет речь, но если говорить о совершенствовании самого жанра коллективной монографии по искусству, то в ней желательно эксплицировать основные силовые линии, чтобы не превратиться в яркий, умный, но альбом. В остальном мы можем сказать, что эта книга – выдающееся явление в современном отечественном искусствоведении. Она показывает, как именно можно говорить об эстетических и социальных проблемах, не останавливаясь на отдельных явлениях или аспектах современной архитектуры.

Составитель книги добился объемного видения проблем не только на уровне всей монографии, но и каждой главы. Все авторы преодолевают соблазн описательного подхода или анализа отдельных сторон проблемы, с неизбежным моральным выводом или практической рекомендацией, а действуют как искусствоведы в мировом поле науки. Они показывают, как нужно корректировать базовые понятия при встрече с современной всемирной архитектурой, как ставить под вопрос привычный повседневный опыт и школьные представления, как определять функции отдельных элементов и решений, причем не только состоявшихся, но и возможных в это время и в этом регионе. Здесь искусствовед оказывается всегда собеседником архитектора, решающего практические задачи, показывая, в какие еще большие паттерны социального поведения вписаны эти отдельные практики.

Искусствоведческая проницательность позволяет авторам коллективной монографии понять не только, что «работает» в современной архитектуре, действует на потребителя или все общество, но и что еще не «сработало» до конца, но при определенном направлении развития современного искусства раскроет свой потенциал. Ни один искусствовед не обойдется без моделирования и воображения, здесь это моделирование служит пониманию социальных закономерностей, а воображение – актуализации накопленного потенциала современной архитектуры.

Мы видим, что может архитектура, как из малых решений складываются большие социальные перемены в современном мире и как архитектурные события раскрывают функции самых разных искусств, изобразительных и перформативных, в общественной жизни.

Информация об авторе

Александр В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия Москва, Миусская пл., д. 6; markovius@gmail.com

Information about the author

Aleksander V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; markovius@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
А.А. Леонтьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 25.06.2020.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 9,9.
Тираж 1050 экз. Заказ № 955

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru